

ИСТОРИЯ
HISTORY

Макаревская Н. Ю.
N. Yu. Makarevskaya

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ И СТРАНЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ СОТРУДНИЧЕСТВА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ
КОММУНИКАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**THE FAR EAST OF RUSSIA AND THE COUNTRIES OF NORTH EAST ASIA:
A STRATEGIC LEVEL OF COOPERATION AND INTERCULTURAL COMMUNICATION
AT THE PRESENT STAGE**

Макаревская Нина Юрьевна – аспирантка Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (914) 154-04-48. E-mail: ninamakarevskaya@yandex.ru.

Ms. Nina Yu. Makarevskaya – a postgraduate student, History and Archival Sciences Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (914) 154-04-48. E-mail: ninamakarevskaya@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения между Россией и странами Северо-Восточной Азии (СВА) на современном этапе в контексте межкультурного диалога. Отмечены серьёзное сближение стран СВА – Японии, Республики Корея с Россией; восстановление связей России с Монголией. Автором обозначена особая значимость в данном контексте Дальневосточного федерального округа России. Рассматриваются юридическая и организационная базы межкультурного сотрудничества между российским Дальним Востоком и странами Северо-Востока Азии, такими как Япония, Республика Корея и Монголия. Выявлено, что взаимоотношения между российским Дальним Востоком и северо-восточными странами Азии в целом переходят на новый стратегический уровень развития. Определено, что улучшению взаимоотношений, повышению степени доверия между Россией и странами СВА в большой степени способствует межкультурный диалог.

Summary. The article discusses the relationship between Russia and the countries of Northeast Asia at the present stage in the context of intercultural dialogue. A serious rapprochement between the countries of Northeast Asia, such as Japan, the Republic of Korea and Russia, and the restoration of Russia's ties with Mongolia is noted. The author designates special significance in this context of the Far Eastern Federal District of Russia. The legal and organizational framework for intercultural cooperation between the Russian Far East and the countries of Northeast Asia, such as Japan, the Republic of Korea and Mongolia, is considered. It was revealed that the relationship between the Russian Far East and the NEA countries as a whole is moving to a new strategic level. It has been determined that the improvement of mutual relations, the increase in the degree of trust between Russia and the NEA countries is largely promoted by intercultural dialogue.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Япония, Южная Корея, Монголия, Северо-Восточная Азия, межкультурный диалог, стратегическое партнёрство.

Key words: Far East of Russia, Japan, South Korea, Mongolia, North-East Asia, intercultural dialogue, strategic partnership.

УДК 008.2

В связи с изменениями в международном порядке, связанными с переходом к многополярности, глобализацией и формированием сетей и коалиций, на современном этапе государства вынуждены менять приоритеты в отношениях с другими странами. Особенно наглядны такие перемены в Азиатско-Тихоокеанском регионе, одном из крупнейших центров мировой активности.

Также можно отметить серьёзное сближение стран СВА – Японии, Республики Корея с Россией. Россия в свою очередь пытается выстраивать более тесные отношения с Монголией. Особую значимость в данном контексте приобретает ДФО России. Сегодня можно говорить о переходе взаимоотношений между российским Дальним Востоком и странами СВА на новый стратегический уровень. На это указывают достаточно проработанные юридическая и организационная базы, увеличивающееся с каждым годом количество встреч на высшем и высоком уровнях. Особый акцент правительства России и государств Северо-Восточной Азии делают на межкультурные коммуникации. Развивая межкультурный диалог, страны закладывают фундамент для будущих поколений, укрепляя взаимопонимание и доверие между народами.

Например, несмотря на то, что отношения России и Японии, даже в отсутствие мирного договора, в последние годы находятся в лучшем состоянии за всю их историю, со стороны Японии сохраняется недоверие и осторожность по отношению к России. Связано это, во-первых, с нерешённостью территориального вопроса, во-вторых, с проамериканской настроенностью японцев. Тем не менее наши страны объединяет общая история, у японцев повышается интерес к изучению русского языка и русской культуры.

Гуманитарные отношения между Россией и Японией регулируются Московской декларацией 1998 года об установлении созидательного партнёрства между Российской Федерацией и Японией [12], Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о культурных связях от 21 июля 2002 г. Стороны договорились содействовать обменам учёными, педагогическими и научными работниками, студентами и аспирантами, деятелями искусства и др., проведению мероприятий, призванных содействовать ознакомлению народов своих государств с культурой, историей, общественным устройством и образом жизни другой страны. В Москве 10 января 2003 г. был подписан Российско-японский план действий. Документ охватывает многие области двусторонних отношений – от экономики до гуманитарной сферы – и нацелен на новое качество двусторонних отношений исходя из осознания важности дальнейшего углубления взаимопонимания, уважения друг друга и укрепления взаимного доверия [20]. Укреплению взаимопонимания между народами Японии и России способствует осуществление безвизовых обменов между жителями островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи и японскими гражданами, а также другими контактами [1].

Несмотря на то, что юридическая база для развития взаимоотношений достаточно проработана, японская сторона не готова выйти на новый доверительный уровень межкультурной коммуникации, не готова делиться опытом. Тем не менее на сегодняшний день сотрудничество в сферах образования и искусства вносят весомый вклад в поступательное развитие российско-японских отношений в целом. И российская, и японская стороны осознают, что, развивая межкультурный диалог, закладывают фундамент для будущих поколений, не связанных с историческими предрасудками и недоверием, которые смогут вывести российско-японские отношения на качественно новый уровень.

На это направлена деятельность правительственных и неправительственных организаций. Японской стороной культурные проекты реализуются прежде всего неправительственными организациями, такими как Японский фонд, созданный в 1972 году, АНО «Японский центр» (в настоящее время зарегистрирована как автономная некоммерческая организация «Японский центр по развитию торгово-экономических связей»). На Дальнем Востоке России филиалы Центра созданы в Хабаровске, Владивостоке и Сахалине. Деятельность данных организаций направлена в том числе на углубление понимания Японии и японской культуры, содействие наведению мостов между Россией и Японией.

С сентября 2008 г. осуществляет деятельность преемник Росзарубежцентра – Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Основными партнёрами Россотрудничества

являются Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС) и входящие в неё общественные объединения, в том числе российские общества дружбы с зарубежными странами. Среди входящих в РАМС организаций стоит отметить Общество «Россия и Япония», созданное в 1991 году с целью содействия процессу развития обменов между двумя странами. Организационно-партнёры Общества на Дальнем Востоке России: Клуб при Японском центре во Владивостоке, Общество дружбы «Россия – Япония» Хабаровской региональной общественной организации «Союз обществ дружбы с зарубежными странами», Якутское региональное отделение Общества «Россия – Япония» [9]. Большое количество культурных мероприятий проходит при содействии Генерального консульства Японии в Хабаровске и Генерального консульства Японии во Владивостоке.

Дальневосточный регион играет особую роль в улучшении взаимопонимания между народами России и Японии. Между российской и японской сторонами на приграничных территориях проводится большое количество мероприятий. В 2013 году в Хабаровске прошёл месяц японской культуры «Японская весна – 2013». В марте в городах ДФО традиционно проводится фестиваль японского кино. Ярким культурным событием не только Дальнего Востока, но и всей России является фестиваль биеннале визуальных искусств (Владивосток). С апреля 2003 г. по март 2004 г. в нашей стране проходил фестиваль японской культуры. С 2005 года проходит фестиваль российской культуры в Японии с программой до 2021 года. Фестиваль знакомит японцев с балетом, музыкой, театром, цирком и другими проявлениями русского искусства [5].

В 2017 году проведены «Русские сезоны» в Японии. В этом мероприятии задействована и территория российского Дальнего Востока. Так, концерты к 135-летию со дня рождения великого русского композитора И. Стравинского в рамках Второго дальневосточного фестиваля «Мариинский» прошёл под эгидой «Русских сезонов». В фестивале приняли участие российские и японские артисты [10]. Две тысячи восемнадцатый год объявлен «перекрёстным» годом России в Японии и Японии в России. Одним из самых ярких проектов, проходящих в рамках Года Японии в России, стал японский праздник – концерт «Поезд дружбы», прошедший в городах Дальнего Востока и Сибири. С 2009 года проводятся российско-японские форумы ректоров, с 2013-го активно осуществляются межвузовские связи [14].

Развитие сотрудничества между Россией и Монголией в области образования и подготовки кадров имеет первостепенное значение для дальнейшего развития всесторонних связей между нашими странами. Однако и в этой сфере, и в российско-монгольском сотрудничестве в целом существует ряд проблем. Те, кто знали русский язык, уже его забыли, а нынешним монгольским юношам и девушкам предоставляется широкий выбор. Позиции России в Монголии постепенно ослабевают, в том числе и в сфере образования. Особую значимость приобретает более тесное сотрудничество сибирских и дальневосточных регионов РФ с Монголией, особенно вопрос о культурном синтезе, возникающем в ходе сотрудничества между монголо-язычными республиками России и Монголией. Важным фактором развития между этими двумя странами сотрудничества являются возможности широкого межкультурного взаимодействия [23].

На сегодняшний день между Россией и Монголией подписано большое количество договоров и соглашений, в том числе в области гуманитарного сотрудничества. Например, в 1993 году был заключён Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве, а в 2009-м – Декларация о развитии стратегического партнёрства между Россией и Монголией. Двусторонние отношения также опираются на Улан-Баторскую декларацию от 2000 года и Московскую декларацию от 2006 года; также сторонами заключены Соглашение о культурном и научном сотрудничестве от 5 апреля 1995 г. (дополнено Программой 2003 года), Соглашение о сотрудничестве в области образования, Соглашение о взаимном признании документов об образовании, учёных степенях и учёных званиях от 2003 года. Кроме того, подписано большое количество соглашений о сотрудничестве российских и монгольских организаций: Академии наук Монголии и Российской академии наук,

Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования Монголии; принята Программа сотрудничества между Министерством культуры России и Министерством образования, культуры, науки и спорта Монголии [2]. С ноября 2014 г. между Россией и Монголией введён безвизовый режим [11].

Сотрудничеству в области образования и науки, физкультуры и спорта, развитию туризма и прочего между Россией и Монголией способствует Российско-монгольская межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (соглашение от 25 марта 2002 г.) [16]. Созданная в том же году комиссия по сотрудничеству в области архивов содействует организации историко-документальных выставок, обмену опытом работы архивных учреждений, повышению квалификации архивных работников на базе архивных и научных учреждений России и Монголии [25].

С каждым годом увеличивается количество квот для студентов из Монголии. В Монголии действуют филиалы российских вузов, в том числе Восточно-Сибирского государственного технологического университета. Также проводятся выставки образовательных услуг: 15 марта 2018 г. на базе Центра науки и культуры Монголии прошла III ежегодная «Российская образовательная выставка – 2018», в которой приняли участие вузы 16 регионов России, в том числе Владивостокский университет экономики и сервиса. Кроме того, между странами происходит обмен учёными и специалистами, проводятся совместные конференции, семинары, научно-технические выставки, симпозиумы, реализовываются научно-исследовательские и технологические проекты, проводятся научные конкурсы. Большое внимание уделяется изучению русского языка. С 2006 года русский язык изучается в монгольских школах в качестве второго обязательного иностранного языка после английского.

Традиционно в городах России проходят дни монгольской культуры, в Монголии – дни российско-монгольской дружбы. В 2016 году прошли совместные культурные мероприятия в рамках празднования 95-летия установления дипломатических отношений между Монголией и Россией. При поддержке правительств двух стран ежегодно проводятся профильные выставки, совместные семинары и обмен делегациями в туристической отрасли [19].

Между Россией и Республикой Корея отсутствуют политические проблемы, способные тормозить развитие взаимоотношений. Однако в целом Южная Корея – не простой для России партнёр. Во-первых, южнокорейские власти в «стратегическом партнёрстве» с Россией предусматривают создание преимуществ над Китаем и Японией в доступе к природным ресурсам российского Дальнего Востока и Сибири, во-вторых, действуют с оглядкой на Вашингтон. Положительным аспектом является тот факт, что Россия является важным для Республики Корея партнёром в деле укрепления мира на Корейском полуострове и в достижении общего процветания государств Северо-Восточной Азии.

Взаимоотношения России и Республики Корея также поступательно развиваются, особенно в сфере культурного взаимодействия при поддержке правительств двух стран. Договор об основах отношений между Россией и Кореей был заключён 29 апреля 1993 г. [4]. Ещё раньше, в 1992 году, между странами было заключено Соглашение о культурном сотрудничестве [21]. В Пхеньяне 09 февраля 2000 г. подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой. Стороны договорились поддерживать и развивать дружественные отношения [3]. В сентябре 2008 г. состоялся визит Президента Республики Корея Ли Мёнбака в Россию. В ходе встречи на высшем уровне отношения между Россией и Республикой Корея были вынесены на уровень стратегического партнёрства. По итогам встречи президентов двух стран 23 июня 2018 г. стороны договорились активизировать регулярные контакты на высшем уровне, содействовать расширению обменов и сотрудничества между правительствами, парламентами, деловыми и научными кругами, а также обменов в сфере культуры и искусства, в том числе в связи с празднованием в 2020 году 30-й годовщины установ-

ления двусторонних дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея. Две тысячи двадцатый год объявлен Годом взаимных обменов между Российской Федерацией и Республикой Корея [18]. В результате введения безвизового режима между Российской Федерацией и Республикой Корея увеличилось количество южнокорейских туристов, приезжающих в Россию, и количество российских туристов, посещающих Корею.

Взаимоотношения России и Кореи в области образования и культуры имеют давнюю историю. Корейцы очень серьёзно относятся к образованию. С 16 марта 2015 г. действует Соглашение между правительствами Российской Федерации и Республики Корея об учреждении и условиях деятельности культурных центров в Москве и Сеуле [22]. Такие центры действуют во Владивостоке, Уссурийске, Хабаровске и других городах России. Деятельность центров направлена не только на обучение корейскому языку, но и приобщение к корейской культуре – традиционным национальным танцам и музыке [7]. При университетах создаются клубы любителей корейского языка и культуры [6].

Для Кореи тоже важны национальное культурное возрождение российских корейцев и развитие культуры межэтнических отношений. С этой целью в 2004 году в Хабаровске была создана Ассоциация корейских организаций Дальнего Востока и Сибири. Ассоциация тесно сотрудничает с Ассамблеей народов Хабаровского края, Международной ассоциацией национальных культур, министерством культуры Хабаровского края, краевым научно-образовательным объединением культуры (КНОТОК), Корейским молодёжным центром «Корё» и другими государственными и общественными организациями российского ДВ и Корейского полуострова [15].

Укреплению и развитию корейской диаспоры в России содействует научно-техническое общество «АНТОК», деятельность которого направлена на установление научных и профессиональных связей между представителями диаспоры, популяризацию науки и образования среди молодёжи, развитие сотрудничества между научными сообществами корейцев, проживающих в других странах [13].

Между Дальним Востоком России и Южной Кореей проводится большое количество мероприятий. Традиционным стал фестиваль корейской культуры. На базе дальневосточных университетов совместно с корейскими вузами проводятся молодёжные форумы («Две страны – один путь к успешному будущему»), конкурсы («Арктическая Якутия и Дальний Восток как регионы-партнёры Республики Корея») [17]. Большое количество студентов отправляется в Южную Корею с целью изучения корейского языка по программам Министерства образования Республики Корея и по собственной инициативе.

С 14 по 29 июля 2002 г. при поддержке правительств обеих стран в России прошла акция «Экспресс корейско-российской дружбы – 2002». Поезд совершил маршрут с остановками по семи российским городам: от Владивостока и Хабаровска его маршрут проходил через Иркутск, Новосибирск, Екатеринбург, Москву и завершился в Санкт-Петербурге. Во время поездки пассажиры встречались с главами субъектов Федерации, организовывали семинары и лекции, общались с местным населением.

Две тысячи четырнадцатый год стал годом празднования 150-летней годовщины переселения корейцев в Россию. Этому событию посвящён комплекс мероприятий: научно-практическая конференция, кинофестиваль, музейная экспозиция, фестивали корейской культуры и др.; 20 июля 2016 г. в Хабаровске побывала «Евразийская экспедиция Пусана – 2016»; развиваются лечебно-оздоровительный, культурно-познавательный, деловой туризм; проводятся выставки, обучающие семинары по сотрудничеству в сфере туризма между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Южной Кореей [24].

Таким образом, можно отметить становление и динамичное развитие взаимоотношений между Россией и Республикой Корея. Благодаря развитию межкультурного диалога значительно улучшились и стабилизировались отношения между Российской Федерацией и Японией. Возрожд-

даются практически утраченные связи Монголии с нашей страной. На современном этапе благодаря усилиям правительств названных государств взаимоотношения между ними выходят на новый уровень стратегического партнёрства. Улучшению взаимоотношений, повышению степени доверия между Россией и странами СВА в большой степени способствует межкультурный диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестовой, Д. А. Развитие связей в сфере туризма между Хабаровским краем и Японией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-svyazey-v-sfere-turizma-mezhdu-habarovskim-kraem-i-yaponiey-1985-2010> (дата обращения: 28.10.2018).
2. Ганхуяг, Э. Россия-Монголия: по пути стратегического партнёрства / Э. Ганхуяг // Вестник РУДН. История России. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 462-476.
3. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой от 09 февраля 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-206/46817 (дата обращения: 10.02.2018).
4. Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901839752> (дата обращения: 08.02.2018).
5. Киба, Д. В. Культурные связи России и Японии в постсоветский период / Д. В. Киба // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 10. – С. 49.
6. Клуб любителей корейского языка и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dvgups.ru/press-main-page/9539-klub-lyubitelej-korejskogo-yazyka-i-kultury> (дата обращения: 11.02.2018).
7. Корейский молодёжный культурно-просветительский центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arirang.ru/youth/piter.htm> (дата обращения: 11.02.2018).
8. Корейцы устроили во Владивостоке бум. Туристический [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primpress.ru/article/25603> (дата обращения: 10.02.2018).
9. Киба, Д. В. Меморандум о расширении обменов между Российской Федерацией и Японией в культурной и других областях: учеб. пособие [Электронный ресурс] / Д. В. Киба. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902065> (дата обращения: 28.10.2018).
10. Межгосударственные отношения России и Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20151019/1301742918.html> (дата обращения: 28.10.2018).
11. Международные договоры Российской Федерации в сфере туризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russiaturism.ru/contents/deyatelnost/mezhdunarodnaya-deyatelnost/mezhdunarodnye-dogovory-rossijskoj-federatsii-v-sfere-turizma> (дата обращения: 27.01.2018).
12. Московская декларация об установлении созидательного партнёрства между Российской Федерацией и Японией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901724336> (дата обращения: 28.10.2018).
13. Научно-техническое общество «АНТОК» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aksts.ru/> (дата обращения: 11.02.2018).
14. Новости [Электронный ресурс] // сайт Генерального консульства Японии в Хабаровске. – Режим доступа: https://www.khabarovsk.ru.emb-japan.go.jp/itprtop_ru/index.html (дата обращения: 09.01.2018).
15. Об Ассоциации [Электронный ресурс] // сайт Ассоциации корейских организаций Дальнего Востока и Сибири. – Режим доступа: <http://www.akodvs.ru/index/0-2> (дата обращения: 08.02.2018).
16. Протокол 18-го заседания Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству: Улан-Батор, 13–15 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://194.87.255.243/upload/iblock/145/18.pdf?spetal=Y> (дата обращения: 27.01.2018).
17. СВФУ объявил конкурс эссе об Арктике и Дальнем Востоке для студентов из Южной Кореи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/4807747> (дата обращения: 10.02.2018).
18. Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5321/print> (дата обращения: 07.12.2018).

19. Современные российско-монгольские отношения: модели и сценарии / отв. ред. В. А. Родионов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. – 248 с.
20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о культурных связях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901809485> (дата обращения: 28.10.2018).
21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о культурном сотрудничестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-360/48719 (дата обращения: 07.12.2018).
22. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея об учреждении и условиях деятельности культурных центров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-56/44313 (дата обращения: 07.12.2018).
23. Фалилеева, Н. В. Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования / Н. В. Фалилеева // Приоритеты России. – 2013. – № 12. – С. 10.
24. «Экспресс дружбы» идёт по России: газета «Тихоокеанская звезда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.toz.khv.ru/special_issues/arkhiv/2002_07_16_ekspress_druzhby_idet_po_rossii (дата обращения: 04.02.2018).
25. 23-е заседание Российско-монгольской комиссии по сотрудничеству в области архивов [Электронный ресурс] // сайт Федерального архивного агентства. – Режим доступа: <http://archives.ru/press/23-06-2018-mongolia.shtml> (дата обращения: 27.01.2018).

Блинцов Д. А.
D. A. Blintsov

«КИТАЙСКИЙ ФАКТОР» НА КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1945 ГОДА

«THE CHINESE FACTOR» AT THE CRIMEAN CONFERENCE OF 1945

Блинцов Дмитрий Александрович – научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Ливадийского дворца-музея (Россия, Ялта); Республика Крым, 298655, г. Ялта, пгт Ливадия, ул. Батурина, 44а; тел.: +7 (978) 015-38-60. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Mr Dmitry A. Blintsov – Researcher of the scientific-exposition Department of the State autonomy institution of the Republic of Crimea, Livadia Palace-Museum (Russia, Yalta); Republic of Crimea, 298604, Yalta, the village Livadia, 44a Baturin str.; tel.: +7 (978) 015-38-60. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с обсуждением китайского фактора, его роли и значения в политике союзных держав в период проведения 4–11 февраля 1945 г. Крымской конференции глав трёх держав антигитлеровской коалиции – СССР, Великобритании и США. Автор анализирует позиции сторон, которые предшествовали переговорному процессу и в дальнейшем способствовали укреплению влияния Советского Союза в Дальневосточном регионе. Особое место уделено роли Китая как объекта притязания «великих держав».

Summary. The article deals with the issues related to the discussion of the Chinese factor, its role and importance in the policy of the allied powers during the Crimean conference of the three powers of the anti-Hitler coalition—the Soviet Union, the United Kingdom and the USA on February 1945. The author analyzes the positions of the parties that preceded the negotiation process and further contributed to the strengthening of the influence of the Soviet Union in the Far East. Special attention is paid to the role of China as an object of interests of «great powers».

Ключевые слова: союзники, конференция, США, договор, дипломатия, политика, 1945, СССР, Китай.

Key words: allies, conference, USA, diplomacy, politics, 1945, the Soviet Union, China.

УДК 341.372

Крымская конференция лидеров стран антигитлеровской коалиции, проходившая в Ливадии (Крым) с 4 по 11 февраля 1945 г., оставила значительный след в мировой истории. Это вызвано рядом факторов: решением о разделении сфер влияния в Европе, попыткой формирования контуров послевоенного мироустройства с учётом последствий Второй мировой войны, переформатированием многих государств и их границ.

Всё это, а также судьба послевоенной Германии, война, которую продолжала вести Япония на Дальнем Востоке, входило в повестку дня Крымской конференции и очень тщательно обсуждалось членами делегаций СССР, США и Великобритании в ходе длительных переговоров.

Заметим, что на этой встрече было принято важное решение, которое обычно считают значительным успехом советской дипломатии и советского руководства в период Великой Отечественной войны. Речь идёт о вступлении Советского Союза в войну против Японии в рамках выполнения своих союзнических обязательств. Этот вопрос имел под собой долгую основу, ведь в конце 1941 года американское военно-политическое руководство рассматривало вопрос о втягивании СССР в войну с Японией [7, 121]. Это было преждевременным шагом для советской стороны, однако Советскому Союзу было очень важно получить признание и удовлетворение своих политических условий для вступления в войну, в том числе и в Китае, после наступления подходящего момента. Более того, попытки союзников, прежде всего США, использовать советскую территорию как плацдарм для проведения активных наступательных операций против Японии советской стороной отвергались то решительно, то путём долговременных переговоров, которые старались затянуть, находя причины невозможности их

реализации. Однако это имело, по мнению советского руководства, смысл, так как позволяло не дать повода для нападения на СССР – в самый острый период борьбы с фашизмом на Восточном фронте. Да и позиция японского военного и политического руководства в отношении Советского Союза была в целом обусловлена ходом противостояния между советскими и немецкими войсками и носила откровенно выжидательный характер. Не самую последнюю роль, конечно, играли и Советские Вооружённые Силы (ВС) на Дальнем Востоке, в Приморье, с которыми японцам приходилось считаться. Уроки Хасана и Халхин-Гола (1938, 1939 годы) дали свои плоды.

Здесь следует сказать несколько слов о ещё одном косвенном участнике рассматриваемого процесса – Китае. Говоря о Китае, необходимо помнить, что эта страна с начала XX века была объектом притязаний ряда европейских и азиатских государств. Череда войн, переворотов, мятежей, иностранной интервенции фактически убрали Китайское государство с политической арены, сделав его объектом притязаний. События, которые произошли в первой трети XX века, дали шанс Китаю на возрождение. Особую роль в этом сыграло несколько факторов. С одной стороны, таким фактором оказалась политика молодого советского государства, которое пыталось проводить активную внешнеполитическую деятельность и на Дальнем Востоке, впрочем, идеи коммунизма и равенства нашли отклик у значительной части китайского населения разных социальных групп. С другой стороны, рост национального самосознания, творчески переработанный, чуждый социальный опыт приводят к росту популярности Гоминьдана (китайская национальная партия). Она зиждется на принципах национально ориентированного государства, консолидирует китайский народ перед лицом внешней угрозы.

В дальнейшем раскол китайского общества, которое с одинаковой горячностью воспримет две диаметрально противоположные политические идеи, приведёт к гражданской войне, которая будет продолжаться с перерывами в два десятка лет – с 1927 до 1949 года. Правда, следует согласиться с мнением ряда авторов о том, что «Среди научных исследований, связанных с изучением истории Второй мировой войны, редко встречаются работы, в которых предпринималась бы попытка полноценного анализа роли Китая в военном конфликте» [1, 36]. В данном случае будет предпринята попытка ликвидировать возникшую лагуну. Даже будучи ослабленным и расколотым, Китай представлял интерес как объект политики для большинства амбициозных государств как в регионе, так и за его пределами, и прежде всего для США. Естественно, внимание советского руководства (СССР) было тоже приковано к происходящим там событиям и оно весьма пристально следило за ситуацией в Китае. Главенствующая роль в деле идеологического доминирования в Китае отводилась коммунистической партии Китая (КПК) и её лидерам, хотя контакты с Гоминьданом также имели место. Но серьёзной проблемой для советского руководства являлась непримиримость, которая фактически разделила в дальнейшем китайское общество.

За событиями в Китае внимательно наблюдали из-за океана. Американские правящие круги были заинтересованы в своём политическом и экономическом присутствии и влиянии в Китае. Более того, они имели в этой стране давние интересы, которые ещё в конце XIX века отразились в доктрине Хэя (1899) [9, 42]. С начала XX века и позднее США активизируют свою политику на территории Китая. В 30-е гг. прошлого столетия они делают ставку на Гоминьдан и её лидера Чан Кайши. Всё это накладывалось на агрессивную и захватническую политику Японии, которую она вела в отношении Китая на протяжении десятилетий. Более того, активизация японской империи в военной сфере привела к тому, что окружение Чан Кайши исходило из простого понимания, что Китай слишком слаб, чтобы решиться на прямое противостояние Японии. Надеясь на использование противоречий мировых держав в Китае, на изменение внутривосточной ситуации в Японии, Чан Кайши и его сторонники практически избрали тактику умиротворения, избегая открытого противостояния и пытаясь лавировать между интересами крупнейших геополитических игроков [2, 28]. Такое многообразие участников геополитического процесса, многовекторность их интересов породили серьёзнейший комплекс проблем стратегического

характера, который пришлось решать всем заинтересованным сторонам в годы Второй мировой войны.

Военные действия на территории Китая начались в 1937 году и с различной степенью интенсивности продолжались в течение четырёх лет. Нападение Японии на Перл-Харбор привело к формированию китайскими правящими кругами следующего вывода: это даёт им шанс на упрочение их позиций в переговорном процессе с Великобританией, США и СССР и позволит стать субъектом международных отношений. Практически сразу, вслед за нападением японцев на базу американского флота на Гавайских островах, 9 декабря 1941 г. Китай объявил войну Японии, а чуть позднее – Германии и Италии. Это вызвало благосклонный отклик среди политического истеблишмента США, так как там считали, что новый театр военных действий отвлечёт силы японцев от основного направления борьбы. Однако на конференции в городе Чунцине, проходившей во второй половине декабря 1941 г., выявились противоречия между США и Великобританией в отношении Китая. Это не остановило американцев в стремлении занять доминирующее положение среди советников Чан Кайши и определять его политику в данном регионе.

В 1942 году в Китай была направлена миссия генерала Стилуэлла, который на протяжении нескольких лет являлся советником китайского руководителя и координировал усилия китайского и американского военного руководства в данном театре военных действий. Более того, Белый дом приступил к разработке политической стратегии на послевоенный период на Дальнем Востоке и в Азии. Важную роль в проведении этой стратегии должен был сыграть Китай. Американцы сделали ставку на основной ресурс Китая, в то время людской, который должен был стать решающим фактором в борьбе с японскими вооружёнными силами.

Интересная деталь: в октябре 1942 г. США объявили об отказе в праве «экстерриториальности» в Китае, что было зафиксировано американо-китайским соглашением от 11 января 1943 г. [6, 543]. Более того, американское руководство в лице генерала Дж. Стилуэлла, главы штаба Чан Кайши, отвечавшего за поставки по ленд-лизу в Китай, предприняло шаги в деле урегулирования противоречий между Гоминьданом и КПК. Однако это не отменяло того факта, что основной фигурой политических процессов в Китае, по мнению США, должен был остаться Чан Кайши.

На конференции в Тегеране, в ноябре 1943 г., Англия, СССР и США обсудили ряд вопросов, один из которых заключался в участии Советского Союза в войне против Японии на Дальнем Востоке после разгрома гитлеровской Германии. Инициатива в данном вопросе принадлежала западным союзникам. Именно тогда стороны определили возможные преференции, которые получит СССР с учётом его позиции по дальневосточному вопросу. Но в дальнейшем переговоры по этому вопросу продолжали оставаться в центре внимания руководителей мировых держав.

Заместитель народного комиссара иностранных дел И. Майский 10 января 1944 г. написал докладную записку на имя В. Молотова, в которой отразил перспективу послевоенного устройства и будущего мира. В этом документе нашлось место и дальневосточному вопросу. Майский подчёркивал парадоксальность этих фактов: «...17) СССР не заинтересован в войне с Японией, но очень заинтересован в разгроме Японии англо-американскими силами. Наиболее правильным с точки зрения интересов СССР было бы маневрировать так, чтобы получить Южный Сахалин и Курильские острова в порядке генерального межевания карты мира после поражения Оси без того, чтобы СССР был втянут в военные действия с Японией. 18) СССР заинтересован в расширении и укреплении дружественных отношений с Китаем, однако степень содействия Китаю в его развитии и превращении в подлинно великую державу должна определяться характером тех сил, которые будут находиться у власти в Китае в послевоенный период» [8, 42], тем не менее мнение Майского не было принято в качестве возможного руководства к действию. На Крымской конференции принимается другое решение: фактически предстояло не зависеть от тех сил, которые будут у власти в Китае, и при этом активно участвовать в создании благоприятного политического климата в стране с учётом интересов Советского Союза.

Четвёртого февраля одна тысяча девятьсот сорок пятого года в Ялте начала свою работу Крымская конференция глав трёх держав антигитлеровской коалиции. Черчилль, Сталин и Рузвельт в Ливадийском дворце приступили к обсуждению важнейших вопросов, связанных с разгромом Германии, послевоенным устройством Европы, проблемами Дальнего Востока. Заметим, что эта тема прорабатывалась давно, так как в декабре 1944 г. в Москве между американским послом Гарриманом и Сталиным состоялся разговор, в котором стороны детально обсудили участие СССР в войне против Японии с учётом интересов советского государства. Именно тогда были заявлены требования советской стороны, тщательно изученные американцами.

Напомним, что в числе требований были контроль над Южной частью острова Сахалин и островами Курильской гряды, получение контроля над портами Потр-Артур и Дайрен на условиях аренды, а также ведущей к ним через Мукден, Чаньчунь, Харбин железной дороги и Китайско-Восточной железной дороги [4, 284]. Фактически после установления контроля над Восточной Европой де-факто советская внешняя политика стала играть более активную роль и в дальневосточном регионе с прицелом на ближайшую перспективу с учётом усиления влияния и повышения престижа СССР в мировой политике. Специалисты американского Госдепартамента подготовили для американского президента материалы, в которых высказали своё мнение о возможной передаче под международную опеку Южного Сахалина и Курильских островов. Однако президент США Ф. Д. Рузвельт посчитал это малопривлекательным вариантом.

Дело в том, что среди военно-политического руководства США сформировались два лагеря – лагерь сторонников и лагерь противников участия СССР в войне против Японии. Сторонниками такого развития событий были государственный секретарь США Э. Стеттиниус, глава Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ) генерал Дж. Маршалл, министр обороны США Г. Стимсон, командующий ВВС в Китае генерал К. Ченнолт и др., объективно понимавшие трудности и проблемы, которые их ожидали, если в войну против Японии СССР не вступит. Однако и противники такого развития событий имели достаточный вес. Например, адмирал Ч. Нимиц, сотрудники Госдепартамента Ч. Болен и Дж. Кеннан, а также Дж. Грю (бывший посол США в Японии) и глава департамента военной мобилизации Дж. Бирнс. Возникает интересная коллизия: дело в том, что фактически соглашение между СССР и США совершалось за счёт третьей стороны – Китая, представителей которого на переговорах не было. Восьмого февраля тысяча девятьсот сорок пятого года в Ливадии началась двусторонняя встреча между Сталиным и Рузвельтом, на которой участники обсуждали дальневосточные проблемы [10, 243]. Сталин поставил вопрос об условиях, на которых Советский Союз может вступить в войну. Вскользь американский президент заметил, что ряд вопросов требует консультаций с лидером Китая Чан Кайши. Однако проблему урегулирования советско-китайских отношений на себя брало именно американское руководство, что являлось, на первый взгляд, достаточной гарантией этого соглашения. Правда, советская сторона настояла на включении в текст соглашения положения о том, что президент США примет меры, чтобы со стороны руководства Китая такое согласие было получено [9, 46]. Фактически в Ялте Сталин в концентрированном виде сформулировал и выдвинул американцам условия, которые отвечали интересам советской державы, на основе которых возможно было достичь компромисса. Если ранее, в Тегеране и Москве, можно было лишь в сослагательном наклонении вести речь об интересах СССР в дальневосточном регионе, то теперь в Ялте эта двусмысленность уступила место трезвому расчёту, который был обусловлен значительным ростом влияния и авторитета Советского Союза на международной арене. Эти факторы и было решено использовать в качестве аргументации своих внешнеполитических требований. Но даже такие достаточно ограниченные требования вызвали серьёзную озабоченность в американском Госдепартаменте, о чём будет изложено в дальнейшем.

Предполагалось заключение между СССР и Китаем пакта о дружбе и союзе. Таким образом, заключение подобного договора связывалось с урегулированием СССР и Китаем всех возможных вопросов по Маньчжурии и Монголии. Несомненно, что Чан Кайши не стал бы противиться настояниям президента США, если бы они носили недвусмысленный характер. Гоминьдану нужно было соглашение с СССР, которое не давало бы активно развиваться КПК

в стране [3, 367]. Таким образом, американские политические и военные деятели могли контролировать переговорный процесс, направляя его в нужную для себя сторону. Но сейчас всё выглядит несколько иначе.

В чём же дело? В каком-то смысле выдвинутые требования советской стороны обозначили границы её устремлений, а значит, на этом можно было построить свою игру с учётом американских интересов. Более того, выдвинутые советской стороной требования, повторимся, касались страны, представителей которой на конференции не было. Американское правительство в этом смысле брало на себя роль посредника, но взамен американцы получили гарантии от Советского руководства в том, что Союз в соответствии с соглашением обязуется вступить в войну с Японией. В этой связи надо отметить один очень важный факт: в мае 1945 г., фактически сразу после смерти Рузвельта, исполняющий обязанности госсекретаря Джозеф Грю направил руководителям военных ведомств документ, в котором запросил мнение о проводимой США политике по отношению к СССР и в частности по Ялтинскому соглашению о Дальнем Востоке. Был поставлен вопрос о том, следует ли вообще выполнять это соглашение [5, 87]. На тот момент часть американских дипломатов отчётливо ощущала, что именно Китай является ключом к региону Юго-Восточной Азии [11, 9]. И в случае подъёма национального движения Китай, по мнению Дж. Дэвиса, американского дипломата в Чунцине, должен стать союзником США. В то же время он предупреждал об опасности недооценки советского влияния в Китае. И всё-таки на тот момент сторонники участия СССР в войне против Японии победили. Судя по всему, американские военные и дипломаты справедливо полагали, что после разгрома Японии влияние Гоминьдана усилится, а следовательно, усилится позиция Соединённых Штатов, которые проводили очень активную политику в Китае и имели возможность влиять на группировку Чан Кайши. Всё же советская сторона тщательно отслеживала ситуацию, и уже летом 1945 г. И. Сталин поставил вопрос о дате начала военных действий в зависимости от заключения соглашения с китайским правительством и об американском посредничестве в нём, чётко придерживаясь выработанной линии договорённостей в Ялте и требуя того же от своих союзников [9, 46]. Однако дальнейшие события ясно показывают, что американская сторона вела другую игру.

Дело в том, что заключение советско-китайского договора шло с большими трудностями, а это косвенно говорит о том, что подготовительной работы с китайским руководством американские представители и посланники фактически не вели. Американскую сторону чрезвычайно волновал вопрос о возможности «закрытия» Маньчжурии от проникновения туда американских интересов. В период проведения советско-китайских переговоров – 13 июля 1945 г. – Госдепартамент вновь высказал мнение, чтобы США сами или с Англией «повлияли на Советское правительство с целью изменения в пользу Китая условий, касающихся... железных дорог» [5, 98]. Грю предложил не предпринимать никаких шагов до тех пор, пока правительство СССР не согласится решить вопрос об объединении Китая «на условиях, которые правительство США считает наиболее желательными» [5, 86]. Возможность пересмотра Ялтинских соглашений вполне приемлемой считал и посол США в СССР А. Гарриман. В каком-то смысле американцы хотели руками представителей Китая добиться пересмотра некоторых соглашений по дальневосточному вопросу, достигнутых в Ялте в феврале 1945 г. Если бы эта попытка удалась, то американцы значительно улучшили бы свои позиции в Китае и стали доминирующей силой в регионе, умаляя влияние СССР и фактически вытеснив его из важного региона. В то же время позиция китайского руководства и Чан Кайши в качестве поборников национальных интересов усиливалась, что могло сыграть свою роль и в том, что часть населения поддерживающего КПК, перешла бы на их сторону, приняв их политическую платформу и декларируемые ценности. В этой ситуации политика СССР была обусловлена рядом факторов. С одной стороны, КПК ещё была недостаточно сильной, чтобы быть полноценным фактором воздействия на политику правящей партии Китая – Гоминьдан. С другой стороны, советская сторона в рамках заключённого соглашения, понимая существующие трудности, пыталась договориться с китайским руководством, возлагая определённые чаяния на прагматизм американской стороны и её зависимость, хотя и косвенную, от действий СССР в данном регионе и в данном театре военных

действий. Не последнюю роль в этом могло сыграть и то, что советская сторона, денонсировав Ялтинские соглашения, могла развязать себе руки при решении собственных геополитических задач на Дальнем Востоке, не считаясь с интересами США, что вызывало у американцев справедливые опасения. И всё же советская сторона продемонстрировала свою договороспособность и решимость следовать намеченному курсу, определённом в Ялте союзниками в феврале 1945 г., и поставить точку в этом вопросе.

Подводя итог, заметим, что китайский фактор оказал серьёзное влияние на формирование послевоенного устройства ряда государств на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии и вскрыл ряд противоречий между СССР, Китаем и США, которые в дальнейшем вылились в конфронтацию и открытое блоковое противостояние. Попытка американской стороны разыграть «Китайский фактор» оказалась неудачной и привела к утрате влияния в Китае, когда проамериканский ставленник Чан Кайши был вынужден покинуть страну. Однако тщательное и всестороннее изучение этого вопроса в дальнейшей перспективе позволит нам наиболее полно представить картину событий прошлого и понять, как они формируют повестку сегодняшнего дня в регионе и мире в целом. Необходимо учитывать исторический опыт прошлого при создании новых форм и способов взаимодействия между государствами в динамично меняющемся современном мире. В противном случае нам предстоит повторить все ошибки наших предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, Ци К вопросу о китайской историографии Второй мировой войны / Ци Ван, С. В. Кулик, Д. Д. Смирнова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 35-47.
2. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. IV. В 2 ч. Ч. 1. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. – Москва: РОССПЭН, 2003. – 856 с.
3. Данн, Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / Д. Данн. – М., 2004. – 472 с.
4. Кошкин, А. Россия и Япония: узлы противоречий / А. Кошкин. – М.: Вече, 2010. – 480 с.
5. Ледовский, А. Китайская политика США и советская дипломатия 1942–1954 / А. Ледовский. – М.: Наука, 1985. – 287 с.
6. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.); под ред. чл.-кор. АН СССР Е. Жукова. – М.: Изд-во политической литературы, 1951. – 790 с.
7. Печатнов, В. Переписка И. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. В 2 т. Т. 1 / В. Печатнов, Э. Магадеев. – М.: Олма групп, 2015. – 656 с.
8. Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. В 2 т. Т. 1. 1944–1948. Документы. – М.: РОССПЭН, 1999. – 697 с.
9. Шамрин, О. А. Ялтинские решения 1945 года по Дальнему Востоку и их реализация в контексте взаимодействия СССР, США и Китая / О. А. Шамрин // Мировой порядок XXI века и проблемы украинско-российских отношений: сб. науч. ст. под ред. С. Юрченко. – Симферополь, 2006. – С. 42-51.
10. Юрченко, С. Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира / С. Юрченко. – Симферополь: ИД «Крым», 2005. – 340 с.
11. Carter, C. Mission to Yenan: American liaison Mission with the Chinese communist, 1944–1947 / C. Carter. – 296 p.

Кучаев В. А.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОЗДАНИИ, СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ
ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕЁ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Кучаев В. А.
V. A. Kuchaev

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОЗДАНИИ, СТАНОВЛЕНИИ
И РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА В РОССИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕЁ РЕФОРМИРОВАНИЯ**

**HISTORICAL EXPERIENCE AND ITS IMPORTANCE IN CREATING AND DEVELOPMENT
OF RESERVE OFFICERS' TRAINING SYSTEM IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE
OF REFORM**

Кучаев Валентин Александрович – начальник учебной части, заместитель начальника военной кафедры при Комсомольском-на-Амуре государственном университете (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (4217) 24-12-05. E-mail: v.ku4@yandex.ru.

Mr. Valentin A. Kuchaev – Head of Training Department, Deputy Head of Military Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (4217) 24-12-05. E-mail: v.ku4@yandex.ru.

Аннотация. В предлагаемой работе представлена краткая история возникновения, становления и эволюции подготовки офицеров запаса в гражданских учебных заведениях; определены её основные исторические этапы. Проанализирована логика развития системы военной подготовки в вузах, сформулированы исторические и современные условия, определяющие необходимость проведения реформы.

Summary. The paper presents a brief history of the occurrence, formation and development of the training system of reserve officers in civilian educational institutions; and defines the main historical stages. The logic of development of the military training system in universities is analyzed and historical and modern conditions, that determine the need for reform, are emphasized.

Ключевые слова: военная подготовка, офицеры запаса, военные кафедры, вузы.

Key words: military training, reserve officers, military departments, universities.

УДК: 355.237.084.92

В настоящее время по инициативе Министерства обороны Российской Федерации в стране проводится очередная (постсоветского времени) реформа системы военной подготовки при гражданских вузах [1].

Основная идея реформы – унификация подходов и способов реализации военной подготовки в высших учебных заведениях (создание военных учебных центров взамен военных кафедр, факультетов военного образования и учебных военных центров) [2].

Указанные изменения с момента внесения законодательной инициативы [3] вызывают в обществе повышенный интерес, они также спровоцировали оживлённые дискуссии о необходимости проведения реформы военной подготовки при гражданских вузах вообще и о возможных других вариантах и направлениях реформирования в частности. По мнению экс-депутата Государственной думы Российской Федерации (депутата третьего и четвёртого созывов) полковника в отставке В. И. Алксниса, «заккрытие военных кафедр приведёт к сокращению числа офицеров запаса» [4]. Но выпускники военных кафедр, пополняя мобилизационный запас страны, становятся более востребованными на действительной военной службе по контракту. В большей мере этот факт обусловлен «кадровым голодом», связанным с реорганизацией в 2007–2012 годах (фактически – с ликвидацией) многих военных училищ и военных академий. Учитывая это, Министерство обороны Российской Федерации ставит целью проводимой реформы повышение эффективности управления процессом обучения студентов вузов по имеющимся направлениям военной подготовки [3].

Система военной подготовки в гражданских вузах, сложившаяся к 2018 году в Российской Федерации, имеет давнюю и богатую историю зарождения, эволюционного развития и множественных преобразований. Военная подготовка в общей системе образования находится на пересечении высшего и военного образования, является их частью. По этой причине некоторые авторы, в частности С. М. Фильков, С. А. Сацута, оценивают и формулируют исторические этапы подготовки офицеров запаса, начиная с VI–VII века, когда только начинала формироваться некая система накопления и распространения необходимых для военного дела знаний – начальный этап появления русского государства и общества.

Таким образом, С. М. Фильков, ссылаясь на исторический опыт подготовки отечественных военных кадров, представленный в разных источниках [5; 6; 7], предлагает историческую периодизацию в соответствии с особыми социально-экономическими, социально-политическими, социально-культурными и военно-политическими условиями развития России на следующих этапах развития системы военной подготовки в гражданских вузах [8].

I этап. Зарождение и возникновение системы (с начала становления русского государства и до рубежа XVII–XVIII вв.). Это этап накопления, сохранения и распространения особых знаний, умений и опыта в военном деле. На этом же этапе возникают в X веке первые русские школы, «книжное учение» которых формировало, говоря современным языком, компетенции, в том числе необходимые и воину.

Вопросы военного дела входили в подготовку и обучение при монастырях, а также в профессионально-ремесленном и индивидуальном обучении в период формирования и укрепления централизованного русского государства. В XIV–XVII вв. выходцы из различных слоёв русского общества, получив образование, принимались на службу в княжеские дружины, а с появлением регулярного войска служили стрельцами или даже предводителями отрядов.

Примером обобщения и сохранения специальных знаний военного дела служит составленный в начале XVII века Анисимом Михайловым «Устав ратных, пушечных и других дел [9].

II этап. Раннее (дореволюционное) становление (с рубежа XVII–XVIII вв. и до 1917 года). Военная подготовка в различных её формах присутствовала в гражданских вузах с рубежа XVII–XVIII вв., когда в ходе реформ Петра I в Российском государстве зародилась система высшего и специального профессионального образования.

Позднее, к XIX веку, в России создаётся система учебных заведений: университетов и институтов, различных школ и училищ, юнкерских и военных училищ, а также кадетских корпусов. Эти учебные заведения готовили компетентных специалистов, готовых трудиться в том числе (по желанию) и на военной службе.

До 1917 года выпускники гражданских учебных заведений систематически пополняли офицерский корпус царской армии, формировали мобилизационный резерв. Дворянское и другие сословия могли быть привлечены к гражданской или военной службе, быть зачисленными в резерв различными способами:

- после прохождения дополнительного краткосрочного обучения в кадетских корпусах;
- после окончания университета (по представлению руководства учебного заведения) лучшим студентам присваивались воинские звания; таких выпускников приписывали к воинским подразделениям с предоставлением возможности поступления на военную службу.

Вместе с тем техническое оснащение армии росло, усложнялись инженерные и артиллерийские оборудование и приборы, появлялись новые виды оружия и оснащение войск. Это обусловило создание новых кадетских корпусов в Санкт-Петербурге и Москве, выпускавших как кадровых офицеров, так и офицеров запаса командно-инженерных специальностей.

Военная подготовка становилась обязательной для всех студентов всех высших учебных заведений в военные периоды дважды: в XIX веке – в годы Крымской и Русско-турецкой войн, и в XX веке – во время Русско-японской войны. В эти периоды практически все выпускники вузов получали офицерские звания. Выпускники гражданских вузов принимали участие во всех военных кампаниях этого времени, командуя вверенными подразделениями наряду с кадровыми военными на различных офицерских должностях. Максимальное количество не только выпускников вузов,

но и студентов было призвано на офицерские должности в годы Первой мировой войны. Количество вольноопределяющихся в офицерском корпусе российской армии доходило до 75 % [10].

Окончание II этапа развития системы военной подготовки в гражданских вузах обусловлено рядом катастрофических по своей разрушающей мощи событий: Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, Гражданская война 1918–1922 годов.

Военная подготовка при гражданских вузах, не завершённая в своей структуре, не состоявшаяся как устойчивая и цельная система, была уничтожена вместе с государственностью царской России.

III этап. Восстановление системы и её развёртывание в советское время (с середины 20-х до конца 80-х гг. XX века). Реалии жизни и времени продиктовали необходимость создания в Советском Союзе системы высшего образования. Фактически возрождение (восстановление) военной подготовки студентов началось с организации высшей допризывной военной подготовки. Создаются военные кабинеты, назначенные обеспечить подготовку граждан в рамках обязанностей и навыков младших командиров.

Военные кабинеты в 1930 году преобразовываются в военные кафедры и вводится высшая вневоинсковая подготовка, при этом обучение на военной кафедре засчитывалось как служба в армии. Выпускники военных кафедр по окончании вуза зачислялись в резерв офицерского состава. В зависимости от специализации университета (института) офицеры запаса имели медицинские, технических, химические специальности или имели пехотный (командный) профиль.

К 1940 году военные кафедры преобразовываются в кафедры военно-физической подготовки, основной задачей которых становится начальная военная подготовка. По окончании вуза выпускники кафедры военно-физической подготовки должны были пройти действительную военную службу.

С началом Великой Отечественной войны воссоздание системы подготовки военных кадров в гражданских вузах сыграло значительную роль в обеспечении проведения мобилизации. Только в первый месяц войны было призвано 650 тыс. офицеров запаса, значительная часть которых была подготовлена в гражданских вузах [8]. К концу войны военные кафедры в вузах стали восстанавливаться, основной их задачей вновь становилась военная подготовка офицеров запаса.

В послевоенные годы в силу различных причин как объективного (внешнеполитическая обстановка, цели военного строительства и внутреннего развития страны), так и субъективного характера (цели и направления внутренней и внешней политики после смерти И. В. Сталина были существенно изменены), содержание и организация системы военного обучения студентов неоднократно изменялись и уточнялись. В 60–70-е годы XX века в Советском Союзе сформировалась мощная (более 500 военных кафедр и факультетов) система военной подготовки при вузах. Несмотря на масштабность, эта система была чётко отлажена и скоординирована по всем функциональным вопросам. Выпускники гражданских вузов стали призываться для прохождения службы в Советской армии и Военно-морском флоте СССР на офицерских должностях, некоторые оставались для прохождения кадровой службы.

По причине действия непреодолимых, как впоследствии оказалось, сил, ведущего к уничтожению Советского государства, система военной подготовки офицеров запаса в 80-е годы вошла в кризисное состояние. Насколько объективно была нужна в стране провозглашённая М. С. Горбачевым перестройка – мнений много на этот счёт, но проводилась она также и в отношении высшего образования, и в плане перестройки системы военной подготовки на военных кафедрах. Итог в той или иной мере напоминает окончание II периода – уничтожение государства, уничтожение (правда, не тотальное, но с «мутациями деструктивного характера» в эволюции) системы высшего образования в целом, системы военной подготовки офицеров запаса в частности. Эти регрессивные процессы мы отнесём уже к IV этапу.

IV этап. Реформирование сложившейся в советское время системы, или Современный этап развития, начавшийся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. С начала этого периода и по настоящее время не прекращается постоянное реформирование системы военной подготовки в вузах. Противоречивый характер проводимых преобразований, с одной стороны, обусловлен

неоднозначностью происходящих на постсоветском пространстве процессов, с другой стороны – явлениями дисбаланса в мировой политике.

С началом реформ, после некоторых попыток структурных преобразований, в том числе и на основе зарубежного опыта, в центральных вузах страны директивными указаниями Правительства Российской Федерации и министерств, курирующих деятельность вузов (Минобрнауки, Минобороны, Минздрав), были запущены ликвидационные механизмы системы подготовки офицеров запаса. В 1993 году было сокращено более двух третей общего количества военных кафедр при гражданских образовательных учреждениях (с 252 до 81 военной кафедры).

Подходы органов государственного и военного управления Российской Федерации к организации военной подготовки в гражданских вузах с конца 90-х и в первом десятилетии 2000-х постоянно менялись. При этом необходимо отметить положительные стороны развития этих событий:

1. В результате анализа происходящих на стыке веков событий в ходе систематического поиска пришло осмысление необходимости сохранения системы подготовки офицеров запаса в гражданских вузах.

2. Наметился курс на формирование и совершенствование законодательной базы, стала создаваться внятная правовая основа создания и функционирования системы военного обучения при гражданских вузах.

3. В государстве появились средства для материальной поддержки и обеспечения военного образования.

Промежуточным результатом реформирования явилось создание в 2008 году наряду с военными кафедрами и факультетами военного образования учебных военных центров [11]. Всего 37 военных факультетов и кафедр (всего было около 250) преобразованы в учебные военные центры. Выпускники военных учебных центров по завершении обучения в вузе обязаны поступить на военную службу по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами [12].

В настоящее время очередной виток реформы военной подготовки при гражданских вузах основан на фундаменте правовых наработок современной России и направлен на создание унифицированной структуры, устойчивой и гибкой в реальных условиях к систематическим изменениям требований к количественным и качественным показателям подготовки офицеров запаса. В 2019 году распоряжением Правительства Российской Федерации взамен упразднённых военных кафедр, факультетов военного обучения и учебных военных центров в России создано 93 учебных центра [13].

Анализируя содержание этапов зарождения, становления и развития системы подготовки офицеров запаса (системы военной подготовки в гражданских вузах), можно выявить некоторые неотъемлемые свойства функционирования этой системы:

1. Система военной подготовки в гражданских вузах по-прежнему остаётся востребованной жизненной необходимостью сохранения и защиты государства (являясь одной из форм военной подготовки, частью военного образования, эта система неотъемлемо имеет свою долю в подготовке кадровых военных, но в тоже время остаётся основой создания мобилизационного резерва).

2. Система военной подготовки в гражданских вузах, равно как и система образования в целом (в том числе военное образование), отражает и немедленно реагирует на любые внутрисполитические процессы в государстве. Совершенно очевидно наличие взаимовлияния системы образования и студенчества, государства и молодёжи. Отношение граждан к государству, к его Вооружённым силам – это очень чуткий критерий, показатель здоровья государства и политической зрелости граждан.

Оценивая указанные свойства, сформулируем принципы, лежащие в основе развития системы подготовки офицеров запаса:

1. Система военной подготовки в гражданских вузах должна совершенствоваться с развитием науки и техники, должна отвечать современным технологическим требованиям подготовки студентов.

2. Профессорско-преподавательский состав в системе военной подготовки в гражданских вузах должен обладать высокими, постоянно совершенствующимися квалификациями, отвечающими современным требованиям.

3. Система военной подготовки в гражданских вузах, имея мощную, постоянно обновляемую учебно-материальную базу, должна гибко реагировать на качественные и количественные изменения показателей государственного заказа по имеющимся воинско-учётным специальностям, а при необходимости иметь потенциал для изменения и дополнения воинско-учётных специальностей в конкретном вузе.

4. Система военной подготовки в гражданских вузах была и остаётся форпостом военно-патриотического воспитания граждан, не только непосредственно обучающихся по программам военной подготовки, но и всех студентов вуза.

Система военной подготовки в своём развитии функционирует и совершенствуется на перечисленных принципах. Деградирует эта система, приходит в упадок или уничтожается вовсе только в тесной взаимосвязи и вместе с системами высшего и военного образования, вместе с государственностью. В истории России мы дважды наблюдали регресс, упадок (вплоть до уничтожения) системы подготовки офицеров запаса.

Процесс же возрождения в обязательном порядке опирается на достижения предыдущего этапа. Как бы негативно ни относились большевики к «пережиткам царизма», основные принципы организации подготовки офицеров запаса, элементы её форм пришлось позаимствовать, как было показано, из системы образования дореволюционной России.

Очевидно, что эффективное достижение целей в реформировании системы военной подготовки в гражданских вузах на современном этапе возможно только при выполнении следующих условий:

- чёткой формулировки целей и задач проводимых реформ;
- проведения всестороннего анализа прошедших социально-политических изменений, прогнозирования дальнейших векторов в эволюции системы при законотворчестве и совершенствовании её правовой основы;
- вдумчивого использования исторического отечественного и зарубежного опыта создания и всестороннего обеспечения системы подготовки офицеров запаса.

Действительно, несомненная актуальность вопроса военной подготовки в гражданских вузах (как предмета нашего изучения) уходит корнями в далёкое прошлое. Это значит, что возникновение, развитие и преобразование структуры и содержания военной подготовки требует системного изучения, осмысления в контексте тех или иных исторических событий. Очевидно, что именно такой подход к изучению данного вопроса позволит максимально эффективно проводить реформирование, объективно оценивать происходящие при этом процессы, уточняя векторы дальнейших изменений, необходимость и степень дополнительных управленческих воздействий и точки приложения силы для их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кафедры уйдут в центры. В вузах военная подготовка студентов сокращена не будет // Редакция «Российской газеты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/06/17/v-minoborony-rasskazali-o-reforme-voennyh-kafedr-pri-vuzah.html> (дата обращения: 24.03.2019).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 марта 2019 г. № 427-п // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903150017?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 24.03.2019).
3. Лейтенант из центра. Военные кафедры вузов станут учебными центрами // Редакция «Российской газеты»: интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/06/05/voennye-kafedry-i-fakultety-grazhdanskih-vuzov-stanut-uchebnymi-centrami.html> (дата обращения: 24.03.2019).
4. Закрытие военных кафедр приведёт к сокращению числа офицеров запаса // Информационное агентство «Накануне.RU» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nakanune.ru/articles/114041/> (дата обращения: 24.03.2019).

5. Кунбутаев, Л. М. Методологические основы функционирования и развития военного обучения студентов в условиях проводимых в России реформ. Проблемы подготовки военных специалистов в гражданских вузах России / Л. М. Кунбутаев, А. А. Тарасов, В. Н. Юлин. – М.: МЭИ, 1993. – С. 8-48.
6. Машкин, Н. А. Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века / Н. А. Машкин. – М., 1997. – 347 с.
7. Ховрина, Л. Н. Гуманизация в военном образовании в дореволюционной России в период с 1700 по 1917 год: автореф. дис. ... докт. пед. наук / Ховрина Людмила Николаевна. – М., 1996. – 44 с.
8. Фильков, С. М. Система военной подготовки в гражданских вузах: теория и практика функционирования и совершенствования: моногр. / С. М. Фильков. – М., 2002. – 14 с.
9. Фонд «Русская Цивилизация», 2004. Рустрана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://рустрана.рф/7758/Ustav-ratnih-pushechnih-i-drugih-del-kasaemih-voennoy-nauki> (дата обращения: 24.03.2019).
10. Сайт историка Сергея Владимировича Волкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://swolkov.org/tro/index.htm> (дата обращения: 24.03.2019).
11. Об учебных военных центрах, факультетах военного обучения и военных кафедрах при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования: распоряжение Правительства РФ от 06 марта 2008 г. № 275-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75357/ (дата обращения: 24.03.2019).
12. Об обучении граждан Российской Федерации по программе военной подготовки в федеральных государственных образовательных организациях высшего образования: постановление Правительства РФ от 06 марта 2008 г. № 152 (ред. от 28 сентября 2018 г.) вместе с «Положением об учебных военных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования», «Положением о факультетах военного обучения (военных кафедрах) при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования: распоряжение Правительства РФ от 13 марта 2019 г. № 427-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Непочатова В. М.
V. M. Nepochatova

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА И ЯЗЫКОВАЯ НОРМА. РУССКИЙ СЛОВЕСНЫЙ АКЦЕНТ

SPEECH CULTURE AND LANGUAGE NORM. RUSSIAN VERBAL ACCENT

Непочатова Валерия Михайловна – аспирантка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17/2. E-mail: devalera9@gmail.com.

Ms. Valeria M. Nepochatova – a post-graduate, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 17/2 Kirova str. E-mail: devalera9@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена понятиям «речевая культура» и «языковая норма» и тому, каким образом они соотносятся друг с другом. Рассматривается проблема русского словесного акцента как одного из аспектов речевой культуры.

Summary. The article is devoted to the concepts of speech culture and language norm, and their mutual relation. The problem of Russian verbal accent is considered as one of the aspects of speech culture.

Ключевые слова: речевая культура, языковая норма, русский акцент, словесный акцент.

Key words: speech culture, language norm, Russian accent, verbal accent.

УДК 81

В настоящее время речевая культура человека играет далеко не последнюю роль в его трудовой жизни, а может быть и одну из главных. Этот факт неоспорим, поскольку мы живём в то время, когда профессиональная деятельность человека и то, каким образом он осуществляет коммуникацию в ней с другими участниками, требует от него владения речевой культурой. Например, в объявлениях о приёме на работу очень часто можно встретить формулировки следующего типа: «Требования к соискателям: хорошая, грамотная речь...» или «Хорошая дикция, грамотная речь...».

Хорошая, грамотная речь – показатель высокого уровня речевой культуры человека. Говорящий с высоким уровнем речевой культуры способен выстроить свою профессиональную коммуникацию более успешно.

Что означает понятие «речевая культура» и как оно соотносится с понятием «языковая норма»? Понятие «речевая культура» возникло в 1920-е гг., так как именно в этот период шла борьба за чистоту русского языка. [1]. Понятие речевой культуры сложное и многогранное. В общем смысле под речевой культурой понимается умение говорящего чётко и ясно выражать свои мысли, владеть грамотной речью и быть способным оказывать влияние на слушающих с помощью различных языковых средств.

В более узком смысле под речевой культурой понимаются правила речевого общения, соблюдение норм литературного языка, выбор наиболее оптимальных языковых средств в различных коммуникативных ситуациях.

Человек, владеющий речевой культурой, а следовательно, хорошей, грамотной речью, опирается на соблюдение языковых норм. В широком смысле понятие «языковая норма» подразумевает некое знание, которым человек владеет от природы, и это знание помогает ему правильно произносить, употреблять и соединять слова на различных уровнях – словосочетаний, предложений и текста [2].

В более узком смысле под языковой нормой понимаются специально отобранные традиционные правила, перешедшие в статус устойчивых в процессе социальной коммуникации.

Среди аспектов речевой культуры особое внимание занимает русское словесное ударение. Нередко можно встретить людей, неправильно употребляющих ударение. Например, вместо звонИт они произносят звОнит. И это недопустимо для людей, позиционирующих себя культурными, ведь понятие «культурный человек» можно трактовать по-разному. В профессиональной среде педагогов такие ошибки считались бы грубыми.

Отсюда следует, что грамотная речь человека показывает высокую степень его культуры, его отношение не только к себе, но и к окружающим его людям.

Конечно, проблема русского словесного ударения наиболее актуальна в современное время, поскольку большое количество информации, зачастую не всегда корректной, поступает к нам из разных источников и оказывает на нас влияние.

К сожалению, часто можно столкнуться с тем, как ведущие новостных каналов допускают речевые ошибки, особенно связанные с неправильной постановкой ударения. Слушающие так или иначе поддаются этому влиянию и запоминают слова с неправильным ударением и затем употребляют их в речи, не принимая во внимание тот факт, что речь в СМИ не является авторитетным источником копирования языковых норм.

Проблема русского словесного акцента как одного из аспектов речевой культуры усугубляется многими факторами. Во-первых, русское словесное ударение характеризуется вариативностью, например:

- 1) равноправные варианты ударения «Искристый» и «искрИстый»;
- 2) нормативно-хронологические варианты «украИнский» (современное) и «укрАинский» (устаревшее);
- 3) стилистические варианты приКУс (общеупотребительное слово) и прИкус (специальное).

Нормативно-хронологические варианты – это такие слова, в которых ударение зависит от временного периода употребления данного слова в речи.

Стилистические варианты – это те слова, в которых ударение зависит от того, в каком стиле используются данные слова.

Во-вторых, русское словесное ударение – свободное, нефиксированное. Однако в некоторых языках ударение фиксированное, это значит, что оно всегда падает на один и тот же слог. Хорошим примером может послужить французский язык, где ударение всегда падает на последний слог.

В польском языке ударение падает на предпоследний слог, а в чешском – на первый слог. В русском языке, напротив, ударение может падать на любой слог, отсюда и возникают трудности при постановке ударения в словах. Без знания грамматических правил человек не сможет правильно поставить ударение, опираясь лишь на интуицию или на облик слова.

Несмотря на то, что русское словесное ударение свободное, всё же есть определённые закономерности, отмечаемые лингвистами.

Русское ударение имеет следующие закономерности:

1. В основном акцентируется середина слова, поскольку не допускается слишком большое количество слогов перед и после ударного.
2. Русское ударение тяготеет ко второй половине слова.

Лингвисты отмечают тенденцию русского ударения быть ближе к центру слова, объясняя это созданием ритмического равновесия. Такую тенденцию можно наблюдать в словах, где много слогов. Например: кОрень, но кореннОй.

Стоит упомянуть и о трудностях словесного ударения в иноязычных словах, заимствованных. Эти трудности связаны с тем, что зачастую носители русского языка ставят ударение в иноязычных словах такое же, как и языке-источнике. Например, не маркЕтинг, а мАркетинг, объясняя это тем, что в языке-источнике (английском языке) ударение падает на первый слог, соответственно мы должны перенести не только само слово, но и его ударение. Однако это не совсем так.

Слова, заимствованные из английского языка, имеют тенденцию изменять место ударения. Например, английское слово нОутбук, когда перешло в русский язык, поменяло своё ударение и стало произноситься как ноутбУк. Однако во французском языке иная тенденция. В нём, как мы знаем, ударение тяготеет к последнему слогу, и при переходе в русский язык эта тенденция сохраняется. Например: шампиньОн, жалюзИ.

Слова, заимствованные из польского и французского языков, без особых трудностей воспринимаются носителями русского языка, зачастую сохраняя ударение языка-источника. Это связано прежде всего с тем, что русское словесное ударение тяготеет ко второй половине слова. И напротив, слова, заимствованные из германских языков, вызывают наибольшие трудности в освоении, зачастую теряя своё первоначальное ударение.

Помимо того, что русское словесное ударение – свободное, оно также характеризуется подвижностью – это свойство ударения переходить с одного слога на другой при образовании разных грамматических форм слова.

С одной стороны, при изменении формы слова ударение может оставаться на своём, исходном, месте, например: флАг – флАга – флАги. В то же время оно может «передвинуться» с основы на окончание. Например: круг – крУга, но кругИ.

Как отмечает лингвист Н. А. Еськова, «слова с подвижным ударением в русском языке исчисляются сотнями. В процентном отношении это немного, но среди них много чрезвычайно употребительных, поэтому в речи они достаточно заметны».

Трудности, связанные с постановкой ударения, не всегда связаны с недостаточной грамотностью человека, прежде всего сам язык, а точнее его внутренние механизмы диктуют нам правила. Отсюда следует, что, с одной стороны, ударение может быть неправильным с точки зрения нормативных справочников, а с другой стороны, может быть вполне законным для самого языка.

Говоря о внутренних механизмах языка и его правилах, хорошим примером служит слово «звонит». По сей день это слово, произносимое с неправильным ударением, не даёт нам покоя. С одной стороны, нет ничего плохого в том, чтобы произнести это слово как «звОнит», как слова «вАрит», «дАрит» и т. д., однако в последних словах переход ударения произошёл давно, а перемены в слове «звонит» происходят и сейчас, поэтому у нас возникает много противоречий по этому поводу.

Ещё одна проблема, касающаяся русского ударения, связана с тем, что орфоэпические источники предлагают разные варианты ударений, таким образом вызывая у говорящего ещё больший диссонанс. Для того чтобы знать, как правильно поставить ударение, можно воспользоваться стишками-запоминалками, которые помогут не ошибиться в употреблении ударения:

1

В огороде баба Фёкла, у неё на грядке свёкла.
Шторы нам не привози, мы закажем жалюзИ.
Срубили ель, сорвали щавеЕль.
Перемыта вся посуда, стали чистыми все блЮда.
Долго ели тОрты – не налезли шорты.
Для строителей в момент привезёт шофёр цемЕнт.
В чистоте чтоб жил народ, придуман мусоропровОд.
БАрмен поместил в свой блог самый полный каталОг.
Красит стены нам маляр. Полки делает столЯр.

2

Не налезли шорты –
Часто ели тОрты.

3

А у нашей Марфы
Все в полоску шАрфы.

4

В бухгалтерии аврал:
Завершается квартАл.

Тем не менее нет универсальных законов, которые помогли бы разрешить все противоречия в русском ударении, и в тоже время далеко не каждый может похвастаться высоким уровнем речевой культуры, поскольку современный темп жизни очень активный и порой не хватает времени для того, чтобы обратить внимание на то, как мы осуществляем коммуникацию, правильно и хорошо ли мы говорим, говорим ли мы по делу и каким образом подаём информацию.

Такого рода вещи у большинства людей отодвигаются на второй план, а на первый план выдвигается экономия времени. В связи с этим люди не пренебрегают неряшливой речью. А к плохим привычкам быстро привыкают.

Принимая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: речевая культура человека оказывает большое влияние на все сферы его жизнедеятельности, в особенности на профессиональную.

Успешная коммуникация – залог хороших деловых отношений, и она не может существовать отдельно от речевой культуры человека.

В то же время существует немало преград на пути к овладению языковыми нормами. Одна из проблем, которая обсуждается в данной статье, касается русского словесного ударения – проблемного поля русского языка.

Под влиянием СМИ и других каналов передачи информации люди зачастую перенимают языковые ошибки, поскольку они воспринимают СМИ как некий источник, дающий представление о языковых нормах. Отсюда следует, что многие проблемы, существующие на сегодняшний день в языке, связывают именно со СМИ, поскольку они имеют не только информативную функцию, но и воздействующую.

В связи с этим необходимо уделять особое внимание речевой культуре человека, поскольку она выступает своего рода визитной карточкой в процессе общения с другими людьми. Когда мы уделяем внимание развитию своей речевой культуры, стремимся овладеть хорошей и грамотной речью, следим за своими ошибками, не боимся их принимать и корректировать, это значит, что мы развиваемся сами, развиваемся как личности.

В этой связи нельзя не упомянуть слова советского и российского филолога Д. С. Лихачева: «Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно – прислушиваясь, запоминая, читая, изучая. Но хоть и трудно – это надо, надо. Наша речь – важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она затягивает».

ЛИТЕРАТУРА

1. Костомарова, В. Г. Актуальные проблемы культуры речи / В. Г. Костомарова. – М.: Наука, 1970. – 224 с.
2. Скворцов, Л. И. Экономия слова, или Поговорим о культуре русской речи / Л. И. Скворцов. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2008. – 288 с.
3. Речевая культура журналиста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/721976/zhurnalistska/zhurnalist_nositel_gramotnoy_rechi (дата обращения: 31.01.2019).
4. Как научиться правильно ставить ударения? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/cards/kak-nauchitsya-pravilno-stavit-udareniya> (дата обращения: 31.01.2019).
5. 22 стихотворения, чтобы запомнить ударения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adme.ru/zhizn-nauka/22-stihotvoreniya-chtob-zapomnit-udareniya-1190710/> (дата обращения: 31.01.2019).

Путра В. А.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА В ОБРАЗЕ ГАРРИ ПОТТЕРА: ОПЫТ ПСИХОАНАЛИЗА

Путра В. А.
V. A. Putra

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА
В ОБРАЗЕ ГАРРИ ПОТТЕРА: ОПЫТ ПСИХОАНАЛИЗА**

**OEDIPUS COMPLEX REPRESENTATION
IN THE IMAGE OF HARRY POTTER: EXPERIENCE OF PSYCHOANALYSIS**

Путра Виолетта Анатольевна – преподаватель кафедры хореографии Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь); 295017, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Киевская, 39; тел.: + 7 (3652) 27-64-58. E-mail: Profi-vita.75@bigmir.net.

Mrs. Violetta A. Putra – lecturer of the Department of Choreography, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Russia, Simferopol); 295017, Republic of Crimea, Simferopol, 39 Kievskaya str.; tel.: + 7 (3652) 27-64-58. E-mail: Profi-vita.75@bigmir.net.

Аннотация. Общие методики применения ключевых психоаналитических методов по отношению к истории, культуре, литературе, науке, религии разрабатывались З. Фрейдом в рамках «прикладного психоанализа». Приближенность психоаналитической методики исследования к методам литературоведения стала условием формирования «психоаналитического литературоведения», или «литературоведческого психоанализа» в отечественном и западном научном поле XX столетия. Представляется перспективным применение психоаналитической методологии к анализу современных литературных текстов, например, написанной Дж. Роулинг на рубеже XX–XXI вв. серии романов о Гарри Поттере, породившей обширную академическую литературу, в том числе психоаналитическую, так называемую *Potteriana psychological*. Основное внимание привлекает ярко выраженная репрезентация эдипова комплекса в художественном образе главного героя. Эффективность применения методологии психоанализа в области исследований художественных экспериментов и течений в искусстве XX–XXI вв. не вызывает сомнения.

Summary. General methods of application of basic psychoanalytic methods in relation to history, culture, literature, science, and religion were developed by S. Freud in the «applied psychoanalysis». Proximity of the psychoanalytic methods of research to the methods of literary studies became a condition for the formation of «psychoanalytic literary criticism», or «literary psychoanalysis» in the Russian and Western academic field of the 20th century. It seems promising to apply psychoanalytic methodology to the analysis of modern literary texts, for example, written by J. Rowling at the turn of the 20th and 21st centuries a series of novels about Harry Potter, which gave rise to extensive academic literature, including psychoanalytic, the so-called «Potteriana psychological». The main attention is attracted by the pronounced representation of the Oedipus complex in the artistic image of the protagonist. Effectiveness of applying the methodology of psychoanalysis in the field of research of artistic experiments and trends in the art of the 20–21 centuries cannot be doubted.

Ключевые слова: З. Фрейд, психоанализ, эдипов комплекс, литература, Дж. Роулинг, Г. Поттер.

Key words: S. Freud, psychoanalysis, oedipus complex, literature, J. Rowling, H. Potter.

УДК 159.964.2:821.111

Статья продолжает ряд публикаций автора, посвящённый изучению роли психоанализа в развитии современной культуры [5; 6].

Существуют многочисленные «совпадения» между сферами, с которыми имеют дело литература и психоанализ. Последний нередко определяют как *talking cure* (в переводе с английского – «лечение разговором»); действительно, речь – как терапевта, так и пациента, – в процессе психоаналитической терапии имеет основополагающее значение. В некотором смысле сеансы психоаналитической терапии представляют собой восстановление той роли, которую слово должно играть в человеческой жизни.

Психоаналитический дискурс включает элементы, привычно воспринимаемые как литературные и (или) поэтические, в том числе, например, метафоры, которые З. Фрейд особенно глубоко исследует в своей работе «Толкование сновидений». Следуя подходу Фрейда, Ж. Лакан также признаёт основополагающее значение метафоры для деятельности человеческой психики.

Психоанализ имеет дело с интерпретацией, в основе его подхода лежит идея о существовании некоторых замаскированных мотивов и значений, которые «работают» через другие значения. Психоанализ призван открывать природу субъекта: кем является тот, кто переживает тот или иной опыт, что представляет собой этот опыт в рамках психических и культурных сил, которые определяют многое в нашем существовании.

Психоанализ исследует связь личных тревог, страхов, желаний и других жизненно важных для нас эмоций с общекультурной ситуацией наших социумов. При этом культура рассматривается как важный источник информации о психической жизни индивида [12].

Связи психоанализа с литературой специально посвятил словарную статью Б. Д. Карвасарский, который писал: «Многие ключевые понятия философии Фрейда имеют литературное и литературоведческое происхождение. В его произведениях обширно представлены ссылки на Аристотеля, Гёте, Грильпарцера, Гейне, Гофмана, Келлера, Ибсена, К. Ф. Мейера, Ницше, Шопенгауэра, Шекспира, Софокла, Стриндберга, Золя и т. д. В своих исследованиях душевных процессов Фрейд вплотную подошёл к границам естественнонаучных методов, но, в отличие от многих, не остановился на достигнутом и не стал поспешно объявлять несостоятельным всё, что не поддавалось естественнонаучному объяснению. В этом сложном положении он принял неожиданное решение и всю свою дальнейшую жизнь следовал “окольным путём” – путём психотерапевтической реконструкции биографии отдельного человека. В своё время Фрейд заметил, что истории болезни, которые он пишет, читаются как новеллы. В начале века представители гуманитарных наук не мыслили психоанализ вне литературы, к которой психоаналитики обращались в поисках аргументов в пользу своих гипотез. Аналитик и поэт представлялись в известном смысле “коллегами”» [3].

В настоящее время психоанализ как в отечественном, так и в западном литературоведении особенно, считается одним из наиболее адекватных и востребованных методов анализа литературно-художественного текста; сложилось даже направление, так и называемое «психоаналитическое литературоведение», или «литературоведческий психоанализ». Такое положение обусловлено именно значительной приближенностью психоаналитической методики исследования к давно апробированным методам литературоведения: «Он (психоанализ), пожалуй, больше других заслуживает подробного изучения специфики функционирования и особенностей самой методики исследования. Посредством утверждения теоретических концепций, проверенных и описанных в психоаналитических исследованиях, исследователи литературы имеют возможность отыскать внутренние побуждения автора к созданию художественного текста и определённой системы образов, что ему присуща. Ведь художественный текст – явление синтетическое. Он является результатом творческой деятельности писателя, синтезирует и даёт понять переход идеального в материальное, общего в частное, бессознательного в сознательное, внутреннего во внешнее. То есть художественный текст как литературоведческая категория имеет в своей основе такие характеристики, которые не могли оставаться вне поля зрения психоаналитиков» [9].

Подобный подход был заложен самим З. Фрейдом в рамках так называемого «прикладного психоанализа», целью которого было применение ключевых психоаналитических методов по отношению к материалу, выходящему за рамки собственно психологических и (или) психиатрических исследований, – истории, культуре, литературе, науке, религии и т. п. Фрейд активно разрабатывает общие методики подобных подходов в таких работах, как «Бред и сны в “Градиве” В. Йенсена», «Леонардо да Винчи. Воспоминание детства», «Достоевский и отцеубийство», «Тотем и табу», «Человек Моисей и монотеистическая религия» и др.

Несомненную близость художественной литературы и психоаналитической традиции (в первую очередь представляемой им традицией аналитической психологии) по многим

основополагающим позициям отмечал также и Карл Густав Юнг: «Эти отношения основываются на том факте, что конкретное занятие искусством является психологической деятельностью и, поскольку оно является таковой, оно может и должно быть подвергнуто психологическому рассмотрению, потому что под этим углом зрения оно, как и любая вытекающая из психологических мотивов человеческая деятельность, является объектом психологии. Это положение, однако, очень чётко определяет рамки приложения психологической точки зрения к искусству: предметом психологии может быть только та часть искусства, которая представляет собой процесс художественного созидания, в противоположность другой, составляющей собственно сущность искусства. Это вторая часть, то есть то, что стоит за вопросом, чем является искусство как таковое, – предмет исключительно эстетико-художественного рассмотрения, но отнюдь не психологического» [10].

Художественную литературу К. Г. Юнг представляет как один из возможных вариантов «воплощения» общечеловеческих архетипов, как «высшую форму выражения глубин всеобщего духа». Однако не всякое литературное произведение является по своей природе «архетипичным», то есть выражающим архетипы, – а значит, не всякое литературное произведение является «приобщённым к общечеловеческому бессознательному». Этот коллективный опыт может отразить в своих произведениях только такой писатель, который способен, как любил выражаться сам Юнг, «слышать голос глубин», – поскольку он «фиксирует не только свой сознательно осмысленный опыт (как писатель психологического типа), но и воссоздаёт в тексте страхи, сны, предчувствия, восходящие к коллективной психологии... Вне рациональной установки автора архетипическую инструментовку могут получить сюжет, мотив, образ, деталь. В этом случае базовым будет архетипический смысл, на который налагаются более поздние напластования – мифологические, религиозные, научные, индивидуальные... Основной целью анализа литературного текста становится выявление индивидуально-авторской специфики архетипа [2, 17].

Психоанализ оказал сильное влияние на формирование и развитие модернизма и постмодернизма – «визитной карточки» всей культуры и, в частности, литературы XX столетия. Советский и российский философ и культуролог Н. С. Автономова говорит о развитии модернистской и постмодернистской литературы как «особой культуры обращения со словом, чувствительной к открытиям психоанализа» [1, 441].

С одной стороны, это течение, как и подход З. Фрейда, буквально пронизывает неприятие современной культуры, её сковывающую индивидуальность ограничений. «Модернизм... был экспериментален по стилю и приёмам; по сути же он был протестом против массового общества и присущего ему конформизма, вызовом гениев – одиночек жизни...» [4, 597].

Однако в качестве ещё более важной характеристики данного направления исследователи называют смену внутренних парадигм, в корне меняющую общий смысл произведений: «у реалистов психологизм, у модернистов психоанализ; у реалистов в основе образа индивидуальность, у модернистов – индивидуализм...» [7, 450].

Представляется перспективным применение психоаналитической методологии к анализу современных литературных текстов. Так, серия романов о Гарри Поттере, написанная Дж. Роулинг на рубеже XX–XXI вв., породила обширную академическую литературу, в том числе психоаналитическую, которую называют *Potteriana psychological* – «Психологическая Поттериана». Исследователей интересуют разнообразные психоаналитические характеристики эпопеи, однако основное их внимание сосредоточено на ярко выраженном в сюжетной линии «эдиповом» материале [11; 13].

Мы обнаруживаем фрейдистскую так называемую «первичную сцену» – инфантильную травму – в воспоминаниях Гарри о том эпизоде его детства, когда Волдеморт явился в дом Поттеров и попытался убить его. Здесь Волдеморт выступает как образ «отца-соперника» Гарри, отделяя его навсегда от матери, и он действительно, как это свойственно образам и проекциям, остаётся «в голове» Гарри на протяжении большей части эпопеи. Поскольку наше сознательное эго обычно отказывается воспринимать родного отца как нечто враждебное, Гарри узнаёт, что когда-то у него был прекрасный отец (Джеймс), убитый тем самым Волдемортом, который хотел

убить и самого Гарри. Во многих сказках присутствует этот мотив: идеальная (идеализированная, сказал бы психолог) мать умирает и заменяется злой мачехой. Фрейд называет этот процесс «расщеплением Я».

К. Ноэль-Смит пишет: «Учитывая, что каждый ребёнок, согласно Фрейду, время от времени фантазирует о том, как избавиться от “конкуренции” одного из родителей посредством его смерти, чтобы насладиться исключительным “обладанием” вторым родителем, – читатель “Гарри Поттера” может увидеть в тексте исполнение самых затаённых собственных фантазий, однако без горя и без стыда, которые обычно сопровождают эти бессознательные фантазии при их случайном проникновении в сознание: ведь мы знаем, на сознательном уровне, что это на самом деле не так; бессознательно же смерть родителей Гарри представляет собой впечатляющее исполнение эдиповых фантазий» [11].

С этих позиций мы имеем здесь классический пример эдипова комплекса – один в один с тем, как описывал его сам Фрейд, в частности, в работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика»: «В своих отношениях к отцу и матери Ганс самым ярким образом подтверждает всё то, что я в своих работах “Толкование сновидений” и “Три очерка по теории сексуальности” говорил о сексуальных отношениях детей к родителям. Он действительно маленький Эдип, который хотел бы “устранить” отца, чтобы остаться самому с красивой матерью, спать с ней... Исходящий из этого желания смерти отца и, следовательно, нормально мотивированный страх перед ним образовал самое большое препятствие для анализа, пока оно не было устранено...» [8].

В более позднем возрасте, в котором мы встречаем Гарри, у него есть фактический отец, имя которого – Вернон Дарсли. Гарри видит Вернона в том же критическом ракурсе, в каком многие подростки видят своих отцов: возможно, «реальный» Дарсли показался бы нам совсем не таким отвратительным (правда, тут фантазия ребёнка подкрепляется авторитетом автора книги: мы ведь читаем не описание фантазий Гарри, а его «реальную» историю). С этого пункта начинается процесс, который Юнг называет «индивидуацией» – обретением собственной индивидуальности. Перед нами есть и пример неудачной индивидуации – Дадли, кузен Гарри. Если Гарри не хочет превратиться в избалованного и инфантильного Дадли, ему предстоит успешно пройти испытания, стоящие между ним и взрослой жизнью. Этот процесс происходит в Хогвартсе, но в конце концов Гарри должен покинуть даже Хогвартс и показать, что он может справиться с проблемами взрослой жизни.

Идентифицировавшись с отцом и (или) с другими персонажами, играющими в романах роль «заместителей» отца Гарри, он, наконец, обретает уверенность в себе и завоёвывает новых друзей. Для этого он, в частности, должен деидеализировать не только отца и Дамблдора, но и их противника – тёмного лорда Волдеморта (инфантильное восприятие которого включало то, что можно назвать «негативной идеализацией», то есть переоценку мощи и силы Волдеморта и страх перед ним), образ которого таким образом становится более человеческим, понятным и в долгосрочной перспективе, вероятно, не таким пугающим [13].

Список значимых фигур в жизни Гарри, в которых можно видеть «заместителей» отца, достаточно обширен. Некоторые из них выступают как доброжелательные проводники и помощники (Альбус Дамблдор, Сириус Блэк, который и впрямь является крёстным отцом Гарри; Люпин, мистер Уизли), существует ещё и Северус Снейп – строгий педант, который, как кажется Гарри, враждебен ему, что в итоге оказывается иллюзией. Напротив, Снейп во многом даже более эмоционально относится к Гарри, чем даже профессор Дамблдор. Знаком постепенного взросления Гарри становится то, что он уже не воспринимает их образы в категориях крайностей: как идеальный (Джеймс) или злодейский (Снейп). В символическом смысле оба сливаются в одно лицо, которых объединяет любовь к матери Гарри, хотя в реальной жизни эта любовь, напротив, заставила обоих относиться друг к другу враждебно.

Драматичность отношений «отец-сын» получает наиболее выпуклое отображение в сценах, где Гарри «противостоит» Волдеморту и... Дамблдору (кавычки здесь потому, что противостояние Дамблдору, конечно, скорее, символично: Гарри не борется с профессором, однако утрачивает часть своих иллюзий относительно него). Символично здесь и то, что Гарри

обретает свою истинную силу только тогда, когда Дамблдор покидает сцену, якобы предательски убитый «плохим отцом Гарри» (Снэйпом). И этой иллюзии тоже предстоит быть развеянной: мнимое предательство Снэйпа окажется, по сути, подвигом, а сам Снэйп – защитником Гарри и истинным героем. Не случайно в конце седьмой книги мы узнаём, что Гарри дал собственному сыну имена своих «отцов» – Дамблдора и Снэйпа (сына Гарри зовут Альбус Северус Поттер).

Все эти персонажи, включая и Волдеморта, являются символическими версиями фактического отца Гарри. Мы сознаём, что действительно повзрослели, когда видим наших отцов, как они существуют «сами по себе», а не как проекции внутренних драм нашего взросления. Хотя, наверное, мы никогда не сможем добиться абсолютной ясности в этом вопросе, как никогда не достигнем и абсолютной зрелости. Но это цель, к которой стоит стремиться...

В результате исследования сделаем вывод об эффективности использования психоаналитических методов интерпретации литературного текста. Методология психоанализа может найти применение в области исследований художественных экспериментов и течений в искусстве XX–XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова, Н. С. Познание и перевод: опыты философии языка / Н. С. Автономова. – М.: РОССПЭН, 2008. – 704 с.
2. Золотухина, О. Б. Психологизм в литературе: пособие / О. Б. Золотухина. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 178 с.
3. Карвасарский, Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия [Электронный ресурс] / Б. Д. Карвасарский. – Режим доступа: http://www.samomudr.ru/d2/Enciklopedija_PSIKOTERAPEVT.pdf (дата обращения: 15.01.2019).
4. Кейзин, А. Мудрость, обретенная в изгнании. Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критич. отзывы, эссе, пародии / А. Кейзин; пер. с англ. Н. Казаковой. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. – С. 596-599.
5. Путра, В. А. Механизмы символаобразования в психоанализе З. Фрейда / В. А. Путра, О. Б. Элькан // Вестник Московского государственного университета культуры. – 2016. – № 4(72). – С. 59-64.
6. Путра, В. А. Формирование символической сферы культуры в представлениях аналитической психологии К. Г. Юнга / В. А. Путра, О. Б. Элькан // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 3(66). – С. 20-24.
7. Современные проблемы реализма и модернизм: сб. статей; отв. ред. А. С. Мясников. – М.: Наука, 1965. – 615 с.
8. Фрейд, З. Анализ фобии пятилетнего мальчика. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1990. – С. 39-121.
9. Шевченко, Н. И. Психоанализ как основа методологии изучения литературы / Н. И. Шевченко // Молодой учёный. – 2015. – № 3. – С. 995-996.
10. Юнг, К. Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы. Классический психоанализ и художественная литература: хрестоматия / К. Г. Юнг. – СПб.: Питер, 2002. – С. 106-130.
11. Noel-Smith, K. Harry Potter's Oedipal Issues / K. Noel-Smith // Psychoanalytic Studies. – 2001. – Vol. 3.2. – P. 199-207.
12. Psychoanalysis and literature [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brocku.ca/english/courses/4F70/psychlit.php> (дата обращения: 15.01.2019).
13. Subkowski, P. Harry Potter – das Trauma als Motor der psychischen Entwicklung / P. Subkowski // Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie. – 2004. – Vol. 53(10). – P. 738-753.

Ишутина Ю. А.
Yu. A. Ishutina

**ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМАХ ПОВЕДЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ**

**TRADITIONS AND INNOVATIONS IN SYMBOLIC FORMS OF BEHAVIOR
OF MODERN CHINESE**

Ишутина Юлия Александровна – кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой китаеведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru.

Ms. Yuliya A. Ishutina – PhD in Culture studies, associate professor, the head of the Chinese Department, The Oriental Institute – School of Regional and International Researches, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 690091, Vladivostok, 8 Sukhanova str. E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сохранении традиционных форм символического поведения китайцев в эпоху осуществлённой модернизации. В условиях глобализационных вызовов и последующего на них ответа конфуцианской культуры некоторые формы внутрикланового общения, например, проявление гиперопеки (体贴 *tǐ tiē*), становятся более обязательными и носят публичный характер. На уровне повседневности актуальны обычаи, соблюдение которых направлено на коммуникацию внутри семьи с целью усиления родственных связей, подвергающихся риску ослабления в силу академической, социальной и производственной мобильности современных китайцев.

Summary. The article is devoted to the question of preserving the traditional forms of symbolic behavior of the Chinese in the era of modernization. In the context of globalization calls and the subsequent response of Confucian culture to them, some forms of inter-clan communication, for example, manifestation of overprotection (贴 *tǐ tiē*), are more obligatory and have a public character. At the level of everyday life, those customs are important, the observance of which is aimed at communication within the family, the clan, in order to strengthen family ties that are at risk of weakening due to the academic, social and industrial mobility of modern Chinese people.

Ключевые слова: ритуальность, обычаи, модернизация, символические формы поведения, традиция и современность.

Key words: rituality, customs, modernization, symbolic forms of behavior, tradition and modernity.

УДК 394

Традиционно выделяемые нормативная и аксиологическая функции культуры реализуются только при условии взаимного дополнения друг друга: первая регламентирует нормы поведения и общения, вторая утверждает определённые ценности и формирует нравственные ориентиры в пределах заданной нормы. В эпоху успешного осуществления масштабных модернизаций в КНР наблюдается процесс незначительной трансформации форм символического поведения, отражающий общемировую тенденцию к нарождающейся глобальной культуре.

Приступая к исследованию некоторых феноменов китайской повседневности, наметим основные точки на шкале символических форм коммуникации, обозначив ритуал и обычай как предельно отстоящие друга от друга. По мнению А. К. Байбурина, под ритуалом «понимается принадлежность области сакрального», а также характеристики стереотипности и обязательности с градацией неблагоприятия в случае невыполнения (или ненадлежащего отправления ритуала) [1]. Высшей степенью ритуализации выступают обряды, от выполнения которых зависит жизнь коллектива, низшей – обычаи, регламентирующие повседневную жизнь и по последствиям несущественные для коллектива в целом.

Традиция считается более долговечным, передающимся от поколения к поколению, знаком культуры, в то же время обычай – форма символического поведения, реализуемая на уровне реальной бытовой жизнедеятельности. В поведенческой шкале китайской повседневности большое значение по-прежнему играет церемониал, репрезентирующийся в этикетных нормах, бытовом общении (на вербальном и невербальном уровнях), официально-деловой коммуникации.

Полевые исследования на уровне повседневности являются наиболее информативными, так как они дают возможность проследить динамику символических форм поведения носителя китайской культуры в современном обществе, обозначить тенденции к появлению новаций в заявленной сфере. Гипотеза исследования заключается в том, что некоторые формы повседневного общения, например, проявление гиперопеки (体贴 *tǐ tiē*), становятся более облигаторными, чем это было ранее вследствие нарастающей популярности к их сохранению в традиционном виде, вероятно, в парадигме «вызова и ответа» глобализационных процессов и традиционной культуры.

Процессы глобализации на начальном этапе создают иллюзию культурной гомогенности, так как при поверхностном взгляде все страны, участвующие в процессе, становятся одинаковыми: бывалый путешественник свободно ориентируется в инфраструктуре аэропорта, транспортном сообщении, метро, видит одинаковые постройки с аналогичным назначением по всему миру, посещает телебашни, которые соревнуются между собой в высоте, и т. п. Эта лёгкость объясняется стиранием различий во внешнем облике города или туристического объекта, обусловленным глобализацией. И даже в не совсем обычных местах, на самом пике горы, куда предстоит подняться на скоростном стеклянном лифте в парке Чжанцзяцзе (КНР), можно гарантированно получить возможность перекусить в ресторанах быстрого питания KFC и McDonald's, пионерах глобальной массовой культуры.

В современном китайском обществе на социетальном уровне западные культурные ценности восприняты (вряд ли будут приняты полностью и до конца), локализованы, переработаны, осмыслены и по старой доброй традиции соотнесены с фактами и прецедентными событиями, имевшими место в высокой китайской истории и самых истоках конфуцианства. Ввиду того, что китайская культура может оперировать целыми тысячелетиями, достижения западной духовной и материальной культуры воспринимаются как нечто молодое, специфическое, но ещё не прошедшее проверку столь длительным временем.

И в Китае, и на Тайване формирование глобальной массовой культуры чётко прослеживается как в классовых, так и возрастных границах: молодёжь, особенно городская, активнее включает в свой мир ценностей символы американской и/или корейской (на северо-западе и в центральных регионах КНР) и западной и/или японской культуры (на юго-восточном побережье и на Тайване). Пожилая часть населения, сельские жители и рабочие северо-востока и центральных провинций континентального Китая вряд ли могут пополнить ряды течения 哈日族 *Hārìzú*, благосклонно реагирующих на всё японское и обожающих всё, что порождает японская массовая культура.

Тяготение к традиции обнаруживается не на потребительском уровне, а на уровне символического поведения, так как традиционность проявляет себя там, где высокий ритм современной жизни замедляется ввиду того, что отправление религиозных, социальных и психологических ритуалов не терпит спешки. Китайская традиционная культура неразрывно связана с ритуалом и обрядом, назначение которых – регулировать эмоциональное состояние людей, формировать культурную идентичность. По мнению А. И. Кравченко, следуя обычаю, «человек озабочен поддержанием своего психологического статуса, удовлетворению материальных запросов, в ритуале – реализации духовных устремлений», так как последний считается более высокой степенью регуляции поведения [5]. И ритуал, и обычай несут специфические черты национальной культуры, формируя и совершенствуя её семиотическую систему.

В основе традиции лежит длительный опыт социальной группы – язык, символика и знаковая система, через которую культура способна репрезентировать себя. Так создаются сценарии поведения человека и реализуется нормативная функция культуры. Если рассматривать сценарии поведения китайца с точки зрения принадлежности к ритуалу, обряду, церемониалу или обычаю,

то не всегда удаётся проследить чёткую грань принадлежности той или иной формы поведения. Так, отправление процедуры поклонения культу предков с точки зрения культурологии является таковым и может быть отнесено к ритуалам, осуществляемым по лунному календарю (в День поминовения усопших (Qīngmíng 清明), в День кормления духов (Zhōng yuán 中元), в Праздник двойной девятки Чуньянцзе (Chóngyáng jié 重阳节). По сути, ритуал общения с животными душами предка (魄 pò), навеки сокрытыми в физической оболочке ушедшего, есть молитва, то есть обращение личного духа к личному же духу. Действию предшествует пост. Действо сопровождается воскуриванием благовонных палочек, докладом старшего мужчины в роду о состоянии дел, просьбой помочь решить материальные проблемы, порою сетованием и намёком на возможность выбрать себе для поклонения другого предка. Подобная лёгкость общения китайца с душами предков имеет реальную угрозу для них остаться «некормленными». Голодные духи способны беспокоить живых, поэтому в континентальном Китае их питают в Праздник Чжунъюань (15-й день 7-й луны); в Фуцзяни и на Тайване проводят специальные выносы божеств народной религии (Мацзу, Чэнхуан, Баошэнди и др.); одним из этапов проноса статуй богов по местности является кормление голодных духов [4].

Ритуал поклонения культу предков может осуществить только мужчина, дабы не было внесено хаоса в гармонию (阴 yīn 阳 yáng). Актуальность и живучесть традиции поклонения культу предков подтверждается фактом существования гендерного перекаса в пользу мужчин почти в 50 млн человек возраста 20–30 лет. В 2010 году было объявлено об официальном введении трёх выходных дней на День поминовения усопших (清明 Цинмин) в КНР, что даёт возможность работающему китайцу добраться до места захоронения предков из любой точки Китая. Несмотря на сложные внутривосточные проблемы, существующие между континентальным Китаем и островным Тайванем, даже в самые трудные времена гоминьдановцам, ушедшим на Тайвань вслед за Чан Кайши, разрешалось раз в год посещать могилы предков на материке по упрощённой схеме въезда. В обеих частях Китая сложился обычай оставлять на могиле чётное количество фруктов. Через три дня, когда они напитаются энергией, положено забирать нечётное количество, чтобы накормить ими детей клана. Так осуществляется процесс общения давно ушедших с самыми младшими членами семьи. На кладбища принято приезжать семьями, что с ростом доходов китайцев и увеличением числа личных автомобилей приводит к образованию многокилометровых пробок по направлению к кладбищам близ мегаполисов.

Процедура проведения ритуала меняется мало, но возникают новации, касающиеся увеличения ассортимента атрибутов, «отправляемых» в вышеупомянутые праздники душам предков: если раньше сжигались бумажные деньги, бутафорные золотые слитки и стопки испещрённых иероглифами молитв, то теперь можно увидеть бумажные дома и даже бутафорские модели автомобилей представительского класса. Это делается для того, чтобы обеспечить предка всем необходимым и дать шанс откупиться от чертей с говорящими именами Лошадиная Морда (Mǎ Miàn 马面) и Коровья Башка (Níu Tóu 牛头), которые могут избавить от прохождения того или иного зала пыток в китайском аду, идея которого была заимствована из буддизма. Процедура отправки может осуществляться в совершенно неожиданных для иностранца местах – на перекрёстке дорог, считающемся порталом в мир духов. В благополучных районах с целью повышения культуры быта и сохранения пешеходных переходов устанавливают треножники (dǐng 鼎), что практически и вместе с тем воздаётся дань традиции, ведь такие треножники использовались для подобных целей в доциньскую эпоху. Таким образом обеспечивается дальнейшее развитие повседневного общения между ныне живущими и бестелесными обоготворёнными душами предков: путём моления на кладбище – животным душам одного и того же человека и путём молитвы человеческим душам (魂 hún) и процедуры подношений (gòngshǎng 供赏) на алтарь предков, установленный практически в каждом китайском доме. У одного усопшего, по народным верованиям, от трёх до пяти человеческих душ, которые отходят посмертно до девяти дней; животные души должны быть правильно упокоены и навсегда остаться в теле.

Традиционный погребальный обряд описан в научной литературе подробно, например, в работе Л. С. Васильева [3]. В современном Китае он значительно изменился, так как ожидание «счастливого дня» для захоронения по традициям геомантических практик *фэн-шуй* при такой популяции населения невозможно, а традиционно предписанное захоронение в землю вряд ли может быть соблюдено, так как стоимость участков земли доходит до нескольких сотен тысяч юаней. Кремация рекомендована повсеместно, кроме районов КНР, где по обычаям положены похороны в воду или небесные похороны. Родственникам государственных служащих, учителям и некоторым другим категориям граждан выплачиваются суммы на погребение в размере до 30 окладов, если кремация состоялась.

В связи с тем, что на погребение положено дарить определённую сумму, чиновникам на законодательном уровне запрещено приглашать знакомых на похороны родственников, дабы препятствовать коррупции. Специально назначенный человек подсчитывает, сколько денег положено в конверт (белого или розового цвета), выдаёт примитивную шапочку для мужчин и повязку на руку из некрашеной ткани для женщин. Так маркируются участники процессии, одетые в одинаковые яркие костюмы. Похоронная процессия организуется по счастливому предзнаменованию, определяемому гадателем, если финансы позволяют держать тело в морге до положенного дня. Последнее омовение производят родственники, это не считается дурной приметой, покойного выставляют на три дня либо в общий двор под специальный навес, либо оставляют в гостиной дома. В течение этого времени родственникам спать возбраняется, они находятся рядом с телом, периодически кричит кликуша, подают угощения и семечки. Перед выносом со двора положено, кроме жертвенных денег и траурных венков, поднести покойному коня, покойнице – корову, выполненные из папье-маше или дерева. Покойному преподносят фигурку животного, соответствующего «земной ветви» китайского зодиакального цикла. Так, человек, рождённый в год Петуха, посмертно получает его фигурку, бережно приготовленную для загробного существования.

Перед отправлением возжигают поминальные свечи, по три на каждого участника процессии, устраивают салют из петард, затем гроб устанавливают на торжественно оформленный грузовик. Церемония может сопровождаться мужским или женским оркестром, исполняющим спокойные, не надрывные мелодии. На задних стёклах автомобилей, следующих в крематорий, размещают цифру, соответствующую возрасту покойного. В связи с дороговизной земли в наиболее выгодном с точки зрения традиционного погребального ритуала положении оказываются крестьяне, тела которых хоронят где-нибудь с краю обрабатываемого поля. Кремацию производят в тот же день, пока процессия передвигается по благоустроенному парку крематория после прощания с близким, тело предают огню и выдают родственникам в специально устроенном павильоне в конце парка.

Кроме традиционного траурного цвета некрашеной ткани (素 *sù*), в современном Китае стали использовать чёрный цвет. Траур по ушедшему соблюдают редко, в основном это можно увидеть фрагментарно, например, в виде небрежно приколотого к рукаву одежды куска необработанной ткани чёрного цвета. Суть, скорее, в безыскусности и простоте, исходящей от чувства утраты. Из добрых традиций прошлого сохраняется ровное отношение пожилых к предстоящим метаморфозам и как следствие, умиротворённое посещение «магазинов долголетия» (寿衣店 *shòuyī diàn*) с целью приобретения «одежды долголетия» и получения подарочных гробов в виде почтительного подарка от детей.

Если в традиции поклонения культу предков явно прослеживается сакральный характер происходящего, подразумевающий необходимость соблюдения процедуры ради общественного и семейного блага, репрезентации индивидуального и коллективного сценария поведения, то в отправлении других ритуалов, например, связанных с культом Земли, просматривается больший символизм, известная степень санкционированности обществом начала нового сельскохозяйственного сезона. Процедура приобретает вид церемониального театрального действия, когда актёр в одежде императора прокладывает первую борозду на пахоте. Это ежегодное событие не так чувствительно для китайцев в повседневной жизни, хотя каждый из них с гордостью заявляет о принадлежности к земледельческой нации. Учитывая особый склад менталитета китайца, вос-

принимающего пространство и время единым целым, о чём свидетельствует само его обозначение 时间 shíjiān, (буквально «время и пространство»), происходящее сию минуту одинаково событийно для всех эпох китайской истории одновременно, но обыденно для современного человека.

Принимая во внимание основное отличие обрядов как высшей степени ритуализации от обычаев, регламентирующих повседневную жизнь, необходимо обратить внимание на весьма заметный факт: от осуществления обрядов зависит жизнь коллектива, а несоблюдение обычаев индивидом может рассматриваться как нарушение норм, но возможные последствия никак не отражаются на жизни общества в целом.

Рассмотрим, к примеру, китайскую традицию, связанную с деторождением и функционированием женского организма в период репродуктивного возраста. В данном случае мы принимаем устоявшееся понимание традиции как длительного, преемственного от поколения к поколению, события, способного регулировать менее важные, чем ритуал, обряд и церемониал, фрагменты жизни. Регулирование происходит с помощью обычаев, имеющих по сравнению с традицией кратковременный характер и принимающих вид формы поведения, связанных с практической деятельностью. В быту человек стремится обеспечить свой биологический и социальный статус, удовлетворить материальные нужды и возникающие на уровне повседневности запросы, в то время как ритуал характеризуется стремлением к реализации духовных потребностей.

Испокон веков женщина, находящаяся в положении, прерывающая беременность искусственно или будучи родильницей, должна была чутко следить за состоянием взаимодействия энергий, текущих по её энергетическим каналам (经络 jīnglùò). Опытные доктора традиционной китайской медицины способны определить даже пол будущего ребенка по пульсу матери. Сексуальная жизнь в силу обстоятельств запрещалась; кроме того, китаянке предстояло устранить материально понимаемую нечистоту, возникшую вследствие естественных причин, освободиться от духовного напряжения и зла и перейти в новое физиологическое состояние. Вероятно, с этим связан обычай «соблюдения месяца» со дня рождения ребенка или прерывания беременности. Этот термин записывается глагольной морфемой 坐 zuò (буквально «сидеть») 月子 yuèzi (месяц). Налицо посылка к неактивному состоянию, что подтверждается и полученными сведениями, касающимися регламентирующей установки для женщины. Традиция предписывала женщине не вставать с постели, не совершать омовений, не утруждать себя домашними делами, не заниматься малышом. Питание было насыщенным с преобладанием протеина, обилием жидкости. С нашей точки зрения, условие соблюдения покоя и постельного режима связано с желанием избежать переохладения, учитывая, в каких бытовых условиях жили китайцы до недавнего времени, вполне понятно, что женщина могла легко приобрести такое заболевание, как артроз, возникающий в том числе вследствие усиления стихии ветра и воды в организме. Рацион также составлен с учётом восполнения недостающего белка. Ребёнком занимались все женщины семьи, которые могли поселиться в доме родильницы на целый месяц, дабы помочь осуществить «соблюдение месяца» по правилам.

Новации в описываемом обычае подразумевают более активное поведение женщины: разрешается вставать, менять одежду, заниматься малышом. Принимать водные процедуры по-прежнему возбраняется, даже волосы нельзя прибирать. Очевидно, что баланс стихий ветра и воды в организме легко нарушить несмотря на приемлемые в большинстве случаев условия проживания. Меню расширено незначительно за счёт жидкой пшённой каши, взваров и яиц (чаще всего утиных). Женская половина семьи может находиться в доме у родильницы постоянно, хотя для ухода за женщиной и ребёнком нанимают специальную сиделку, называемую 月嫂 yuè sāo (буквально «золотка на месяц»), что при известной семейственности китайцев, переносимой на социальный уровень, вполне уместно. В некоторых случаях с первых дней жизни начинают осуществлять телесные практики применительно к младенцу: укладывание без подушки с целью формирования пока ещё мягких костей черепа – плоский затылок считается красивым.

На 30-й и 29-й дни после рождения мальчика и девочки положено приглашать родственников на угощение, носящее название «вино на полную первую луну» (吃满月酒 chī mǎn yuè jǐu);

следующее празднование называется 百天 *báitiān* и отмечается в полные 100 дней со дня рождения ребёнка.

В старом Китае выбор имени осуществлялся после этого периода, у девочек личного имени могло и не быть, но было прозвище по системе родства 排行 *páiháng*, например, 三妹 *sān mèi* «третья сестрёнка». В годы строительства коммунизма обычай обращаться к специальному гадателю с просьбой выбрать имя для ребёнка в точном соответствии с геомантическими представлениями не приветствовался, однако в последние годы китайцы прибегают к их услугам – стоимость составляет от 150 юаней и выше. Современные геоманты используют метод компьютерного подсчёта состояния стихий на момент рождения малыша, что, несомненно, привносит нотку новаторства. Традиционно положено менять имя на менее звучное, если ребёнок часто болеет, так как болезнь может «не узнать» малыша под новым именем. В последнее время ханьское население избегает использовать морфему 月 *yuè* «полная луна» в женских именах: подоплёка такова, что полнота может реализоваться в теле.

На протяжении жизни человек находится под влиянием энергий *инь* и *ян*, от баланса которых зависит его физическое состояние. Человек рождается слабым (преобладание *инь*), затем энергия *ян* в нём усиливается, происходит взросление и возмужание; на склоне лет *инь* снова берёт своё. Энергии материализуются в человеческом теле: всё твёрдое есть средоточие *ян*, мягкое – *инь*. Болезнь наступает вследствие дисбаланса энергий и застоя *ци* в энергетических каналах. Иногда резкое ухудшение здоровья и внезапная болезнь трактуются китайцами как «заболевание вследствие стресса», что по-китайски звучит как 上火 *shàng huǒ* «погрузиться в стихию огня». Если заболел член семьи, все родственники консолидируются, так как обычай предписывает проявление неусыпной заботы (体贴 *tǐ tiē*), проявляющейся в обеспечении лекарствами западной и китайской медицины, коллективного сопровождения на приём к врачу (включая нахождение в его кабинете во время приёма), круглосуточное присутствие в палате больного, обильное кормление продуктами, энергетически соответствующими излечению заболевания. 体贴 *tǐ tiē* (в облегчённом варианте) также положено проявлять, если болеет близкий человек или коллега. Проявление заботы к немощному в принципе является нормой для любой культуры, но в китайской традиции она носит характер облигаторности, навязчивости и нарочитой обеспокоенности.

Впрочем, обычай неусыпной заботы можно пронаблюдать во многих бытовых ситуациях, прямо или косвенно связанных с телесностью. Например, во время ухода за стариками положено проявлять 养老 *yǎnglǎo* (буквально «пестование старости»). Древние медицинские трактаты содержат главы о том, как заботиться о пожилых, но нет ни слова об уходе за младенцами [6]. Пожилому человеку следовало меньше двигаться, есть, пить, говорить, даже смотреть. Это связано с идеей об известной конечности животворной энергии *ци*: старику даже одежду не следовало покупать новую, так как прежняя напитана драгоценной *ци*. Множество конфуцианских притч содержит упоминания о примерах крайней жертвенности, связанной с почтением к родителям: некий почтительный сын спал полностью обнажённым, дабы комары не тревожили родителей, а сиделись на его тело, другой отрезал куски собственного тела, когда родители голодали. Известны случаи умерщвления новорождённого с целью избавиться от лишнего рта и прокормить старшее поколение семьи [2]. В современном Китае вектор направления заботы постепенно смещается на младшее поколение: если ещё 15 лет назад дни рождения праздновали только люди в высоком возрасте, то теперь детские дни рождения отмечают с размахом. Старшее поколение тоже включено в систему неусыпной заботы – старики не только стараются экономить и накапливать сбережения для среднего поколения китайской семьи, но и провожают внуков в школу и из школы, беспокоятся о том, чтобы при себе у них была питьевая вода и т. п. Согласно традиции пожилые родители должны жить в доме младшего сына или дочери, со временем их место пребывания стало возможным либо в своём доме, либо у того из отпрысков, чьё благосостояние выше остальных. По факту в последние несколько лет одиноких или нуждающихся в особом уходе отправляют в дома престарелых. В государственных заведениях стоимость пребывания оставляет от 1500 юаней в месяц, в частных содержание дороже – до 6000 юаней. Наблюдение достаточно строгое, хотя

некоторые клиенты вполне мобильны, так в июле 2018 г. в сети был упомянут забавный случай о двух постояльцах дома престарелых, которые самостоятельно покинули его и отправились на рок-фестиваль в соседний город [8].

Старшее поколение семьи проявляет неустанную заботу об устройстве брака сына или дочери. Территориально наблюдаются различия в подходе решения этой проблемы: на северо-востоке Китая чаще прибегают к услугам свах, которые устраивают смотрины (相亲 xiāngqīn), в юго-восточных районах родители лично посещают ярмарки женихов и невест. Эти мероприятия не лишены самобытного колорита, чаще напоминают уличный стихийный рынок, на котором претенденты выкладывают фотографии потенциальных супругов с подробным указанием материального положения, уровня образования; не обходится и без привычного китайскому глазу набор характеристик по *фэн-шуй* (год, месяц и дата рождения по лунному календарю, дабы стихии, присутствующие в гороскопе каждого из супругов, не мешали гармонии в браке). В Шанхае такой рынок находится близ станции метро «Народная площадь», и в первую половину дня, в выходные дни, здесь множество стариков, подыскивающих пару своему чаду. Можно разместить брачное объявление на стенде, плата взимается по тарифу от 25 юаней в месяц. Традиция предписывает делать свадебные подарки и выкуп, новаторство возникает в ритуале брачного ухаживания, когда молодой человек должен для вступления в помолвку приобрести квартиру для совместного проживания, оформив её на имя невесты; её родители делают ремонт для молодых. Мужчина тоже должен проявлять неустанную заботу в период ухаживания (делать подарки, носить на спине, если девушка устала от прогулки в парке; делать лёгкий массаж спины); после свадьбы ко всем этим обязанностям добавляются готовка, уборка и стирка. Как считают китайцы, всё это лучше получается у мужчин, женщина заботится и пестует свою красоту и выполняет репродуктивную функцию.

Забота старшего поколения распространяется на все сферы жизни, в том числе если в результате болезни или несчастного случая безвременно уходит из жизни незамужняя девушка или неженатый молодой человек. Родителям необходимо провести ритуал посмертного брака, для которого выбирают недавно умершую девушку, так как осуществление такой процедуры с пожилыми дамами невыгодно семье – невестку надо содержать. В газетах появляются публикации о случаях незаконной эксгумации женских трупов с целью их продажи либо об убийстве молодой женщины с той же самой целью. Согласно сообщениям такие случаи происходят в юго-восточных регионах Китая и в Гонконге. Так китайцы видят выполнение главной функции родителей – проявление заботы о ребёнке как о члене семьи и благополучии рода в целом. С точки зрения культурной релевантности, такая форма символического поведения вполне оправдана, хотя, безусловно, и на уровне китайской повседневности воспринимается не всеми в качестве абсолютной нормы.

Таким образом, практически во всех формах символического поведения в современном китайском обществе наблюдаются несущественные новации, которые можно рассматривать как рефлексию на глобальную культуру и ускорение темпа жизни обычного человека.

Все рассмотренные нами примеры свидетельствуют о том, что в принципе функционирования этих форм лежит сформулированное Э. Эриксоном понимание «общего значения происходящего всеми участниками при сохранении различий между индивидами; способность к развитию по стадиям жизненного цикла, в ходе которого достижения предыдущих стадий в дальнейшем приобретают символическое значение, а также взаимодействие людей, которые возобновляют его через определённые промежутки времени, сохраняя известную новизну и игровой характер» [7]. На уровне повседневности большую облигаторность приобретают обычаи, соблюдение которых направлено на коммуникацию внутри семьи, клана с целью усиления родственных связей, подвергающихся риску ослабления в силу академической, социальной и производственной мобильности современных китайцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. Бамбуковые страницы. Антология древнекитайской литературы / под ред. И. С. Лисевича. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – 416 с.

Ишугина Ю. А.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМАХ ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ

3. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
4. Завидовская, Е. А. Народная религия современного Тайваня. Храмовые организации и праздники / Е. А. Завидовская. – СПб.: Наука, 2012. – 174 с.
5. Кравченко, А. И. Культурология / А. И. Кравченко. – М.: Академический проект, Триеста, 2003. – 496 с.
6. Мещеряков, А. Н. История и культура традиционной Японии / А. Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2014. – 520 с.
7. Эриксон, Э. Х. Идентичность: юность и кризис / Э. Х. Эриксон. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
8. A curious incident with retirement home [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thatsmags.com/shanghai>.

Винокурова М. А., Коноплёва Н. А.
M. A. Vinokurova, N. A. Konopleva

**ПРОДВИЖЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ ЯКУТСКОГО ЭТНОСА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ТУРИЗМА РЕГИОНА**

**PROMOTION OF THE EVERYDAY CULTURE OF YAKUT ETHNOS NUTRITION
IN THE CONTEXT OF GASTRONOMIC TOURISM DEVELOPMENT IN THE REGION**

Винокурова Марфа Александровна – старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск); 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58; тел: +7 (4112) 49-67-55. E-mail: vinokurova.21@mail.ru.

Ms Marfa A. Vinokurova – sr. instructor, socio-cultural service and tourism department, Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov (Russia, Yakutsk); 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, 58 Belinsky str.; tel.: +7 (4112) 49-67-55. E-mail: vinokurova.21@mail.ru.

Коноплёва Нина Алексеевна – доктор культурологии, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Россия, Владивосток); 690014, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; тел: +7 (914) 656-70-42. E-mail: nika.Konopleva@gmail.com.

Ms Nina A. Konopleva – Doctor of Culture studies, Professor, Vladivostok State University of Economics and Service (Russia, Vladivostok); 690014, Primorsky territory, Vladivostok, 41 Gogol str.; tel.: +7 (914) 656-70-42. E-mail: nika.Konopleva@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматриваются теории повседневности, разработанные зарубежными и отечественными историками и философами культуры. Особое внимание уделяется повседневной культуре питания народа республики Саха (Якутия). Пища – неотъемлемый элемент человеческой жизнедеятельности, в связи с чем исторически формировались принципы культуры питания, включающие в себя знание основ правильного питания, свойств продуктов, их воздействия на организм; умение их выбирать, готовить, подавать на стол и прочее. В связи с этим термин «культура питания» соотносят с накопленным народом как носителем культуры опытом удовлетворения потребности в пище. В современной науке повседневную культуру питания соотносят с дефиницией «гастрономическая культура», хотя до настоящего времени нет однозначного осмысления этого многоаспектного культурного феномена, являющегося специфическим атрибутом каждого народа.

Summary. The article discusses the theory of everyday life, developed by foreign and domestic historians and philosophers of culture. Particular attention is paid to the daily food culture of the people of the Republic of Sakha (Yakutia). Food serves as an integral element of human activity, and therefore historically formed the principles of food culture, including knowledge of the basics of proper nutrition, the properties of products, and their effects on the body, the ability to choose, cook, and serve, and so on. In this connection, the term «food culture» correlates with the accumulated people – the bearer of the culture – the experience of satisfying the need for food. In modern science, everyday food culture is correlated with the definition of «gastronomic culture», although, there is no unequivocal understanding of this multidimensional cultural phenomenon, which is a specific attribute of every nation.

Ключевые слова: повседневность, культура питания, гастрономическая культура, гастрономический туризм, народ саха, якутская национальная кухня.

Key words: Daily routine, food culture, gastronomic culture, gastronomic tourism, Sakha people, Yakut national cuisine.

УДК 008: 392.8

Актуальность представленной статьи обусловлена медленным развитием в российской науке исследований истории и культуры повседневности отдельных этносов, хотя это считается важным научным аспектом. Продемонстрировать особенности конкретной цивилизации во всём её разнообразии позволяет обращение не только к достижениям её культуры, историко-культурному наследию, но и к повседневности, действительности ежедневного существования людей. Повседневная культура рассматривается нами как комплекс идей, правил, действий и явлений культуры, сопряжённых с обыденной жизнью людей и позиционирующих существенные черты культуры в целом. Обыденность играет важную роль в функционировании культуры сообщества и отдельного региона, а культура обыденности прямо воздействует на развитие региональной идентичности и самосознания жителей.

Интерес к повседневности актуализировался у историков во второй половине XIX века. Существуют научные подходы, культурно-философские и социологические трактовки понятия «повседневность». Так, в западной науке изучение повседневности происходит в основном в рамках философии и социальной феноменологии. Методологические аспекты повседневности рассматриваются в феноменологии Э. Гуссерля, социологии М. Вебера и А. Шюца, этнометодологии Г. Гарфинкеля. Особый интерес представляют труды французского структуралиста Р. Барта [11, 159], посвящённые мифологии повседневной жизни, и базовое её исследование, проведённое Ф. Броделем [6, 56]. В свою очередь, в центре внимания Э. Гуссерля находится вопрос интересности, связанный с формированием единых принципов восприятия и формирования понятий об окружающем мире, причём значимым для исследования культуры повседневности является учение Э. Гуссерля о «жизненном мире» как структуре практической жизнедеятельности человека, представления о которой им не отрефлексированы. Если направить внимание учёных на раскрытие данной бессознательной информации, то это может способствовать познанию и раскрытию сущности непосредственного повседневного бытия человека в аспектах его культурно-исторической жизнедеятельности. Согласно суждению А. Шюца главной проблемой феноменологической социологии считается исследование и описание обыденной жизни, то есть жизненного мира и связанных с ним состояний сознания.

В отличие от А. Шюца, П. Бергер и Т. Лукман [4, 11] заявляли о потребности формирования самим человеком устойчивой окружающей среды с целью институционализации ролей и моделей действий в повседневном мире. Концепция конструирования социальной реальности Т. Лукмана и П. Бергера базируется на иерархии обыденных действий, взаимоотношений и познания. Данная концепция основывается на методологической теории представления и интерпретации повседневности, дополненной А. Шюцем.

В отечественных гуманитарных науках исследование повседневности не имеет столь длительной традиции, как на Западе, тем не менее рассматривается в работах М. А. Барга, М. М. Баткина, М. М. Бахтина, А. В. Беловой, М. М. Брагиной, А. Я. Гуревича, З. Е. Дорофеевой, Л. Г. Ионина, Л. П. Карсавина, Г. С. Кнабе, Н. Л. Пушкаревой, Ю. А. Полякова, Н. Е. Соколовой-Семпер, С. С. Соковикова и др., причём З. Е. Дорофеева, Ю. А. Поляков обосновывают необходимость в этих исследованиях междисциплинарного подхода, использования как общественных наук, так и психологических, литературоведческих [7, 290; 2]. В связи с этим фактором мы полагаем, что наиболее значимым в подобных исследованиях этнической культуры будет культурно-антропологический подход. При этом для любого исследователя важно обратить внимание на описание источников информации и культурных артефактов, сделанное З. Е. Дорофеевой, изучение которых позволит учёным получить подробные достоверные сведения о культуре повседневности [2].

Особенность повседневности как культурно-исторического феномена состоит в её локальных проявлениях на территории определённых регионов и стран.

Можно отметить, что повседневность предстаёт как обобщающее понятие, включающее в себя не только конкретные условия существования и устойчивые стереотипные примеры действия и решения человеком жизненных проблем, но и индивидуальные переживания, взгляды, оценки и методы мировосприятия, свойственные повседневной жизни.

Вместе с тем длительное время никакая иная область человеческого существования, кроме повседневной, обыденной жизни, не рассматривалась как область, далёкая от культуры. Повседневность лежала за пределами исследований культуры.

Основатель культурологии Л. Уайт выдвинул идею, будто культура – это прежде всего значимая символическая действительность. Своеобразной особенностью данной действительности считается восприятие и оценка объектов и явлений не с точки зрения их физиологических характеристик и практических функций, а с позиций социальной важности, которая условна и при этом разделяется абсолютно всеми резидентами общества. Там, где появляются значения и смыслы, не предопределённые объективными практическими чертами, мы можем заявлять о культуре.

Понятие «обыденность» можно охарактеризовать как особую область существования людей в мире. Она позиционирует жизненную сферу человека, область непосредственного потребления, удовлетворения вещественных и духовных потребностей, связанных с нравами, ритуалами, формами действий, привычками. В этом случае обыденность включает достаточно разнородный перечень критериев исследования: привычную трудовую деятельность, этикетные формы поведения, техники решения профессиональных и бытовых трудностей, сегмент организации развлечений, стереотипы и предрассудки, которых придерживается человек в своей деятельности.

Кроме того, повседневную жизнь невозможно рассматривать обособленно от системы ценностей той или иной социальной общности. Нравственные приоритеты каждого человека не только формируются в его повседневной среде – они, как и весь социум, оказывают влияние на образ жизни личности, на её установки и жизненные ориентиры. Таким образом, повседневность – это и образ жизни, и множественность направлений деятельности, и принципы взаимодействия с внешним окружением, и особенности внутреннего мира индивида, его ценностные ориентиры и эмоциональные переживания.

Культура повседневности – одна из распространённых сфер нынешнего гуманитарного познания. Рост заинтересованности в её исследовании указывает на желание учёных-культурологов овладеть новейшими научными областями и доминирование в современной науке микроисторического подхода, интереса непосредственно к обыденности отдельного индивида и народа в целом. При этом заинтересованность предполагает как изучение обыденности в свойстве сравнительно-независимого «мира опыта» (А. Шюц), так и анализ её в связи с иными сферами культуры. Исследование повседневности позволяет сформировать многомерную картину культуры в её двойственности и единстве.

Повседневность – особенный способ существования человека и общества, первичный для человека. Культурологический ракурс изучения обыденности сопряжён с культурой повседневности, которая предполагает ценностно-символический подход к повседневности. Из числа многообразных трактовок культуры сущности понятия «повседневность» соответствует понимание культуры как особенности жизнедеятельности этноса. В повседневности акцентируется как материальный уровень предметов, так и духовный уровень норм, ценностей, верований, убеждений, мыслей и правил.

Одним из важных компонентов повседневной культуры любой страны считается гастрономия. Гастрономическую культуру можно определить как цивилизованно специфичную концепцию общепризнанных норм, принципов и стандартов, воплощающихся в способах приготовления еды, наборе принятых в конкретной культуре продуктов и их сочетаниях, практике культуры питания. Еда становится символом многих общественных и культурных явлений и основой базовых метафор, описывающих в том числе интеллектуальную деятельность человека.

Культура питания – это характеристика реализации и воплощения в питании ценностных смыслов культуры путём оформления, обработки, одухотворения такой существенной для людей сферы их жизнедеятельности.

В свойственных различным народам комплексах пищевых продуктов, методах их обработки, типах блюд, традициях их предпочтения, организации и ритуале приёмов еды и других нюансах культуры повседневности, прямо или косвенно связанных с едой, отражается этническая и культурно историческая особенности народа, природно-географические особенности проживания.

Народ саха проживает на территории Республики Саха (Якутия), расположенной в северо-восточной части Сибири. Почти 40 % территории страны находится за Полярным кругом в зоне вечной мерзлоты. Климат резко континентальный.

Народ саха тюрко-монгольского происхождения пронёс свои уникальные традиции и обычаи сквозь века. Прибыв из своей южной прародины на далёкую северную территорию, он вынужден был приспособливаться к новым суровым природным и климатическим условиям, обустроить свой быт – держать скот, одеваться, охотиться, питаться, чтобы выжить и продолжить свой род, наконец, сохранять обычаи, язык и культуру. Чтобы выжить в условиях долгой и суровой зимы, необходима еда, богатая белками, витаминами и микроэлементами. Здоровье человека напрямую связано с питанием, принципы которого обусловлены видом деятельности, климатическими условиями, временем года.

Естественно, приезд гостей в какую-либо страну, регион не обходится без знакомства с национальной кухней, но этот процесс, как правило, имеет формальный характер. Для подробного знакомства с культурой питания существуют гастрономические туры. Гастрономический туризм – увлекательное и содержательно наполненное направление туристского бизнеса, во время которого можно почерпнуть много интересной и полезной информации о менталитете, вековых традициях и национальном духе народов через знакомство с культурой приготовления и употребления пищи.

Следует отметить, что любая страна имеет потенциал для развития гастрономического туризма, основывающегося на демонстрации туристам неповторимости национальной кухни, традициях гостеприимства. Сегодня гастрономический туризм, способствующий возрождению и сохранению национальных кулинарных традиций стран и регионов, популярен и активно развивается во всём мире, в России медленно, но верно идёт вперёд и имеет большие перспективы для развития.

Каждый регион обладает гастрономическими особенностями, уникальными продуктами и блюдами, которые целесообразно позиционировать для привлечения туристов. Такие мероприятия должны организовывать местные органы государственной власти, туристские фирмы, предприятия общественного питания и все, заинтересованные в развитии имиджа своей страны в целом и отдельных регионов в частности. В Якутии большую помощь в проведении гастрономических мероприятий оказывает некоммерческое партнёрство «Ассоциация рестораторов Республики Саха (Якутия)».

Ассоциация создана в целях развития индустрии питания и улучшения качества обслуживания. Главными задачами партнёрства являются: объединение предприятий общественного питания в единую профессиональную организацию, проведение и участие в профессиональных конкурсах, реклама и продвижение предприятий индустрии питания. Проводятся основные мероприятия, которые организует и курирует Ассоциация в области гастрономии: республиканская выставка-ярмарка «Рестодень» (июнь), фестиваль ухи (июль), выставка-ярмарка «Продовольствие» (сентябрь), республиканский фестиваль строганины (декабрь), гастрономический фестиваль «Вкус Якутии» (декабрь), а также конкурсы искусства поваров, официантов, барменов, кондитеров республики (в течение года).

Так, с целью продвижения бренда Республики Саха (Якутия) и, в частности, бренда местной рыбной продукции в городе Якутске с 1999 года проводятся соревнования в рамках фестиваля строганины. Цели проведения мероприятия: повышение престижа якутской национальной кухни, пропаганда национальных традиций гостеприимства и приготовления рыбных блюд с целью привлечения туристов.

Один из самых широкомасштабных фестивалей был проведён в Якутске в 2011 году в рамках Международной конференции по событийному туризму. В качестве почётных гостей его посетили представители профильных федеральных органов исполнительной власти, двенадцати регионов РФ, эксперты из Финляндии, Германии, Кореи, Японии, Великобритании, представители органов местного самоуправления, научной, туристской общественности, представители смежных отраслей, ведущих научных и образовательных институтов, эксперты в области маркетинга,

пиар-технологий, представители российских и зарубежных средств массовой информации и коммуникаций.

Во время фестиваля проходят выставки-ярмарки охотничьих ножей, рыболовных снастей, фотографий, соревнования по северному многоборью. На нескольких площадках города продают замороженную рыбу из северного улуса, проводятся дегустации блюд из строганины, представленных ведущими рестораторами города, проходит блицтурнир ледовых скульпторов.

Самым важным событием фестиваля является конкурс «Строганина», состоящий из традиционных этапов: «Домашнее задание», «Визитная карточка», «Чемпион-рыба», «Перетаривание карасей», «Поедание рыбы», «Скорость и качество строгания».

Самый знаменитый гастрономический бренд Якутии – строганина. Она представляет собой стружку из замороженной до деревянного состояния рыбы. Отрезать полноценный кусок от рыбного полена практически невозможно, поэтому строганина снимается очень острым ножом и уходит на белые ледяные кудряшки. Для правильного соблюдения ритуала надо смешать соль и перец по вкусу и макать в эту смесь холодные кусочки. Пальцы замерзают, а язык не успевает замёрзнуть – сырое мясо тает во рту. Конкурс на лучшее строгание рыбы – самое долгожданное и любимое мероприятие якутян.

На следующем этапе праздника жюри оценивает выступления участников в номинации «Царь-рыба». Победители определяются в каждой «весовой категории» рыбы.

Таким образом, с каждым годом фестиваль приобретает всё больший размах. Ещё одним мероприятием в области развития гастрономии в республике является проведение гастрономического фестиваля национальной кухни «Вкус Якутии». Цель и задачи фестиваля: развитие индустрии питания Якутии, популяризация национальной кухни, создание туристской привлекательности Якутска, благоприятного имиджа предприятий общественного питания, знакомство жителей и гостей города с особенностями национальной культуры питания, демонстрация профессионального мастерства кулинаров города, обмен профессиональным опытом. Этот проект, стартовавший в рамках масштабного фестиваля «Зима начинается с Якутии», был направлен на формирование и продвижение бренда якутской национальной кухни.

Торжественное открытие мероприятия состоялось в Окружной администрации города Якутска во время круглого стола рестораторов на тему «Развитие локальной гастрономии». Обсуждались основные направления, в которых должна развиваться якутская кухня, чтобы завоевать большую популярность. Как считают организаторы мероприятия, Якутия должна искать новые идеи для развития локальной гастрономии, не ограничиваясь популяризацией только строганины и северной рыбы, которую могут предложить и другие северные регионы.

В рамках мероприятия «Вкус Якутии» проходят соревнования между ресторанами столицы на самое лучшее национальное блюдо. В конкурсе национальных блюд принимают участие рестораны «Усадьба Атласовых», «Чочур Муран», «Лайнер», «Полярная звезда», Mammoth, «Тыгын Дархан», «Кружало» и др. На фестивале было продемонстрировано 171 блюдо. Прошли проектные сессии «Новые продукты для продвижения якутской гастрономии» и «Новая мифология якутской гастрономии и гастротуризма». Завершается фестиваль выставкой-ярмаркой северных деликатесов.

Таким образом, гастрономический фестиваль «Вкус Якутии» в рамках фестиваля «Зима начинается с Якутии» продемонстрировал перспективы развития гастрономической и культурной уникальности республики.

Поводя итоги, отметим, что фестивали «Строганина» и «Вкус Якутии» приобрели популярность у всех жителей республики. Якутия имеет богатейшие гастрономические сокровища, которые могут выйти на международный уровень и способствовать развитию и совершенствованию в регионе гастрономического туризма.

Вместе с тем исследование повседневной культуры питания народов Саха должно, по нашему мнению, опираться не только на рассмотрение традиционных обрядов, организацию праздничного питания, но и исследовать пищевые привычки представителей всех этносов региона, выявлять в них общее и особенное, рассматривать их взаимосвязь с системой культуры в целом.

Подобное многоаспектное исследование возможно осуществить на основе междисциплинарного культурологического знания.

С целью узнать линейку существующих и перспективных якутских продуктов и брендов, которые могут стать частью формирования гастрономического облика региона, нами был проведён мини-социологический опрос местного населения на тему «Продуктовый бренд Якутии».

Ответы респондентов совпали с названиями продуктов и брендов, предложенными участниками семинаров гастрономического фестиваля «Вкус Якутии», что позволило структурировать линейку существующих якутских продуктов. Респонденты в своих ответах на первое место по значимости ставят якутские рыбы чир и нельму в варёном, жареном и замороженном видах. На втором месте в линейке продуктов находится карась. Третье место занимает жеребятина. Вместе с тем привычный якутам продукт крайне слабо представлен на российском и мировом рынках. На четвёртом месте коренными жителями Якутии названы дикоросы – амгинская земляника, жиганские ягоды, алданская голубика, таттинская смородина, намская брусника, анабарская морошка. На пятом месте – молочные продукты. Молочные продукты высокого класса могут быть использованы в качестве гастрономических сувениров: сыров, кумыса, сметаны. Озёрный голянь по актуальности оказался на шестом месте. Учитывая, что это яркий местный гастрономический продукт, его следует включать в национальное меню ресторанов, разрабатывать линейку рецептов, брендировать его, сделать частью местных гастрономических сувениров. Замыкают список перспективных якутских продуктов оленина, верхоянские зайцы, бизонье мясо.

Так как кулинарные традиции стран мира являются объектом интереса туристов, становятся одной из целей пребывания, можно аспект повседневной культуры жизнедеятельности использовать для позиционирования и продвижения якутского региона. На сегодняшний день в обществе ярко выражено усиление интереса к гастрономическим брендам. Бренд территории, включающий в себя гастрономический компонент, станет мощным инструментом, который не только способствует увеличению популярности туристской дестинации и привлечению туристов, но и возрождению национальных кулинарных традиций и формированию положительного имиджа региона.

В дальнейших исследованиях мы ставим целью проведение историко-культурологического анализа и выявление принципов обыденности в организации культуры питания якутских этносов, играющих важную роль в функционировании культуры сообщества, его жизнедеятельности, формировании региональной идентичности и ценностных смыслов картины мира жителей региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель, Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. В 3 т. Т. 1–3. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – М., 1986.
2. Дорофеева, З. Е. Социология культуры и повседневность: лекции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///Users/Mama/Documents/Повседневность.Лекции Sociologist,s%20Warehouse, weberchive.
3. Драчева, Е. Л. Гастрономический туризм: современные тенденции и перспективы / Е. Л. Драчева, Т. Т. Христов // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2015. – № 3(4). – С. 36–50.
4. Ионин, Л. Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ / Л. Г. Ионин. – М., 1979. – 427 с.
5. Кущева, Н. Б. Гастрономический туризм как перспективный вид туризма регионов России / Н. Б. Кущева, Т. В. Бедяева // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – № 12(44). – С. 207-217.
6. Мотрошилова, Н. В. Принципы и противоречия феноменологической философии / Н. В. Мотрошилова. – М.: Высшая школа, 1968. – 127 с.
7. Поляков, Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) / Ю. А. Поляков // Труды Института российской истории РАН, 1999–2000. – М.: ИРИ РАН, 2002. – Вып. 3. – С. 290-322.
8. Родионов, Т. П. Национальная кухня: дорогу добрым традициям / Т. П. Родионов. – Илин, 1997. – № 1-2. – 2 с.
9. Саввин, А. А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии) / А. А. Саввин. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005. – 376 с.
10. Скульмовская, Л. Г. Повседневность как культурно-историческая категория / Л. Г. Скульмовская, Н. В. Назарова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 12. – С. 97-100.
11. Фрейд, З. Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд. – СПб.: Эксмо, 1997. – 192 с.

Назаров В. К., Оюундэлгэрэх Ш.
V. K. Nazarov, Sharkhuu Oyundelgerekh

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И МОНГОЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

CULTURE POLICY OF RUSSIA AND MONGOLIA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Назаров Виктор Кузьмич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры (Россия, Улан-Удэ); 670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1; тел.: + 7 (951) 621-72-25. E-mail: ketrim1@rambler.ru.

Mr. Viktor K. Nazarov – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Culture and Art Studies Department, East-Siberian state institute of culture (Russia, Ulan-Ude); 670031, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, 1 Tereshkova str.; tel.: + 7 (951) 621-72-25. E-mail: ketrim1@rambler.ru.

Оюундэлгэрэх Шархуу – старший преподаватель кафедры культурных индустрий Монгольского государственного университета искусств и культуры (Республика Монголия, Улан-Батор); tel.: + 7 10 (976) 99-08-62-39. E-mail: oyun0307@yahoo.com.

Oyundelgerekh Sharkhuu – Senior teacher, Cultural Industry Department, Mongolian State University of Arts and Culture (Republic of Mongolia, Ulaanbaatar); tel.: + 7 10 (976) 99-08-62-39. E-mail: oyun0307@yahoo.com.

Аннотация. Статья посвящена компаративистскому анализу культурной политики в Российской Федерации и Монгольской Народной Республике (МНР). Авторы статьи указывают, что культурная политика РФ и МНР обусловлена глубокими историческими традициями их взаимодействия. Более того, на территории Российской Федерации издавна проживают представители монголоязычных народов – буряты и калмыки. Буряты, населяющие территории Прибайкалья и Забайкалья, как этнос развивались в очень близких культурных контактах с монголами, что повлияло на культурную политику этих государств. В статье рассматриваются одни из основных параметров культурной политики в Российской Федерации и Монгольской Народной Республике. Анализируются теоретико-методологические основания, принципы, цели и задачи, нормативно-правовые ресурсы культурной политики этих двух стран. Авторы пришли к выводу, что по многим показателям культурная политика обеих стран имеет схожие характеристики. Сравнительное изучение культурной политики в РФ и МНР способствует сохранению их цивилизационной идентичности и международному сотрудничеству в области культуры.

Summary. The article is devoted to the comparative analysis of culture policy in the Russian Federation and the Mongolian people's Republic (MPR). The authors of the article point out that the culture policy of these States is due to the deep historical traditions of interaction between Mongolia and Russia. Moreover, representatives of the Mongolian peoples – Buryats and Kalmyks-have long lived on the territory of the Russian Federation. Buryats inhabiting the territories of the Baikal and Transbaikalia as an ethnic group developed under very close cultural contacts with the Mongols, which influenced the culture policy of these states. The article considers one of the main parameters of culture policy in the Russian Federation and the Mongolian people's Republic. The theoretical and methodological foundations, principles, goals and objectives, regulatory and legal resources of the culture policy of these two countries are analyzed. The authors conclude that in many respects the culture policy of both countries has similar characteristics. Comparative study of culture policy in the Russian Federation and the MPR contributes to the preservation of their civilizational identity and international cooperation in the field of culture.

Ключевые слова: Российская Федерация, Монгольская Народная Республика, культурная политика, принципы, цели и задачи культурной политики, нормативно-правовая база, идентичность, международное сотрудничество.

Key words: Russian Federation, Mongolian people's Republic, culture policy, principles, goals and objectives of culture policy, legal framework, identity, international cooperation.

УДК 008:32 (470+517.3)

Культура, как уникальный механизм существования людей в этом мире, является главным условием для формирования взаимодействия между отдельными личностями, социальными слоями, странами. Культура в значительно меньшей степени, чем политика и экономика, определяется границами тех или иных государств. Поэтому именно в этой области человеческой деятельности имеются возможности для активного взаимоотношения между разными государствами, постижения лучших образцов культуры тех или иных стран, изучения и усвоения опыта этих стран в деле культурного строительства.

Российская Федерация и Монгольская Народная Республика представляют собой наглядный пример такого взаимодействия. Отношения между Россией и Монголией в области культуры имеют глубокие исторические корни. На территории Российской Федерации издавна проживают представители монголоязычных народов – буряты и калмыки. Буряты, проживающие в Циркумбайкальском регионе, куда входит и Монголия, формировались и развивались в русле очень близких этнокультурных процессов вместе с монголами, что способствовало установлению общих исторических традиций во всех сферах жизнедеятельности: быту, труде, досуге.

Вышеизложенное обуславливает необходимость изучения и сравнения основных параметров в области культуры как в Российской Федерации, так и Монгольской Народной Республике. Одним из фундаментальных параметров такого рода является культурная политика, формирующаяся и реализующаяся в этих государствах, то общее и особенное, что характерно для РФ и МНР.

ЮНЕСКО определяет политику в области культуры следующим образом: «Культурная политика означает такую политику и меры, касающиеся культуры, будь то на местном, региональном, национальном или международном уровнях, которые либо сосредоточены на культуре как таковой, либо предназначены для оказания непосредственного влияния на формы культурного самовыражения отдельных лиц, сообществ или обществ» [2].

Согласно Указу Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики» «культурная политика определяется как действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей» [6].

Известный монгольский учёный Ж. Долгосурэн пишет, что «политика в сфере культуры является частью государственной политики, которая регулируется конституцией данного государства, законами и нормами всех уровней, реализуется в соответствии с ними, имеет функцию регулирования обширных отношений социальной и культурной жизни, является системой идей, определяющей и ведущей культурное развитие» [7].

Таким образом, несмотря на определённые расхождения в приведённых формулировках понятия культурной политики (а на деле их насчитывается десятки), общим является то, что культурная политика – это есть деятельность, в первую очередь государства, по сохранению и развитию культуры во всём её многообразии.

Структура культурной политики определяется, во-первых, самой политикой в области культуры; во-вторых, конкретными механизмами реализации политики в области культуры через государственные институты, негосударственные организации и частные лица; в третьих, самим народом, являющимся главным участником культурных отношений.

В данной статье осуществляется сравнительный анализ основных показателей культурной политики России и Монголии. Вначале рассмотрим теоретико-методологические основания культурной политики в РФ и МНР.

Российская Федерация – это страна, обладающая богатым культурным достоянием, уникальными культурными традициями и высокой духовностью. Особая роль в развитии культуры принадлежит культурной политике государства. Как уже указывалось, в 2014 году были приняты «Основы культурной политики Российской Федерации». В 2016 году Правительством РФ утверждена «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года». В настоящее время эти документы являются определяющими для развития культуры в Российской Федерации.

Теоретические и методологические основания культурной политики в Российской Федерации в своей основе базируются на общероссийском законодательстве о культуре.

Методологические основания культурной политики в Российской Федерации опираются:

- на подход к культуре как к главному фактору становления и реализации творческого потенциала человека, а к культурной деятельности – как к средству развития, самореализации и социальной востребованности личности;

- признание права каждого человека как творца культуры на участие в культурной жизни общества, самореализацию в творческой деятельности;

- широкий подход в решении социокультурных проблем на основе объединения деятельности государственных учреждений и общественных организаций как субъектов культурной политики, учёт российской специфики, определяющий характер, формы проявления и возможности решения имеющихся проблем.

Существуют концептуальные модели культурной политики, которые определяются культурными традициями и современными инновациями. В нашем случае выбраны две концептуальных модели культурной политики.

В рамках первой модели государство участвует в развитии сферы культуры. На средства бюджетов разных уровней государство финансирует некоммерческие виды культурной деятельности (например, сохранение памятников культурного наследия). Финансирование культуры осуществляется из средств государственного бюджета.

В рамках второй модели государство опосредованно участвует в культурной жизни. Бюджетное финансирование осуществляется только в особых случаях (например, оказание материальной помощи субъектам культуры). Главная роль в управлении культуры отдаётся частным предпринимателям, фондам и некоммерческим организациям. Таким образом, использование «отечественного и современного зарубежного опыта формирования при определённых условиях многоканальной системы финансирования культуры способствует привлечению значительных внебюджетных инвестиций и обеспечивает устойчивое развитие культуры в современных условиях» [3].

«В зависимости от доминирующих ценностей общественной идеологии можно выделить три типа культурной политики: 1) либеральную культурную политику, которая ориентирована на удовлетворение культурных потребностей как можно большего количества субъектов культурной жизни; 2) элитарную культурную политику, приоритеты и цели которой определяются в соответствии с тем, какие социальные силы являются носителями базовых ценностей региона; 3) тоталитарную (или патерналистскую) модель культурной политики, в соответствии с которой единая идеология навязывается всем субъектам культурной жизни. Доминирующие модели определяют основные способы финансирования культуры. Сторонники либеральной культурной политики, отвергая вмешательство государства, отказывают культуре в финансовой поддержке и считают, что культура должна развиваться на базе самофинансирования и привлечения средств спонсоров и меценатов. Приверженцы элитарного и тоталитарного типов культурной политики ориентируются на ключевую роль государства в развитии культуры, и прежде всего в вопросах экономического, материально-технического, кадрового и другого ресурсного обеспечения сферы культуры», – пишет Г. М. Бирженюк [1, 15].

Эффективность процесса формирования и реализации культурной политики Российской Федерации во многом зависит от исходных теоретико-методологических оснований, которые определяют основные векторы развития российской культуры.

Далее рассмотрим теоретико-методологические основания культурной политики в Монгольской Народной Республике. В процессе своего исторического развития монгольское государство имеет исторические традиции формирования и реализации соответствующей политики в области культуры. Вопрос соответствия культурной политики целям и принципам общегосударственного масштаба является актуальным для Монголии. В зависимости от содержания, принципов, направления культурной политики, формы их выражения, особенностей исторического развития МНР, а также политических сил, находящихся у власти, реализация культурной политики имеет различные характеристики.

Таким образом, вопросы государственной политики, правовой модернизации в области культуры имеет важное значение для развития культурного многообразия, включая национальную культуру, искусство, материальное и нематериальное культурное наследие, а также для обеспечения равных для всех граждан Монголии условий доступа к ценностям культуры и искусства.

Методологические основания культурной политики Монгольской Народной Республики опираются:

- на подход к культуре как основе стабильного развития монгольского общества, в которой сохраняются национальные ценности;
- гарантии прав и свобод граждан на свободное высказывание, создание и пользование плодами культуры, выявление и развитие талантов всех граждан Монголии, в особенности молодёжи;
- поддержку совместной деятельности государства и гражданского общества в области культуры, обеспечение равноправного участия всех граждан в культурной деятельности;
- равное уважение, сохранение и защиту культурного наследия, исторических традиций и обычаев народов Монголии;
- внимание и поддержку со стороны государства создателей культурных ценностей, а также лиц, наследующих нематериальные культурные ценности;
- развитие ценностей и идеологии гуманного, гражданского, демократического общества;
- создание условий для свободного выбора идей, подходов, взглядов всеми гражданами МНР, а также народными талантами, работниками культуры и искусства.

Как и в случае с Российской Федерацией, необходимо оптимальное соотношение вмешательства государства в управление финансирования в сфере культуры с одной стороны, и свободный выбор отдельных граждан, организаций, учреждений, занятых в этой сфере, с другой стороны.

По отношению к МНР также выделяются три типа культурной политики: либеральная, элитарная и патерналистская. Какой из этих типов является доминирующим для Монголии – вопрос, требующий специального исследования. По данным материалов различных источников явствует, что приоритет отдаётся в пользу либерального типа культурной политики.

Следующим рубрикаторм являются принципы, цели и задачи культурной политики.

Среди принципов культурной политики в России можно выделить три основных:

- принцип оптимального соотношения традиций и инноваций, предполагающий целенаправленную поддержку со стороны государства культурной преемственности, что обеспечивает культурную самобытность России;
- принцип доминирования духовных ценностей в жизни людей (это актуально в условиях капиталистического общества);
- принцип проблемно-целевой ориентации государственной культурной политики (здесь учитывается ведущая роль государства в финансировании культуры);
- принцип открытого и добрососедского международного сотрудничества в области культуры.

Главными целями культурной политики государства являются развитие творческого начала в каждом человеке, формирование чувства патриотизма и причастности к российской нации, готовности к учёбе и труду на благо общества, неприятия антигуманных псевдоценностей некоторых кластеров современной культуры.

Для достижения этих целей необходима реализация чётко сформулированных, последовательно реализуемых задач культурной политики. Основными задачами российской культурной политики являются:

- поддержание культурного разнообразия в Российской Федерации;
- развитие условий для создания, сохранения, трансляции и воспроизводства культурных ценностей и артефактов;
- обеспечение равных возможностей приобщения к ценностям культуры всех групп населения, в первую очередь детей, подростков и молодёжи;
- развитие межрегиональных и международных контактов;

- поддержка научных исследований в области культуры.

Таковы основные показатели, определяющие вектор развития культуры в Российской Федерации на длительный период.

Определяющими принципами культурной политики МНР являются:

- принцип гармоничного взаимодействия традиций и инноваций в культуре, равной оценки, уважительного отношения ко всем этническим культурам;

- принцип уважения прав и свобод человека в области культуры, равной доступности к её ценностям и благам;

- принцип стабильного развития сферы культуры;

- принцип международной дружбы и сотрудничества в сфере культуры.

Целью культурной политики МНР является создание условий для развития монгольской культуры в соответствии с лучшими образцами мирового уровня с сохранением при этом основных духовных ценностей, а также своеобразия национальной культуры монгольского народа.

Основными задачами культурной политики монгольского государства являются:

- поддержание и сохранение разнообразия форм культурного самовыражения;

- наследование культурных ценностей, защита культурного наследия, пропагандирование его на мировом уровне, увеличение количества семей и отдельных граждан для участия в культурной деятельности;

- всестороннее предупреждение забвения национальной культуры Монголии, её растворения в культуре других народов, потери наследования и традиций;

- воспитание монгольских детей, чтобы из них сформировались гуманные, интеллектуально развитые и почитающего традиции своего народа граждане;

- установление и реализация положения о том, что культура – это мост между народами; создание условий для взаимовыгодного свободного общения, развития и процветания; поддержка межкультурного общения;

- принятие участия в региональных, национальных и международных соревнованиях по профессиональным направлениям в области искусства; содействие проведению исследований в области культуры.

Решение поставленных задач будет способствовать повышению качества культурной жизни жителей Монголии, росту её авторитета в современном мире.

Далее рассматриваются нормативно-правовые базы культурной политики Российской Федерации и Монгольской Народной Республики.

В Российской Федерации исходные положения, определяющие культурную политику, изложены в Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). В 1997 году был принят Федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Во втором десятилетии XXI века вышел в свет Указ Президента России от 24 декабря 2014 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики Российской Федерации», в котором закреплён лучший опыт управления культурой, наработанный в постсоветской России, определена долгосрочная перспектива развития культурной политики как в самой стране, так и в области международных отношений. В 2015 году в Российской Федерации вышел в свет очень важный для полиэтничной и многоконфессиональной страны документ «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурного развития народов России (2014–2020)”». В 2016 году принято Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года».

Главный пафос этих важных документов определяется необходимостью сделать приоритетным направлением деятельности государства развитие культуры наряду с социально-экономическим развитием, условием сохранения цивилизационной уникальности страны и самобытности её культурного пространства. В документах детализированы общие установки по развитию культуры России, показаны необходимые алгоритмы управления культурными процессами в стране, обозначены основные результаты этих процессов.

Культурная политика Российской Федерации опирается на эффективное взаимодействие всех субъектов культурной деятельности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Поставлена задача дальнейшего совершенствования государственно-частного партнёрства в сфере культуры, повышения качества культурного потребления всеми слоями населения. Особо стоит вопрос о дальнейшем развитии международного сотрудничества в деле культурного строительства.

В Монгольской Народной Республике тоже уделялось большое внимание созданию нормативно-правовой базы культурной политики.

В МНР основополагающим документом, который определяет развитие культуры в обществе, является Конституция Монголии, утверждённая в 1992 году. В ней прямо указывается, что «...неукоснительное сохранение государственного, исторического и культурного наследия; создание и развитие гуманного, гражданского и демократического общества в своей родине – это наша миссия» [8]. В рамках реализации программы ООН «10 лет культурного развития» в 1996 году были приняты такие документы, как «Закон о культуре», «Государственная культурная политика». Для более эффективной творческой деятельности, обучения и развития выпускников по профессиям культуры и искусства был утверждён очень важный правовой документ – «Комплексная политика национального развития» (2007). Данный документ очень важен для развития нормативно-правовой базы культуры. В 2012 году был усовершенствован и принят документ «Государственная политика по культуре». В этом документе признано множество форм собственности в отрасли культуры и искусства, юридически обосновано обеспечение свободы творчества, что соответствовало основным требованиям ЮНЕСКО. В этом документе определены методы и формы «создания правовых основ развития творческого культурного производства, внесения вклада в стабильное развитие культуры, улучшения межотраслевых связей в расширении рынка культуры» [4]. Следует отметить и такие документы по развитию культурной политики в Монголии, как «Мастер-план развития УКИ (Университета культуры и искусств) на 2017–2024 годы», «Национальная программа культурного производства» (2015). Проблемы культурной политики отражены в «Программе деятельности Правительства Монголии на 2016–2020 годы». В пунктах 3.21–5 провозглашены цели и задачи по развитию интеллектуальной собственности, поддержке создателей монгольского контента, совершенствованию правовой среды отрасли культуры и искусств, увеличению оплаты труда работников отрасли культуры и искусства [5].

Во всех перечисленных нами документах были определены возможности развития отрасли культуры и искусства Монголии, общие тенденции развития творческой деятельности, намечены основные направления, необходимые для реализации поставленных задач.

Таким образом, эффективность культурной политики России и Монголии определяется многими факторами, среди которых нормативно-правовая база, социально-экономические показатели развития этих стран, соотносённость культурной деятельности в этих государствах с документами, принятыми ЮНЕСКО и другими международными организациями. Как показывает анализ, при разработке концептуальных основ культурной политики в обеих странах учитывалась, с одной стороны, национальная специфика, с другой – необходимость открытости и международного сотрудничества в этой сфере.

В статье сделана первая попытка сравнительного анализа культурной политики евразийской России и азиатской Монголии, стран, которые по многим параметрам являются близкими и в тоже время обладают национальной уникальностью.

Изучение культурной политики Российской Федерации и Монгольской Народной Республики требует продолжения углублённого исследования, что, безусловно, будет способствовать сохранению их культурной идентичности, дальнейшему взаимодействию и сотрудничеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирженюк, Г. М. Методология и технологии региональной культурной политики: автореф. дис. ... д-ра культурологии / Бирженюк Григорий Михайлович. – СПб., 1999. – 32 с.
2. Генеральная конференция ЮНЕСКО от 20 октября 2005 г. в Париже «Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.mn/p/58> (дата обращения: 23.11.2018).

3. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2018).
4. Государственная политика Монголии в области культуры [Электронный ресурс]: Указ Парламента Монголии от 05 декабря 2012 г. № 52. – Режим доступа: <https://www.legalinfo.mn/law/details/9792> (дата обращения: 12.04.2018).
5. Программа деятельности Правительства Монголии на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: Указ Правительства Монголии от 09 сентября 2016 г. № 45. – Режим доступа: Legalinfo.mn (дата обращения: 23.11.2018).
6. Об утверждении Основ государственной культурной политики [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2018).
7. Долгорсүрэн, Ж. БНМАУ-ын соёлын бодлогын онцлог, түүний үр дүн / Ж. Долгорсүрэн // Монголын соёл урлаг судлал. сэтгүүл УБ. – 2017. – № 23. – Х. 27-47.
8. Монгол Улсын Ундсэн хууль (Конституция Монголии) // Ардын Эрх. 1992.

Санжиева Е. Г., Санжиева М. В.
E. G. Sanzhieva, M. V. Sanzhieva

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В КУЛЬТУРЕ БУРЯТИИ 1960–1970-х гг.

ART CREATIVITY IN BURYATIA CULTURE OF 1960–1970s

Санжиева Елена Гармажаповна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры (Россия, Улан-Удэ); 670031, Республика Бурятия, ул. Терешковой, 1; тел.: + 7 (914) 841-42-95. E-mail: elena_sanzhieva@mail.ru.

Ms. Elena G. Sanzhieva – PhD in History, associate professor, Culture and Art Studies Department, East-Siberian state institute of culture (Russia, Ulan-Ude); 670031, Republic of Buryatia, 1 Tereshkova str.; tel.: + 7 (914) 841-42-95. E-mail: elena_sanzhieva@mail.ru.

Санжиева Мария Вячеславовна – аспирантка кафедры социологии и психологии Государственного университета управления (Россия, Москва); 109542, Москва, Рязанский пр., 99. E-mail: elena_sanzhieva@mail.ru.

Ms. Maria V. Sanzhieva – a postgraduate student, Sociology and Psychology of Management Department, State University of management (Russia, Moscow); 109542, Moscow, 99 Ryazan str. E-mail: elena_sanzhieva@mail.ru.

Аннотация. В данной статье рассмотрены в динамике развитие и результаты творческой деятельности на примере изобразительного и декоративно-прикладного искусства Бурятии, их репрезентация на художественных выставках и в музеях. Аксиология творчества художников, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства 1960–1970-х гг. базировалась на нравственно-эстетических категориях добра, служения долгу, Родине, не утративших своей актуальности и в современных условиях.

Summary. In this article, the development and results of creative activity on the example of fine and decorative arts of Buryatia are considered in dynamics, as well as their representation in art exhibitions and museums. The axiology of creative works of artists, sculptors, masters of decorative and applied art of the 1960–1970s was based on the moral and aesthetic categories the good, serving the duty, the Motherland, which have not lost their relevance in modern conditions.

Ключевые слова: художественная культура, творчество, аксиология, изобразительное искусство, декоративно-прикладное искусство.

Key words: art culture, creativity, axiology, fine arts, decorative and applied arts.

УДК 930.85(571.54)

Художественное творчество как компонент художественной культуры, являющейся одной из составляющих целостной культуры, в особой форме символов и образов выражает представления о духовных ценностях каждого периода. В 1960–1970-е гг. в художественной жизни страны в целом и в национальных республиках, в том числе Бурятии в частности, наблюдался заметный рост уровня исполнительского мастерства; интенсивно развивались различные жанры, множество интересных техник, что свидетельствовало о выравнивании творческих сил автономий Российской Федерации. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Бурятии рассматриваемого периода были важной составляющей художественной культуры, в настоящее время они представляют культурное наследие. Одной из показательных тенденций его развития становилось взаимодействие личности художника в её стремлении к самовыражению в социокультурной среде, диктовавшей определённый контекст. Обращение к опыту заявленного периода в дискурсе региональной культуры в настоящее время видится нам актуальным.

Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Бурятии, творчество художников и скульпторов республики интенсивно развивались в условиях «оттепели» и после неё. Это касалось прежде всего живописи, ставшей ведущим видом изобразительного искусства, дававшим

возможность отображать явления, образы в полифонии богатого колорита и разнообразия формы. Бурятские мастера плодотворно работали в разных жанрах живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства; применяли новые техники и материалы. Их привлекали события прошлого и современная действительность с её ценностными установками на мирное созидание, активную жизненную позицию трудящихся.

По мнению М. С. Кагана, аксиосфера культуры – это функционирующая система и системный (контекстный) подход предполагает её функциональный анализ [4, 58]. Аксиология художественного творчества 1960–1970-х гг. базировалась на нравственно-эстетических категориях добра, любви, душевной красоты, служения долгу, Родине. Историко-революционная тематика, темы труда, народного быта по-прежнему привлекали творческих деятелей и соответствовали идеологическим установкам того времени. Об этом свидетельствуют картины представителя старшего поколения Г. Е. Павлова: «Первый трактор», «Разговор о новой жизни». «Большую устойчивость художественных кадров как счастливую особенность развития бурятской живописи в советский период» отмечали специалисты-искусствоведы. Плодотворная работа многих ведущих мастеров нередко продолжалась в течение нескольких исторических периодов и сопровождалась последовательной передачей творческого опыта от старших поколений к младшим» [10, 21].

В 1960–1970-х гг. в изобразительном искусстве обозначилась проблема поиска новых форм. Программным в творческой судьбе А. В. Казанского стало новаторское произведение «Рыбаки Байкала» (1964). Молодой художник привнёс в искусство Бурятии романтику «сурового стиля» через образы сибирских тружеников, не выпадая из руслу социалистического реализма. А. В. Казанский в произведениях «Рассвет на Байкале», «Скала Шаман. Байкал», «Осень на Байкале»; Т. А. Рудь в произведениях «В высокогорной Бурятии», «В горах Бурятии», «Осенняя мозаика», «Сарлыки в горах Бурятии»; Б. С. Садыков в произведении «В Саянах» запечатлели могучую притягательность и красоту родной земли, отобразили присущие Забайкалью картины природы, Байкал, отроги Саянских гор. В первой половине 1960-х гг. Г. И. Баженов создал серию пейзажей, посвящённую реке Селенге с её мощной красотой, первозданной сибирской природой. Подготовительные этюды художник писал, непосредственно участвуя в навигациях речников. Искусствовед С. М. Червонная охарактеризовала Г. И. Баженова как «сильного и многогранного в своих поисках мастера пейзажной живописи...» [10, 31].

В 1960–1970-е гг., с приходом новых авторов, графика в Бурятии стала выразителем тех черт, которые формировали важнейшие качества художественного стиля времени открытий, прорывов человека в космос, а также в атомной энергетике, литературе, театре. А. Н. Сахаровская первая из представителей бурятского изобразительного искусства получила специальное образование в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина и стала профессиональным графиком. Её работы по-новому открыли бурятскому зрителю многомерность, монументальность этого жанра. Сахаровская проиллюстрировала издание бурятского эпоса «Гэсэр», её авторству принадлежат линогравюры «История одного улуса», литографии «История моего народа», «Сурхарбан», «Моя Бурятия», серия «Мои современницы», в которых раскрыты художественные особенности, духовная сущность советской эпохи и одновременно по-новому подчёркнуто национальное содержание. Первая персональная выставка художницы в столице вызвала интерес зрителей и профессионалов. В частности, высокую оценку ей дал В. Зименко в статье «Современность в графической лирике Александры Сахаровской», напечатанной в журнале «Искусство» № 9 за 1974 год. Проанализировав творческую деятельность художницы в целом, он подчеркнул «актуальность и пластическую ясность художественного содержания произведений», отметил «острое и новое видение мастера» [9, 65].

Вместе с положительными изменениями рассматриваемого периода следует отметить, что в 1960-е – начале 1970-х гг. намного слабее других видов искусства развивались монументально-декоративная живопись и народно-прикладное искусство. А тема современности не стала ведущей у художников Бурятии, при том что организаторская и исполнительская сферы творчества в советский период были пронизаны пропагандой советского образа жизни. В планы мероприятий Союза

художников, утверждавшиеся районными партийными органами, входило оформление интерьеров сельских домов культуры, ленинских комнат.

Во второй половине 1970-х гг. в гобеленном творчестве впервые был использован конский волос, в прошлом служивший традиционным материалом в быту бурят. В этом большая заслуга художниц Н. И. Дульбиновой, С. П. Ринчиновой, Т. Н. Тиминой. Ринчинова получила патенты на свои изобретения по специальной обработке местных поделочных материалов и технологии ручного гобеленного ткачества. Её работа в этом направлении «сродни комплексному научному исследованию, результатом которого стало появление нового “типажа” в бурятском декоративно-прикладном искусстве, радующем зрителей натуральным хроматическим спектром, синкретичной связью аутентичных материалов и мотивов изображения, монументальностью композиционно-пластических решений [5, 90-91]. Продолжили развитие гобеленной техники Р. Доржиева, Б. Дамбиева, Т. Дашиева, Н. Эрдынеева. Успешно передаёт свой опыт коллегам по Союзу художников Бурятии и молодым мастерам из соседних республик – Якутии, Тувы – С. П. Ринчинова. Кроме того, она преподаёт в Восточно-Сибирском государственном институте культуры и искусства.

В 60–70-е гг. XX века известные бурятские мастера скульптуры Г. Г. Васильев, Б. Зодбоев, Э. Д. Цыденов, Б. Эккеев, М. Б. Эрдынеев переживали подъём в своей деятельности. Они умело и органично сочетали в своих работах традиционные приёмы и сюжеты с современными. Интересные работы из керамики, новые для республики, создали В. Базарова, Р. Ц. Жимбиева, А. П. Хомяков.

Репрезентация творчества, большая просветительская работа среди населения – отчётные выставки работ художников, передвижные выставки в сельских районах республики, организация подготовки молодых специалистов – входили в круг деятельности Союза художников БМАССР и художественного музея имени Сампилова. Важным событием в культурной жизни республики и её столицы стала зональная выставка «Советский Дальний Восток» (1971), а в масштабе страны впервые прошли Всесоюзная выставка изобразительного искусства автономных республик Российской Федерации, выставки зоны Урала, Сибири и Дальнего Востока (1971), на которых «мастера живописи, графики, скульптуры Бурятии достойно представляли свои работы в Москве. Выставки показали значительно возросший уровень развития таких жанров, как графика, театральное декорационное искусство, в живописи – портрет, пейзаж» [2, 416]. Творческое наследие дореволюционного периода продемонстрировала выставка «Искусство Бурятии XVIII–XIX вв.» в Музее истории искусства народов Востока, на которой были представлены такие уникальные артефакты, как маски мистерии ЦАМ, буддийские иконы-танка, ювелирные изделия, чеканка.

Активной составляющей художественной жизни республики с середины 1970-х гг. была работа по культурному обслуживанию строителей Байкало-Амурской магистрали представителями творческой интеллигенции. Музей имени Сампилова организовал на 22 точках БАМа выставки: «Слава труду», «Художники на БАМе», «Творчество бурятских художников» и др. [3, 460]. Большое количество работ посвятил всесоюзной стройке художник В. Архипов, одним из первых побывавший на ней и «пешком прошедший бурятский участок крупнейшей в мире магистрали»: «Посёлок тоннельщиков. Даван», «Владимир Ананьев», «Индустриальный пейзаж», «Мыс Курлыпорт», «Краны», «У вагончика»; серию графических работ «о молодых героях стройки – первопроходцах БАМа» [1, 139].

В 1979 году в Улан-Удэ проходила выставка «Мы строим БАМ», собравшая работы живописцев не только России, но и Украины, Азербайджана, Грузии, Узбекистана. В том же году в Северобайкальске состоялось открытие картинной галереи, в которой было выставлено 500 произведений живописи, скульптуры, графики, декоративно-прикладного искусства.

Интересной формой своеобразного отчёта перед сельскими тружениками в 1960–1970-е гг. стали дни литературы и искусства в районах республики – Заиграевском, Тункинском, Бичурском и Еравнинском, в течение которых писатели, артисты, художники знакомили жителей со своим творчеством. Большой вклад в разработку истории живописи Бурятии, популяризацию творчества вносили искусствоведы, музейные работники, критики, работавшие в тесном контакте с Союзом художников.

Динамика совершенствования профессионального искусства Бурятии, повышения уровня мастеров в рассмотренный период подтверждается увеличением количества членов и кандидатов в члены Союза художников СССР (более 50). В период между II и III съездами художников Бурятии всего за два года ими было написано более шестисот произведений. Из них 470 экспонировалось на различных выставках, в том числе и за рубежом.

Заместитель министра культуры РСФСР Г. В. Зайцев говорил, что «...бурятские художники, скульпторы или мастера декоративно-прикладного искусства выработали свой почерк. На любой выставке изобразительное искусство Бурятии всегда обязательно узнаете, отличите и запомните» [6, 143].

Важным шагом в формировании нового поколения мастеров стало создание секции молодых живописцев, насчитывавшей 20 человек. Пятьдесят три человека училось в художественных вузах и средних специальных учебных заведениях. Большими событиями в культурной жизни республики явились открытие в Улан-Удэ нового выставочного зала и оживление обмена выставками между художниками Бурятии и других городов страны.

Проведение встреч художников с рабочими, колхозниками, представителями интеллигенции, военнослужащими, студентами обеспечивало непосредственность общения творцов культуры и её потребителей, способствовало эстетическому воспитанию. В настоящее время художественное наследие не утратило своей ценности, оно служит визуальным материалом, является репрезентантом национальной идентичности, важной составляющей художественной культуры Бурятии, одной из основ её дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугаров, Д-Н. БАМ в палитре молодого художника [В. Архипова] // Байкал. – 1977. – № 2. – С. 139-140.
2. Из доклада Минкультуры Бурятской АССР о состоянии и развитии учреждений культуры за годы VIII пятилетки и о повышении роли учреждений культуры и искусства республики в коммунистическом воспитании трудящихся в свете решений XXIV съезда КПСС // Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981). Документы и материалы. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1983. – С. 409-423.
3. Информация Совмина Бурятской АССР в Совмин РСФСР о культурном обслуживании строителей БАМа за 11 месяцев 1976 года // Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981). Документы и материалы. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1983. – С. 460-461.
4. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 136 с.
5. Пазников, О. И. Традиции и современность изобразительного искусства Бурятии: моногр. / О. И. Пазников. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2005. – 151 с.
6. Санжиева, Е. Г. Формирование и развитие культуры Бурятии в советский период / Е. Г. Санжиева. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – 214 с.
7. Соктоева, И. И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии / И. И. Соктоева. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1988. – 106 с.
8. Торонова, Е. М. Культурные национальные ценности в изобразительном искусстве бурят // Вестник ВСГУТУ. – 2014. – № 1. – С. 141-145.
9. Цыреннимаева, Л. И. Эволюция развития темы «Гэсэриады» в бурятской графике // Вестник БГУ. – 2009. – № 10. – С. 64-67.
10. Червонная, С. М. Живопись автономных республик РСФСР (1917–1977) / С. М. Червонная. – М.: Искусство, 1978. – 208 с.
11. Широкова, А. В. Философское осмысление художественного творчества / А. В. Широкова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 7. – С. 97-102.
12. Wallas, G. The Art of Thought / G. Wallas. – N. Y., 1926. – P. 15-20.

Нурғалиева М. Б.
РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ НАСЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ ЗА 2012–2017 ГОДЫ)

Нурғалиева М. Б.
M. B. Nurgalieva

**РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ
НАСЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ ЗА 2012–2017 ГОДЫ)**

**THE ROLE OF MODERN MUZEUMS IN THE MECHANISM FORMATION FOR TRADITION
INHERITANCE OF ETHNIC AND CULTURAL DIVERSITY (BASED ON THE MATERIALS
OF RUSSIAN MUSEUMS IN 2012-2017)**

Нурғалиева Марина Борисовна – директор Музейно-выставочного центра г. Находки, аспирантка Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); тел.: +7 (914) 716-57-78. E-mail: marin-nakhodka@mail.ru.

Ms. Marina B. Nurgalieva – Director of the Museum and exhibition center of Nakhodka, a postgraduate student, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); tel.: +7 (914) 716-57-78. E-mail: marin-nakhodka@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о деятельности современных музеев по разработке механизмов наследования традиций этнокультурного многообразия и о повышении роли музеев в трансляции этнического наследия, используются при этом новые механизмы и технологии. Автор статьи изучает основные тенденции по использованию новых форм деятельности музея за 2012–2017 годы в трансляции этнокультурного наследия, описанные исследователями в области музейного дела. В статье приводятся примеры наиболее успешных практик российских музеев за последние 5 лет, обозначаются наиболее перспективные направления работы музея в данном направлении.

Summary. The article considers the issue of the activities of modern museums in creating mechanisms for the inheritance of traditions of ethnocultural diversity and enhancing the role of museums in translating ethnic heritage using new mechanisms and technologies. The author of the article studies the main trends in 2012–2017 concerning the use of new museum forms in the translation of the ethnocultural heritage, described by researchers in the field of museum business. The article provides examples of the most successful practices of Russian museums over the past 5 years, and identifies the most promising areas of work of the museum in this direction.

Ключевые слова: механизмы наследования, музей, музейное дело, этнокультурное многообразие.

Key words: ethno-cultural heritage, Museum practices, broadcasting mechanisms, ethnic expositions.

УДК 069

Усиление миграционных процессов в России привело к расширению этнокультурного многообразия, которое, в свою очередь, может стать одним из факторов дестабилизации современного общества. Новая «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», принятая указом Президента РФ в 2012 году, сегодня играет важную роль в формировании этнокультурной политики в России» [1, 32]. В этом документе прописана роль музея как важнейшего института, выполняющего функции сохранения и интерпретации этнокультурного наследия.

Большинство исследователей отмечает, что наступивший XXI век характеризуется качественно новым этапом в этнокультурном развитии макросоциальной среды. «Обострение межэтнических отношений способно привести к возникновению этнических конфликтов. В данных условиях особое значение приобретает деятельность музеев, способных оказать реальную помощь по преодолению этнокультурных барьеров» [2, 128].

Способность музея сохранять чувство идентичности приходящих в него людей осуществляется благодаря его исторически сложившимся социокультурным функциям, таким как трансля-

ция культуры народа или определённой местности. Музейное сообщество осмысливает проблемы, вызванные процессами глобализации, ищет пути их решения в музейной сфере.

Одной из важнейших функций этнокультурного наследия, большая часть которого сосредоточена в музеях, является поддержка в информационном обществе культурного многообразия, а потому оно представляет и создаёт оптимальные условия для культурной самоидентификации. «Значительная доля музейных коллекций и экспозиций, имеющих отношение к этнокультурному наследию, сформирована весьма давно, и они отражают уже не вчерашний, а позавчерашний день. Важно не только сохранить в первоизданном виде, но и активно включить музейные коллекции в канву современной жизни» [6, 17].

Механизмы презентации этнической культуры наделяют музеи особым статусом в деле сохранения и трансляции накопленного человеческого этнического опыта. В качестве таких механизмов в данной работе мы рассматриваем музейную деятельность, различные формы экспозиционной и просветительской работы музея.

Объект исследования статьи – этнокультурное многообразие, отражённое в музеях России. Предмет исследования – механизмы наследования традиций этнокультурного многообразия в современном музее РФ. Цели исследования данной работы: рассмотреть деятельность современных музеев по разработке механизмов наследования традиций этнокультурного многообразия в трансляции этнического наследия за 2012–2017 годы, выявить наиболее успешные практики российских музеев за последние 5 лет.

Обратимся к понятию «современный музей». В этом нам помогут теоретические принципы, заложенные «Новой музеологией». Это направление мировой музеологии, возникшее в 1980-х гг. и рассматривающее музеи прежде всего как форму, нацеленную на решение актуальных проблем местного сообщества, способствует его интеграции в окружающую среду. «Формы и методы создания музеев, заданные “Новой музеологией”, направлены на музеефикацию и актуализацию культурного материального, движимого и недвижимого, и нематериального наследия, а также природного, при непосредственном участии общества или общественных инициатив в деятельности музея» [7, 320].

Исследователи М. С. Каган, З. А. Бонами, Т. П. Калугина определили основную функцию современного музея – хранение и передача внегенетического опыта или «механизм культурного наследования», тем самым поставив музей в один ряд с архивами, библиотеками, системой образования и искусством [5, 75].

Проблемы представления традиционной культуры разных народов в современном музее в своих работах рассматривает фольклорист, этнограф О. Р. Николаев. Он считает, что традиционная культура в советскую эпоху была вытеснена псевдонародной культурой и нуждается в реабилитации. Французский музеолог Жермен Вьят предостерегает: «Давайте избегать упрощений, которые бывают весьма заманчивы в отношении другого. Кроме того, если музей как педагогический инструмент участвует в образовании детей, он не должен становиться упрощённым и наивным» [3, 27].

С представлением традиционной культуры в российских музеях особых проблем, казалось бы, нет. Вместе с тем инерция стандартных подходов к репрезентации традиционной культуры настолько сильна, что в этой сфере редко появляются инновационные идеи.

Рассмотрим экспозиционно-выставочную деятельность музея, которая презентует хранящиеся в фондах музейные предметы, возвращая их в нашу повседневность, но уже в преобразённом виде. Этнографические экспозиции сосредоточены исключительно на объектах материальной культуры с обязательной доминантой на представлении сельскохозяйственных занятий. Можно привести несколько новых подходов в построении музейных экспозиций, связанных с этническими традициями:

- В проекте «Путешествие в страну людиков» (2012) пространство на выставке было организовано вокруг «оси мира». Для традиционного человека место, где он живёт, всегда должно быть уподоблено «центру мира». «Осью мира» стал «стожар» – конструкция из жердей и кольев,

вокруг которой строится стог. А сам построенный стог имеет форму яйца (универсальный космогонический символ) [1].

- Проект новой экспозиции Музея хлеба (Санкт-Петербург, 2016) был посвящён хлебу в традиционной культуре. В этом проекте использованы три ритуально-мифологических сценария: человек в «биографии» хлеба, хлеб в биографии человека, обрядовый хлеб внутри годового круга. В результате в центре зала была помещена печь (тоже как образ «оси мира»), которая символизирует очаг и огонь, основной способ преобразования зерна в хлеб и кашу, природы в культуру [2].

- Экспозиция «Как кузнец Ильмаринен свататься ездил» Карельского музея, основанная на противостоянии мужского и женского начал в традиционной культуре на модели путешествия, только мифологического. Фестиваль сена, ядром которого стало состязание в традиционных видах сенокосных работ: косьба, работа граблями, стогометание, а периферией – мастер-классы по народным ремёслам, карельская кухня, этническая музыка [3].

- Проект «Натуральное хозяйство» (Национальный музей Республики Карелия, 2012) был направлен на переосмысление и популяризацию ценностей традиционного образа жизни в контексте современных трендов экологичности. Этнокультурное наследие при этом обнаруживается в настоящем – в продолжающих существовать традициях кулинарии, огородничества, охоты, рыболовства и т. д. В ходе проекта был объявлен народный фотоконкурс «В натуре!», посвящённый современному натуральному хозяйству; сняты образовательные видеоролики о технологиях смолокурения, валяния валенок, изготовления охотничьих лыж и др. [4].

В исследовании О. М. Рындиной о музее и современной этнической культуре выделяется несколько форм культуры этноса, с помощью которых идёт процесс наследования в музеях: фольклор, декоративно-прикладное творчество, ритуал, праздник [10, 28]. Остановимся на этих формах и существующих музейных практиках подробнее.

1. Фольклор стал одной из форм выражения духовной культуры этноса. В качестве примера можно привести двух номинантов конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», проводимого Благотворительным фондом В. Потанина. В проекте «Ярмарка ремёсел в средневековой крепости», представленном Государственным историко-архитектурным природно-ландшафтным музеем-заповедником «Изборск» (Псковская область), «музей берёт на себя инициативу организации ярмарки как имиджевого и торгового события, привлекательного для туристов и турфирм» [4, 622]. Проект Архитектурно-этнографический музея Вологодской области «Семеново» под названием «Право на судьбу» является победителем конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» (2014). Это проект о людях и судьбах крестьян, живших в Вологодской деревне рубежа XIX–XX веков. Цель проекта – уйти от наиболее распространённого в музеях способа показа жизни крестьян и построить интерьерную экспозицию-избу. Авторы проекта пытались показать жизни и судьбы крестьян, по-новому раскрыть повседневную жизнь северной деревни. Для этого был создан «Антропологический спектакль», разработана интерактивная этнографическая программа «Право на судьбу». Для посетителей была открыта «Школа музейной интерпретации» и подготовлены специалисты, понимающие традицию и умеющие работать с посетителем [5].

2. Сбор коллекций по современному декоративно-прикладному искусству входит в число приоритетов фондовой работы музея. По этой причине музеи лучше всего отражают и этот срез современной этнической культуры. Национальный костюм фокусирует в себе возможности практически всех традиционных ремёсел. В последние годы в музеях России были реализованы проекты по изучению национального костюма:

- Проект «Изобретая моду» (2014) Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства – это проект, который был направлен на сотрудничество музеев, дизайнеров, регионального текстильного бизнеса, фешен-индустрии и государственных структур. Особенностью и новизной проекта является выявление роли науки и технических инноваций в эволюции костюма [6].

- Проект Музейно-выставочного центра г. Находки «Этностиль Приморья» в партнёрстве с татаро-башкирской общественной организацией «Туган тел». В коллекциях современных костюмов отразились мотивы разных национальностей, представленных в Приморье. К проекту про-

явили интерес как опытные мастера, так и молодые дизайнеры, изучающие музейные экспонаты, семейные национальные реликвии и подготовившие коллекции современной одежды, сувениры, украшения с национальными мотивами. Фестиваль нарядов в этническом стиле стал лишь частью более обширного замысла об укреплении межнационального сотрудничества и разработке таких его форм, которые были бы интересны молодёжи [7].

- Особого внимания заслуживает музейный проект 2011-2012 гг. «На самом деле рыба – белая и пушистая» Музея изобразительных искусств (г. Комсомольск-на-Амуре). Участники овладевали навыками обработки рыбьей кожи, изготавливали элементы одежды, погружались в атмосферу быта коренного населения Амура [8].

3. Специфика этнической культуры концентрировалась в ритуале: обряд вбирал в себя слово, действие, песню, музыку, танец, вещный мир в виде культовой атрибутики. Музейный праздник становится преемником ритуала. Кроме того, музейный праздник, вовлекая посетителя в действие, превращает зрителя в участника и тем самым усиливает восприятие, подключая к нему мощный канал эмоциональных впечатлений, образность. В 2012–2017 годах в музеях по-прежнему были популярны фольклорные праздники славянского календарного цикла «Масленица», «Иван Купала». Музеефикация нематериального наследия в музее реконструирует элементы празднично-обрядовой сферы, ритуалы, фольклорные традиции. При этом музеи становятся центрами, использующими усилия национально-культурных объединений, центров фольклора и прикладного творчества.

Особое значение приобретают музеи под открытым небом, на базе которых сохраняются объекты наследия. Музеи подобного типа способствуют формированию исторической памяти, являются необходимым звеном в межпоколенческой передаче наследия. К такому типу музеев, как скансен, относятся Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», этнографический комплекс «Кезек» музея-заповедника «Томская Писаница». Примером такого типа музеев в Западной Сибири могут считаться Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», Архитектурно-этнографический музей деревянного зодчества «Ангарская деревня» и другие [9, 233].

Таким образом, перед музеями встаёт задача изыскания новых средств и методов работы по трансляции наследия этнокультурного многообразия. Необходимы инновационные подходы. Получило своё развитие и направление, связанное с соединением сегмента развлечений с обучением и культурной средой музея. Перед многими музеями стоит вопрос дальнейшего существования, поэтому продолжают оставаться острыми проблемы посещения музеев и организации форм работы. Произошёл переход от экономики внимания к экономике участия. Всё, что делает музей, должно привлекать и вовлекать. От эпохи потока информации переходим к эпохе вдохновения. Наблюдается использование цифровых медиа в создании музейных технологий, например, разработка виртуальных реконструкций объектов этнокультурного наследия, основанных на методах 3D-моделирования.

За пятилетний период существования новой национальной политики РФ обзор деятельности музеев подчёркивает необходимость сохранения культурного наследия, традиций через инновационные технологии их развития в новых социокультурных условиях, что определяется миссией музеев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотина, И. И. Анализ Стратегии государственной национальной политики России до 2025 года // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 32-36.
2. Вакулич, Н. Р. Роль музеев в процессе формирования этнической культуры [Электронный ресурс] / Н. Р. Вакулич. – Режим доступа: http://tourlib.net/statti_tourism/vakulich.htm (дата обращения: 20.12.2018).
3. Вят Жермен. Форум: этнографические музеи сегодня / Вят Жермен // Антропологический форум. – 2007. – № 6. – С. 6-40.
4. Денисова, И. В. Зрелищные формы в музее как тенденция современности / И. В. Денисова, Л. С. Именнова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 24. – С. 622-626.

Нургалиева М. Б.

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ НАСЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ ЗА 2012–2017 ГОДЫ)

5. Коваль, С. В. Теоретические особенности взаимодействия местного и национального в музее как подсистеме культуры / С. В. Коваль // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 5(59). – С. 75-77.
6. Кривошеин, А. Н. Роль и место музеев и музейной науки в этнокультурном развитии народов России / А. Н. Кривошеин // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2012. – № 3. – С. 16-19.
7. Курьянова, Т. С. Музеи Сибири как центры воспроизводства этнокультурных смыслов и практик / Т. С. Курьянова // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье: мат-лы XI Конгресса антропологов и этнологов России, Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 316 с.
8. Николаев, О. Р. Традиционный миф в плену у музейного мифа: как музейщикам перестать рассказывать детям «сказки»? / О. Р. Николаев // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. Вып. 2. – М., 2015. – 236 с.
9. Пронина, С. А. Подходы к классификации этнографических музеев под открытым небом Сибири / С. А. Пронина // Вестник КемГУКИ. – 2018. – № 45. – С. 230-236.
10. Рындина, О. М. Музей и современная этническая культура / О. М. Рындина // Вопросы музеологии. – 2010. – № 2. – С. 28-33.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Путешествие в страну людиков» – опыт лучшего реализованного проекта. Сайт Благотворительного фонда Владимира Потанина (2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museum.fondpotanin.ru/novosti/competition/2012-01-27/648603> (дата обращения: 18.12.2018).
2. Форма. Петербургская биеннале музейного дизайна: 30.09 – 30.10.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spbmuseumdesign.ru/biennale-2016/programme/new-museum-exhibitions/> (дата обращения: 19.12.2018).
3. Выставка «Как кузнец Илмалиннэ свататься ездил». Сайт музея Кондопожского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kondmus.karelia.ru/posetiteljam-i-turisticheskim-kompanijam/proekty/puteshestvie-v-stranu-ljudikov/vystavka-kak-kuznec-ilmalinne-svatat-sja-ezdil/> (дата обращения: 18.12.2018).
4. Экспозиция «Натуральное хозяйство». Сайт Национального музея Республики Карелия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nmrk.karelia.ru/site/section/781> (дата обращения: 20.12.2018).
5. Дневник проекта «Право на судьбу». Сайт Архитектурно-этнографического музея Вологодской области «Семеново» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.semenkovo.ru/ru/projects/pravo-na-sudbu> (дата обращения: 21.12.2018).
6. Изобретая моду: биеннале инновационного текстиля. Сайт Благотворительного фонда Владимира Потанина (2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumguide.ru/textilebiennale> (дата обращения: 20.12.2018).
7. Проект «Этностиль Приморья» завершится выставкой в музее Находки // ПримаМедиа, 28 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/741236/?from=37> (дата обращения: 18.12.2018).
8. Проект «На самом деле – рыба белая и пушистая» приглашает. МУК Комсомольска-на-Амуре «Музей изобразительных искусств» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kmsmuseum.ru/node/11075> (дата обращения: 22.12.2018).

Ли Мэнде
Mengdie Li

РАЗНООБРАЗИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТИБЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКОВ

THE DIVERSITY OF ELEMENTS OF TIBETAN NATIONAL CULTURE IN THE WORKS OF DIFFERENT ARTISTS

Ли Мэнде – аспирантка Школы искусств и гуманитарных наук (Департамент искусства и дизайна) Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: 663038125@qq.com.

Mengdie Li – Post-graduate student, School of Arts and Humanities (Department of Art and Design), Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok). E-mail: 663038125@qq.com.

Аннотация. Статья посвящена тибетской культуре и её элементам в современной масляной живописи. Посредством анализа картин трёх художников – Пана Шиксуна, Ханя Юйчэня, Чжана Ли, написанных маслом, эта статья помогает разобраться в вопросе присутствия элементов традиционной тибетской культуры в живописи. Она также обосновывает причину интереса художников к культуре Тибета. Таинственная и загадочная тибетская культура особенно привлекательна для живописцев. Изучение культурного воплощения в тибетских этнических картинах не только подчёркивает уникальность национальной культуры региона, но и способствует развитию локальной живописи. Примеры картин художников Пана Шиксуна, Ханя Юйчэня, Чжана Ли, представленные в статье, обеспечивают сохранение культурного наследия жителей Тибета.

Summary. The article is devoted to Tibetan culture in modern oil painting. By analyzing the oil paintings of three artists – Pan Shiksun, Han Yuchen, and Zhang Li, this article helps to clarify the presence of elements of traditional Tibetan culture in painting. It also justifies the reason for the interest of artists to the culture of Tibet. Mysterious Tibetan culture has a special attraction for artists. Studying the cultural embodiment of Tibetan ethnic paintings can not only emphasize the uniqueness of the national culture of the region, but also contribute to the development of local painting. Artistic examples of three artists Pan Shiksun, Han Yuchen, Zhang Li, presented in the article, ensure the preservation of the cultural heritage of the Tibetan residents.

Ключевые слова: национальная культура, праздники Тибета, художники Пан Шиксун, Хань Юйчэнь, Чжан Ли, костюм.

Key words: national culture, Tibetan festivals, artists Pan Shiksun, Han Yuchen, Zhang Li, suit.

УДК 394

Культура не имеет границ и обладает бесконечным очарованием. Искусство и культура неразделимы, они развиваются параллельно и оказывают друг на друга взаимное влияние. Культура Тибета всегда была в центре внимания многих учёных. Например, первый русский путешественник-учёный Гомбожаб Цэбекович Цыбиков прославился как первый известный фотограф Лхасы и Центрального Тибета и как автор описания путешествия в Тибет (1899–1902) [7]. Эдмунд Кэндлер, британский военный корреспондент, который был в Лхасе в 1904 году, стал автором книги *The Unveiling of Lhasa* [8]. Тибет также упоминается в китайском классическом романе «Путешествие на Запад» (西游记) (XVI век) [6]. Хотя в книге не упоминается географическое название, фраза «западное небо», используемая там, ссылается на Тибет, более того, в сюжете также можно найти некоторые детали, указывающие на это.

Проанализировав эти данные, мы можем смело сказать, что Тибет очень популярен. Этот регион всегда обладал особым очарованием, привлекающим к себе многих исследователей и деятелей культуры. Все они хотят знать больше о Тибете и его культуре. Их цель – через творчество показать образ настоящей тибетской культуры. В прошлом люди извне могли познакомиться с ти-

бетской культурой лишь через книги, немногочисленные картины и фотографии. Однако сейчас, в XXI веке, с развитием технологий и новым витком развития искусства картина маслом стала новым способом культурного общения, взяв на себя задачу защиты и распространения китайской и тибетской национальной культуры.

Тибетская тема в живописи Китая является результатом многовекового слияния культур двух национальностей. Создание в 1949 году Китайской Национальной Республики означало, что Китай в целом вступил в новую эру своего развития. Тибет официально стал частью территории Китая, но в то же время он сильно отличался от Китая с точки зрения культуры. Поэтому Тибету пришлось претерпеть некоторые изменения. В первую очередь были свергнуты феодальная и феодальная крепостная системы. Это стало одним из самых важных новшеств. Затем китайское правительство изменило единую систему политики и религии Тибета. Создание социалистического строя привело тибетский народ к стремительному индустриальному развитию [2, 786]. В период с ноября 1950 г. по сентябрь 1957 г. были созданы автономные префектуры, а именно: Хуаннань-Тибетский, Хайбэй-Тибетский, Хайнань-Тибетский, Юйшу-Тибетский, Голог-Тибетский, Хайси-Монгольско-Тибетский, Ганьнань-Тибетский, Гардзе-Тибетский, Нгава-Тибетско-Цянский, Дечен-Тибетский автономные округа [5, 253-262].

Тибетское культурное различие также обуславливается его сложным историческим фоном. Здесь в качестве примера приведём традиционные этнические празднования, которые являются важной частью национальной исторической культуры. Праздники являются сутью традиционной культуры каждого народа. Как культурный символ традиционные праздники конденсируют национальный дух и национальные чувства этноса. Исследователь Тибета Руссо Кайчжу писал: «Культура праздников характеризуется культурными мероприятиями, продуктами культуры и культурной атмосферой определённого народа. Она глубоко укоренена в национальной психологии, моральной этике, духовном характере, ценностной ориентации и эстетическом вкусе. В социальном и культурном феноменах время и пространство выделяются на определённом историческом отрезке и в конкретных регионах, где главной темой является содержание деятельности народа. Это неотъемлемая часть человеческой культуры, важная отрасль социальной культуры, окно для наблюдения за национальной культурой в исследовательской области, ключ к истинной культуре» [3, 51].

Традиционные тибетские праздники включают в себя первый день тибетского Нового года, последний день тибетского Нового года, или 15-й ритуальный фестиваль подношения масляных скульптур, фестиваль «Дарпоче» на горе Кайлас, фестиваль «Сага Дава» в полнолуние, День воскурения благовоний, День учения о четырёх благородных истинах, фестиваль «Шотон» (праздник йогурта), Благоприятный день Лха Баб Дучен (Lha 'bab dus chen) – время схождения Будды Шакьямуни из мира богов, фестиваль «Палден Лхамо», День памяти Джамчена Чодже Шакья, День основания монастыря Сера, Нгамчо, или годовщина вступления в нирвану Ламы Цонкапы, фестиваль Sera Phurjel (древнее благословение священной палкой) [4].

Существуют четыре основных причины многих традиционных тибетских празднований: во-первых, факторы природных условий. В Тибете расположена высочайшая вершина мира – гора Эверест, более того, зимы в Тибете очень снежные. Суровые природные условия, однако, никогда не пугали тибетцев, а, наоборот, позволяли им выражать свою любовь к жизни через определённые формы празднований. Во-вторых, это демографический фактор. Из-за суровых природных условий численность населения росла медленно. Поэтому люди стремились больше общаться с представителями других этносов. На праздниках и фестивалях люди собирались вместе и ярче выражали свои чувства, наслаждаясь радостной атмосферой. Третий фактор организации праздников – особенности производства и образа жизни в Тибете. Фестивали в пасторальных районах, очевидно, связаны с животноводством, такие как фестивали скачек, сенокоса и т. п. Фестивали в сельскохозяйственных районах характеризуются сельскохозяйственным колоритом. Возьмём, к примеру, фестиваль фруктов. Подобные праздники несут в себе смысл празднования успеха тяжёлого сельского труда и сбора урожая. И, наконец, четвёртый фактор – религиозный, в основном заключающийся в необходимости поддержания и сохранения традиционного тибетского буддизма.

Конечно, наибольшее внимание в Тибете уделяют фестивалю снега и тибетскому календарному году. В «Списке решений проблем нематериального культурного наследия мирового уровня, относящегося к тибетскому языку» упоминается тибетский праздник «Сюе Дунь» как первая часть национального нематериального культурного наследия (каталог 479, номер х-31 – архив нематериального культурного наследия). Тибетский автономный округ объявил народное наследие, утверждённое Государственным советом (КНР) [1, 54], – тибетский календарный год был признан третьей партией нематериального культурного наследия. Тибетский Новый год является самым традиционным праздником тибетского народа в году, и его статус эквивалентен традиционному китайскому Новому году [1, 56]. Мы можем наблюдать, что, несмотря на большое количество разнообразных праздников, степень внимания со стороны государства к ним различна.

Нельзя говорить о культуре Тибета, не упомянув тибетские традиционные костюмы. Культура декоративно-прикладного творчества Тибета имеет длительную историю, а также свой особый, неповторимый шарм. Тибетские традиционные одежды часто становятся центральным предметом живописи. Так, частой темой картин становится традиционный костюм Юйшу, кисть художника передаёт особенности этого одеяния. Костюм Юйшу уникален по своему стилю, более всего он распространён во внутренних районах Цинхай-Тибетского нагорья, он красочен и обладает изысканной отделкой, отражает сокровенные чувства тибетцев, их любовь к семье. Рассматривая это одеяние, можно заключить, что тибетцы – жители Юйшу – увлечены ювелирными украшениями, особое внимание уделяют головному убору, украшениям для головы. Их традиционный костюм отличается ношением большого количества традиционных драгоценностей и украшений. Этот костюм имеет сильные региональные этнические особенности. Поэтому Юйшу имеет репутацию «главного города одежды» в тибетских районах.

Тибетские халаты – основной стиль тибетских костюмов Юйшу, которые подразделяются на зимнюю одежду, летнюю одежду, рабочую одежду и платья. Обычная одежда состоит из простой ткани и эмалевых бус, сшита из тонких материалов, таких как шерсть, сатин и парча. Существуют более десяти видов тибетских халатов с различными этническими характеристиками и материалами, таких как жаккардовый атлас, кожаные халаты, разноцветные красочные халаты, халаты с драгоценной мозаикой животных и т. п. Каждый стиль имеет множество деталей, которые отличают его от другого, будь то разница в текстуре, цвете, узоре и, разумеется, в декоре. Сапоги, пояса, головные уборы и причёски тибетцев – жителей Юйшу – в основном сочетаются с одеждой.

Тибетская тема в живописи является одним из лейтмотивов современной китайской живописи, и есть художники, которые пишут картины исключительно на эту тему, например: Пан Шиксун, Хань Юйчень и Чжан Ли. В своём творчестве они изобразили разные костюмы жителей Тибета, региональные особенности праздников и одеяний жителей Юйшу, Ганьнана и др. Существование подобных художников и работ доказывает, что тибетцы и их традиционная культура являются ключевыми объектами защиты культурного наследия, так как декоративно-прикладное искусство Тибета внесло ощутимый вклад в культурное наследие региона.

Художник Пан Шиксун является автором серии работ «Костюм Юйшу» (см. рис. 1). Это работы, которые включают в себя портреты персонажей тибетской мифологии, пейзажи. Художник использует строгие мазки и простые цвета экстерьера, чтобы выразить свои чувства и отношение к тибетской культуре. Навыки письма Пана Шиксуна в основном отражены в набросках: он не только обладает острой наблюдательной силой, но и способностью точно улавливать мгновенные движения и манеру поведения персонажа. Он обращает внимание на стремление к гармонии и богатству цвета в его спокойствии. Он полагается на твёрдый реализм, но не ищет классической элегантности, пытаясь через импровизацию выразить природную живость предмета. В его работах присутствуют очарование и простой, свежий характер.

Ещё один известный художник – Чжань Ли написал другие типы тибетского национального костюма – ганьнаньские тибетские костюмы (см. рис. 2). Художник использовал кисть, чтобы показать уникальный темперамент тибетских женщин Ганьнана. И благодаря гармоничному сочетанию цвета и фона, можно видеть, что женщина Ганьнана относительно спокойна, но в ней скрыта внутренняя сила и экспрессия по сравнению с женщиной Юйшу. Если говорить о характеристике

ганьнанских тибетских костюмов, то большее внимание уделено украшению шеи. На головном уборе множество мелких деталей, много маленьких бляшек, которые образуют один или два больших диска, сделанных из красной ткани, украшенной серебряными раковинами моллюсков, серебряными монетами, кораллами и т. д., пояс костюма изготовлен из шёлка различных цветов.

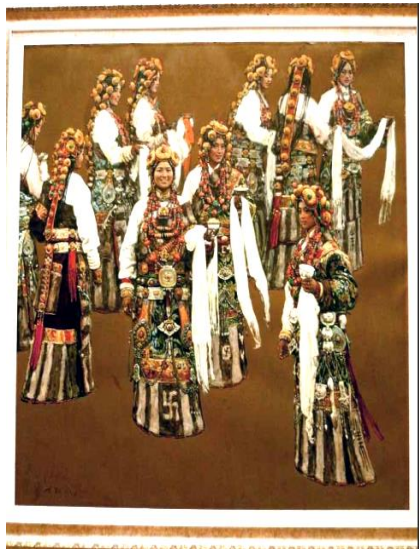

Рис. 1. Костюм Юйшу
(玉树盛装) 150×150 см,
1995 год

Рис. 2. Тибетская женщина
на празднике (фестивале) «Ганьнань»
(节日中的甘南藏女)
115×100 см, 2004 год

Рис. 3. Цветы Гезана
(格桑花) 150×100 см,
2015 год (холст, масло)

Последний художник, чьё творчество затронуто в этой статье, Хань Юйчень. Его работа «Цветы Гезана» (см. рис. 3) участвовала во многих масштабных выставках по всему миру. Тибетские девушки на его картинах молоды и живы. Художник очень грамотно использует цвет, а фон снежных гор подчеркивает красоту региона и ещё сильнее отражает культуру Тибета. Цвета костюмов натуральные, природные. В центре Лхасы фермеры обычно носят белые правосторонние мантии с круглым воротом. Шейные аксессуары, манжеты и мантии украшены красными, жёлтыми и синими кружевами с поперечными узорами. Халаты немного длиннее роста человека. При ношении мантии укорачиваются верёвкой. Халаты подпоясаны на уровне талии, они по длине чуть ниже колен, есть карман на талии для повседневных предметов.

Культурное многообразие тибетских традиций – довольно интересная и глубокая тема. Наиболее концентрированным выражением тибетской культуры является культура костюма. Тибетская культура обладает безграничной силой. Сам Тибет эксклюзивен и охватывает общее существование и развитие различных культур, образуя важные особенности, которые отличают тибетскую этническую группу от других этнических групп. Тибетская культура – это результат великой мудрости тибетского народа. Современные художники стали источником передачи тибетской культуры миру, представили зрителю выдающуюся тибетскую культуру. Китайская культура начала своё развитие за пределами страны, открыв тибетскую традицию для иностранцев.

Динамизм искусства исходит от инноваций, а инновации требуют усилий от каждого китайского живописца, могущего показать китайский национальный дух и душу.

Мы надеемся, что наступит день, когда картины китайских живописцев получат всемирное признание. Благодаря творчеству китайских мастеров кисти, написавших портреты представителей Тибета в культурном многообразии их личностных черт, традиционных костюмов, наследие Тибета стало ближе мировому сообществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цзюньцзе Список тибетских проблем мирового и национального нематериального культурного наследия / Ван Цзюньцзе, Лин Дуо Янмей // Тибетские исследования Китая. – 2012. – № 1. – С. 27-56.
2. Дэн Чжу Ан Бенюань-Пекин Истории развития тибетской культуры. Нижняя часть / Дэн Чжу Ан Бенюань-Пекин. – Центральный университет по делам национальностей. – 2013. – 1077 с.
3. Луосанг Кайжу Исследование культуры тибетского фестиваля // Философия и общественные науки: журнал Северо-Западного университета по делам национальностей. – 2006. – № 4. – С. 51.
4. Огнева, Е. Д. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. Тибетцы / Е. Д. Огнева. – М.: Наука, 1989. – 360 с.
5. Пу Вэньчэн История этнических отношений между ханом и тибетцами / Пу Вэньчэн, Ван Синьюэ. – Ланьчжоу: Народный издательский дом Ганьсу, 2005. – 305 с.
6. Чэньэнь, У. Путешествие на Запад / У. Чэньэнь. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1995. – 895 с.
7. Цыбиков, Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, ведённым в 1899–1902 гг. / Г. Ц. Цыбиков; под ред. А. В. Григорьева, С. О. Ольденбурга, О. И. Щербатского, К. И. Григорьевой. – Владивосток: Изд-во ДФУ, 2018. – 488 с.
8. Эдлер, Э. Открытие Лхасы / Э. Эдлер. – Тибет: Тибетский народный издательский дом, 1989. – 220 с.

Ким Сонхун
Songhun Kim

**ИЗОБРАЖЕНИЕ БОГОМАТЕРИ В РЕЛИГИОЗНОЙ КОРЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТА ПОКЛОНЕНИЯ МАТЕРИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

**MOTHER OF GOD IMAGE IN RELIGIOUS KOREAN PAINTING IN THE CONTEXT
OF MOTHER WORSHIP DEVELOPMENT IN EAST ASIA**

Ким Сонхун – аспирант Школы искусств и гуманитарных наук (Департамент искусства и дизайна) Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: wailz7519@gmail.com.

Mr. Songhun Kim – a post-graduate of School of Arts and Humanities (Department of Art and Design), Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok). E-mail: wailz7519@gmail.com.

Аннотация. Формирование культа поклонения Богоматери в Восточной Азии связано во многом с наличием истока этого поклонения в традиции почитания матери, которая была заложена в древней традиции Буддизма и других религиозных верованиях в этом регионе. Этот исток сегодня не изучен. В статье показана преемственность изображений Богоматери в творчестве профессиональных художников Кореи Кима Ынхо, Пэ Унсана, Кима Гичхана и Кима Хаксуса с образами Кишибозины (богиня призрака матери), матери Кишико (призрак матери с ребёнком), богини Канноны (богиня милосердия в Японии) и богини Гуаньини (подательница детей, родовспомогательница). Эта преемственность отражает адаптацию нового образа Богоматери к привычной традиционной корейской культуре через региональное восприятие художественной пластики.

Summary. The formation of Mother of God worship in East Asia is largely due to the presence of the worship source in the tradition of worshipping the Mother, which was laid down in the ancient tradition of Buddhism and other religious beliefs in the region. This source today is completely unexplored. The article shows the continuity of images of Mother of God in the works of such professional Korean artists as Kim Ynho, Pae Unsan, Kim Gichan and Kim Haksu, who presented images of Kishibozin (the goddess of the mother's ghost), mother Kishiko (the ghost of the mother with the child), the goddess Kannon (the goddess of mercy in Japan) and the goddess Guanyin (the giver of the children, the birth attendant). This continuity reflects the adaptation of the new image of Mother of God to the traditional Korean culture through the regional perception of artistic plastics.

Ключевые слова: религиозная корейская живопись, культ поклонения матери в Восточной Азии, адаптация образа Богоматери.

Key words: Korean religious painting, cult of Mother worship in East Asia, adaptation of the image of the Holly Mary.

УДК 304.44, 7.036, 2-664.5

Введение

Общественная актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения трансформации визуальных образов Девы Марии в восточноазиатской культуре и степени влияния на сознание современного общества. В настоящее время христианство в католическом варианте является важнейшей характеристикой, определяющей духовную жизнь населения Восточной Азии. Культ почитания Девы Марии, сложившийся на основе местных религиозных верований, нашёл отражение в восточноазиатском изобразительном искусстве.

Образ Девы Марии является самым почитаемым в христианском искусстве. В конституции Второго Ватиканского собора католической церкви о почитании и отмечании праздников, посвящённых Пресвятой Деве Марии, записано следующее (см. прим. 1): «Традиция почитания Марии имеет под собой прочные основания в виде полученных откровений и несёт в себе твёрдые правила вероучения. Пресвятая Дева Мария после рождения Сына Божьего стала самой любимой дочерью Святого Отца, а также имеет высшее предназначение и достоинство в качестве храма Святого

Духа» [13]. С момента появления самых ранних церквей почитание культа Девы Марии имеет главное выражение в виде служения и верности, а её образ занимает одно из центральных мест христианской живописи. Религиозное изобразительное искусство помимо основных характерных черт, устанавливаемых церковью, может приобретать индивидуальные особенности, характерные определённому региону, в котором это искусство закрепилось. Поэтому иконы Богоматери в корейской религиозной живописи отошли от западной практики изображения и стали своеобразным компромиссом, впитавшим корейские традиции. Первые миссионеры, отправленные в Восточную Азию, вместо Иисуса Христа на кресте в первую очередь внедрили иконы «Мадонны с младенцем 聖母» [3] (см. прим. 2) и использовали их в качестве классического католического образа. В то время Общество Иисуса, отвечавшее за миссионерскую деятельность в Японии и Китае, придерживалось идеи использования различных изображений для закрепления миссионерской деятельности под видом политики «приспособления». Кроме того, Тридентский собор, подтвердивший позицию католичества по поводу движения Реформации, настоятельно рекомендовал использование икон.

Объектами исследования выступают фоторепродукции религиозной живописи Кореи, Японии и Китая, систематизированные из научных исследований, а также собранные автором изображения Девы Марии из храмов Пусана, Сеула и Асана.

Предметом исследования является изображение Богоматери в религиозной корейской живописи в контексте развития культа поклонения матери в Восточной Азии.

Хронологические рамки исследования охватывают период с XVI века по 60-е гг. XX века. Нижняя граница обусловлена появлением в XVI веке первых изображений Богоматери в Восточной Азии. На данном этапе происходил процесс приспособления христианства к местным традициям, поиск общих точек соприкосновения. Образ Девы Марии оказался более понятным и востребованным населением восточноазиатского региона. Однако основное внимание уделено периоду конца XVIII века – 60-х гг. XX века, когда стали появляться корейские христианские церкви.

Данный отрезок времени следует разделить на периоды:

- конец правления династии Чосон (1784), когда в Корею стали зарождаться христианские церкви;

- период открытия страны для торговли с зарубежными странами (1876);

- период Корейской Империи (1897–1910);

- период японской аннексии (1911–1945);

- период освобождения (1945–1965).

Выбор в качестве верхней границы 60-х гг. XX века связан с временем проведения Второго Ватиканского собора (1965), с изменением техники исполнения икон, которые недостаточно соответствовали традициям религиозной живописи Кореи [7].

Территориальные рамки исследования охватывают восточноазиатский регион: Корею, Китай и Японию. Выбор данных территориальных рамок связан со схожестью процесса распространения христианства сквозь призму визуализации образа Девы Марии.

Целью данной работы является исследование преемственности изображений матери и Девы Марии в религиозной живописи в восточноазиатском сравнительном контексте.

Учитывая актуальность темы, уровень её историографической разработки и поставленную цель, выделим следующие задачи:

1. Изучить процесс формирования религиозной иконописи в Корею через закрепление изображений Матери в Восточной Азии.

2. Проследить процесс адаптации изображения матери в облике Девы Марии в корейской живописи XX столетия у таких мастеров, как Ким Ынхо, Пэ Унсан, Ким Гичхан и Ким Хаксу (до 1960-х гг.).

Методология исследования

Одним из важнейших в работе является историко-сравнительный подход – синхронный и диахронный методы. В середине XX века на смену «лингвистическому повороту» пришёл «визуальный поворот». Визуальные изображения стали восприниматься как текст. Визуальные исследо-

вания в области изучения иконографических образов являются важнейшими. В них учтены психоаналитический, социологический, герменевтический, семиотический, структуралистский, дискурсивный, культурологический, иконографический и иконологический подходы.

Психоаналитический подход позволяет проанализировать трансформацию образа Девы Марии, обусловленную социокультурной средой, в восточноазиатском регионе.

Герменевтический подход направлен на восприятие изображений с Богородицей в качестве религиозного текста. Необходимо учитывать контекст создания изображений, то есть набор мотиваций и эмоций автора. Посредством эмпатии происходит интерпретация знаков, заложенных в изображении.

Семиотический подход позволяет с помощью знаковой системы распознать смысл визуального изображения. Знаковая система, заложенная в изображении, вызывает у смотрящего (верующего) определённые коннотации, к которым прежде всего относятся божественная сущность Богоматери, защита, помощь.

Структуралистский подход направлен на расшифровку образа Девы Марии, определение его общественного и культурного значения в восточноазиатском регионе.

Дискурсивный подход способствует осмыслению изображений Богоматери в корейской, японской и китайской живописи в контексте развития культа поклонения матери как архетипического для Восточной Азии.

Культурологический подход позволяет осмыслить трансформацию образа матери в образ Богоматери через призму сохранения культурных традиционных ценностей религиозного сообщества Восточной Азии.

Огромное значение при анализе икон имеют иконография и иконология. Метод иконографии направлен на описание и систематизацию имеющихся образов Девы Марии, встречающихся в Корее, Японии и Китае. Иконология, являясь дополнением к иконографии, позволяет изучить символическое значение изображений Богородицы.

Религиозная живопись Восточной Азии с лёгкостью восприняла образ Богоматери, так как поклонение матери было традиционным, архетипическим для культуры данного региона и стало основой для преемственности религиозной традиции.

Миссионеры Общества Иисуса знали заранее о существовании в Японии и Китае таких божеств, как Кишибозин (鬼子母神 богиня призрака матери – 鬼子母像), мать Кишико (призрак матери с ребёнком) (см. прим. 3), богиня Каннон (子安觀音, богиня милосердия в Японии) [12] и богиня Гуаньинь (送子觀音, подательница детей, родовспомогательница, покровительница женской половины дома в Китае), похожих по своему образу на Деву Марию с младенцем. Они [миссионеры Общества Иисуса] использовали их в рамках миссионерской политики «приспособления» [6].

В 635 году в Китай проникло несторианство, первые императоры династии Тан (Тай-цзун и Гао-цзун) покровительствовали несторианам и позволяли им строить церкви. Несторианство проникло даже в период Единого Силла (VII–VIII вв.) [2, 131–38].

На рис. 1 представлен образ Матери, близкий как буддийской, так и несторианской христианской традиции.

Рис. 1. Статуя Матери:
размеры статуи: 7,2×3,8×2,8 см;
период Единый Силла, VII–VIII вв.;
музей Сунсил (Сеул)

Несторианский крестик обнаружен при раскопках Абрикосовского храма (VIII век) в Приморском крае близ с. Кроуновка Славянского (ныне Уссурийского) района [8]. Несторианство в древности стало самой распространённой (как по территории, так и по количеству исповедующих) формой христианства в Восточной Азии. Проникло несторианство и в Индию [10].

Вопросы культурного заимствования и внедрения священного образа Богородицы в Восточной Азии показаны через тесные и глубокие связи трёх восточноазиатских стран, которые основаны на исторических корнях и географической близости, а также имеют схожесть в плане распространения западной культуры благодаря влиянию христианства. Поскольку процесс заимствования и внедрения варьируется в зависимости от временных, социальных и культурных рамок каждой страны, в качестве примера рассматриваются Япония и Китай, в то же время основной целью рассмотрения является процесс культурного заимствования и внедрения образа Богородицы Марии в Корею.

Первые корейские церкви не смогли подготовить фундамент для развития религиозного изобразительного искусства из-за гонений, начавшихся при их появлении. Поэтому не сохранилось ни одного артефакта, подтверждающего наличие святых изображений того времени. Но, проанализировав исторические государственные записи «Сахакчини» (邪學懲義), проливающие свет на жизнь последователей веры в начальный период появления миссионеров в Корею, можно косвенным путём получить сведения о различных религиозных изображениях [13, 10-18].

Так, первые последователи христианства имели доступ к святым изображениям только в виде печатных картинок, а учитывая то, что из-за гонений они вынуждены были всё время вести скрытный образ жизни без поддержки и руководства пасторов, эти картинки стали для них подобием ценных талисманов в шаманизме, к которым они относились с большим почитанием. Подобные первоначальные культурные изменения заложили начало постепенного заимствования западной религиозной символики. В произведениях, созданных в Корею, сначала прослеживается заметное подражание традициям европейской западной иконографии, но постепенно видны попытки художников уйти от этого. Большое значение для становления самобытности корейского христианского изобразительного искусства имели работы Ким Ынхо, Пэ Унсан, Ким Гичхан и Ким Хаксу, которые показали привычный всем образ Иисуса Христа в виде образа, близкого корейцам и новейшему времени, с отображением корейских традиций и чувств. Далее, после подписания в 1866 году дружественного торгового договора с Францией период гонений в Корею закончился, начали появляться церковные сооружения наподобие католического собора Мёндон [12], а сама церковная живопись стала открытой и общедоступной в корейском обществе [14]. При этом в формировании особенностей икон с Девой Марией того периода решающую роль сыграли миссионеры Парижского общества заграничных миссий. Они принесли с собой традиции почитания Пресвятой Девы Марии в их неизменном виде и определили непорочно зачавшую Марию в качестве святого покровителя в корейских церквях.

Хорошо известно, что два основных образа, утвердившихся в Корею, – это «Богородица добра» и «Лурдская Божья Матерь», через которые людям были посланы откровения. С 1954 года, по прошествии столетия со дня издания римским Папой Пием IX догмата о непорочном зачатии Марии, в корейских церквях появилось особое направление в виде установки статуй Святой Девы Марии снаружи храмов, особенно на фасадах. Особое значение для понимания процессов изображения образа Богородицы в корейском религиозном искусстве имеет анализ творчества современных авторов. Современные авторы, большинство из которых верующие иконописцы, – Пэ Унсон, Чан Усон [4], Ким Гичхан во главе с Джангом Балем [5], в поисках выражения собственной веры в виде искусства подготовили фундамент для принятия и ассимиляции религиозных картин в Корею. Их произведения создавались в непростой переходный период, на рубеже японского колониального управления и освобождения страны. Образ Святой Девы Марии стал для жителей Кореи особым европейским символом, отвечающим требованиям их эпохи «ухода от японского стиля» и «реализации массового искусства».

Произведения современников, отражая веяния того периода, когда в корейских церквях служба была сфокусирована на проповедование верности Пресвятой Деве, сделали её одной из

своих главных тем. Однако их картины не были типовыми церковными работами, а создавались для выставок и как подарочные работы с церковной символикой. Таким образом, стараниями художников иконы, бывшие когда-то долгое время реликвиями почитания только среди прихожан, закрепили за собой роль произведений для любования, а церковь при этом начала культурное общение с обществом посредством святых изображений.

Так, например, художник Пэ Унсан учился и работал в Берлине и Париже в 1930–1940-х годах. В то время фовизм и экспрессионизм были популярны в Берлине и этот город был центром дадаизма. Однако Пэ Унсан предпочитал классический европейский стиль, а не авангардное искусство. При этом он изображал корейские традиции и обычаи, что было экзотикой для европейцев.

На рис. 2 изображена женщина, узнаваемая как Дева Мария по сияющему ореолу вокруг головы [1]. На фоне высоких горных пиков и ущелий с текущей чистой водой одна корейская мать и ребёнок сидят лицом к лицу. У матери мягкое и спокойное лицо, ребёнок в одежде с цветными полосками, олицетворяющими мир и вечность.

На рис. 3 изображён ангел Гавриил в образе феи (仙女), который сообщает Марии в Чхима и Чогори о зачатии. Ким Гичхан изобразил в корейском стиле значимый отрывок из Нового Завета.

Рис. 2. Корейская Мадонна (Пэ Унсан)

Рис. 3. Благовещение (Ким Гичхан, 1954)

Выводы

Общими особенностями работ художников, изображавших Пресвятую Деву Марию, являлись отход от европейского способа её изображения и адаптация нового образа под привычную традиционную корейскую культуру и восприятие художественной пластики [18]. Ранние корейские иконописцы пытались изображать тождественность и религиозную фантазию, существующую в Корее (традиционные корейские живописные техники, костюмы и корейские фоновые пейзажи). Другими словами, это было попытка воссоздать образы иконописей, которые до сих пор остались с интенсивным корейским чувством и сознанием. Появление таких произведений стало возможным благодаря отысканию в корейской традиционной культуре и сознании определённых теологических символов особенностей мировоззрения и их новой трактовки. В результате получилось, что традиционная культура, особенно бурно развивавшаяся в Корее в виде жанровой живописи и произведений, обогащённых народными и буддийскими элементами, объединившись с европейскими темами живописи, «стала на путь поиска точки пересечения восточной и западной религиозных культур» [6, 202].

Практическая значимость исследования определяется выявлением особенностей закрепления и визуализации образа Девы Марии в религиозной живописи Кореи, Японии и Китая через развитие культа поклонения матери, характерного для традиционной культуры Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета Сеула [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sedaily.com/NewsView/1S4MUPZB84> 2018-09-14 (дата обращения: 15.06.2018).
2. Гордон, Е. А. Азиатская христология и махаяна: перепечатка вековой «истории индийской церкви» Томаса Йейтса и дальнейшее изучение религии Востока под влиянием Апостола индусов и китайцев / Е. А. Гордон. – Токио: Maruzen & co, 1921. – 334 с.
3. Дева Мария [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php> (дата обращения: 15.06.2018).
4. Ким Сон-хун. Жизнь и Творчество Художника Чан У-Сона [Электронный ресурс] / Ким Сон-хун // Современные проблемы науки и образования. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/pdf/2015/1-2/239.pdf> (дата обращения: 15.06.2018).
5. Ким Сон-Хун. Корейский мастер религиозной живописи Джанг Баля: дискурс буддизма и христианства. Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс] / Ким Сон-Хун. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/pdf/2015/1/1919.pdf> (дата обращения: 15.06.2018).
6. Ким Янг-су. Фольклорный подход к развивающимся образцам корейского католического искусства, религии и живописи / Ким Янг-су. – Сеул: Minsokwon, 2008. – С. 460.
7. Ко Янг-джо. История корейского католицизма: магистерская диссертация / Ко Янг-джо. – Сеул, 2016 г. – С. 132.
8. Крест с Абрикосовой сопки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovoart.ru/node/575> (дата обращения: 15.06.2018).
9. Нобунага Янага. История трансформации богини Кэннон: буддийское богословие 2 / Нобунага Янага. – Центр буддийских исследований, 2002 – С. 307-308.
10. Несториански. Энциклопедия Британика. Получено 28 января 2010 г.
11. Пак Гю-тай. Аматерасу и Мононок Химэ: чтение японского ума о религии / Пак Гю-тай. – Книжный мир, 2001 – С. 113-114.
12. Собор Мёндон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mdsd.or.kr> (дата обращения: 15.06.2018).
13. Святейший Собор, конституция о Священной Литургии, статья 53.
14. Бодхисаттва ада. Сутра основных обетов Бодхисаттвы Кшитигарбхи [Электронный ресурс] / Бодхисаттва ада. – Режим доступа: <http://abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Kshitigarbha%20sytra.htm> (дата обращения: 15.06.2018).
15. Чжао-Гуан. Историческая ценность Сахакчини / Чжао-Гуан. – Научно-исследовательский институт истории корейской церкви, 1977. – С. 10-18.
16. Чжон Си-чунь. Наша архитектура церкви [Электронный ресурс] / Чжон Си-чунь. – Режим доступа: <http://www.amennews.com/news/articleView.html?idxno=10826> (дата обращения: 15.06.2018).
17. Эстер, Э. Хо. Значение религиозной популярной визуальной культуры: изучение иконок Иисуса Христа. Корейское общество по изучению художественного образования / Э. Хо. Эстер // Обзор художественного образования. – 2014. – Т. 28. – № 2. – С. 151-170.
18. Юн Мин-гу. Инкультурация Корейской католической церкви, литургии проблемы Кореи. История церкви: исследование / Юн Мин-гу // Корейская традиционная мысль и католицизм: сб. статей Корейского католического института культуры. – 1990. – 7(2). – С. 161-178.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Главной католической церемонией (литургией) является месса, но помимо неё есть и церковные обряды, таинства, праздник Тела и Крови Христовых, святое причастие и другие дни в соответствии с традициями, установленными церковью и верующими. «Святейший Собор» – конституция о Священной Литургии, утверждённая 4 декабря 1963 г., была одним из наиболее важных из 16 принятых документов на Втором Ватиканском соборе католической церкви (1963–1965). Данная конституция закрепила обширные реформы о традиционных литургических терминах и внешней форме служб.
2. Греч. Μαρία или Mariam << передача араб. marjam <<< евр. mirjam; ивр. מִרְיָם (Miriam) – имя неясной этимологии, возм. < корень MRH – «быть тучным», в переосмыслении – «сильная», «прекрасная» Богоро-

дица, Богоматерь, Матерь Божья – наименование Девы Марии в церковной традиции как родительницы Богочеловека Иисуса Христа. Мадонна < итал. *madonna* < сокр. от *mia donna* – «моя госпожа»; франц. *Notre Dame*. англ. *Our Lady; Blessed Virgin; Mother of God*.

3. В Японии есть много богов, которым поклоняются за их способность благословлять пары с детьми, а также защищать и спасать детей от стихийного бедствия. Эти стражи часто появляются в качестве героев современных историй и мультфильмов. Большинство из индуистских мифов и со временем было включено в буддизм, в то время как другие мифы возникли из традиционной китайской традиции Синто. Однако на протяжении столетий две традиции слились, и многие из богов теперь имеют схожие атрибуты. Например, богиня Синто Коясу-сама, которая обеспечивает лёгкие роды, имеет буддийских коллег Коясу Кэннона, Коясу Джизо, Коясу Кишибоджина и Джибо Кэннона.

Шушарина Г. А., Чабанюк Т. А., Никитин А. Г.
G. A. Shusharina, T. A. Chabanyuk, A. G. Nikitin

**СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
О КОМСОМОЛЬСКЕ-НА-АМУРЕ**

HIDDEN MEANINGS IN WORKS OF ART ABOUT KOMSOMOLSK-ON-AMUR

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: +7 (4217) 24-11-65. E-mail: lmk@knastu.ru.

Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (4217) 24-11-65. E-mail: lmk@knastu.ru.

Чабанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор, профессор-консультант социально-гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: +7 (4217) 24-11-65. E-mail: sgf@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Chabanyuk – Dr. of Culture studies, Professor, Consultant Professor of the Social and Humanitarian Faculty, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (4217) 24-11-65. E-mail: sgf@knastu.ru.

Никитин Александр Георгиевич – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант социально-гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: +7 (4217) 24-11-65. E-mail: sgf@knastu.ru.

Mr. Alexander G. Nikitin – Doctor of Philosophy, Professor, Consultant Professor of the Social and Humanitarian Faculty, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (4217) 24-11-65. E-mail: sgf@knastu.ru.

Аннотация. В результате проведённого исследования художественных произведений о Комсомольске-на-Амуре было выделено несколько основных информационных блоков, которые раскрывают скрытые признаки, указывающие на формирование региональной идентичности. Среди блоков автором отмечаются физический, эмоциональный, социальный и онтологический слои. Указанные информационные блоки рассматриваются в их взаимосвязи. В результате исследования делается вывод о формировании региональной идентичности нового советского человека, проживающего на территории Комсомольска-на-Амуре. Среди скрытых смыслов прежде всего выделяется стремление героизировать жителя строящегося города.

Summary. As a result of the study of works of art about Komsomolsk-on-Amur, several main information layers were identified that reveal hidden signs indicating the formation of regional identity. The authors mark the physical, emotional, social and ontological layers in the article. These information layers are considered in their unity. The authors make a conclusion on the formation of the regional identity of a new Soviet person living on the territory of Komsomolsk-on-Amur. Among the hidden meanings, above all, we can point to the desire to glorify a resident of a city under construction.

Ключевые слова: региональная идентичность, концептуальная информация, аксиологический маркер, пейзаж.

Key words: regional identity, conceptual information, axiological marker, landscape.

УДК 316

В процессе коммуникации человек способен осознавать наличие скрытого содержания текста сообщения. Исследователи говорят о том, что при чтении или разговоре человек стремится найти в сообщении имплицитное содержание, то есть такое содержание, которое не обнаруживается на поверхности сказанного или написанного [8, 4]. Исследуя скрытые языковые категории и значения, А. А. Масленникова сформировала инвентарь скрытых смыслов. Опираясь на ряд положений, разработанных учёным, мы попытались в рамках данной статьи выявить дополнительные аксиологические признаки концепта *региональная идентичность*. Такие признаки представляют собой элемент невыраженного содержания, при этом свободно восстанавливаемого адресатом на основании имеющихся в тексте показателей. Масленникова называет их скрытыми смыслами – смыслами, которые отсутствуют в поверхностной структуре текста сообщения, но воспринимаются, интерпретируются с опорой на языковую компетенцию, знания о мире и присутствующие в тексте сообщения показатели [8, 4].

Цель настоящей статьи заключается в выявлении скрытых признаков концепта *региональная идентичность*. Материалом для исследования послужили художественные произведения на тему строительства города Комсомольска-на-Амуре. В качестве метода исследования предложен лингвоаксиологический анализ, позволяющий определить аксиологические маркеры того или иного явления.

Выявление аксиологических маркеров региональной идентичности осуществлялось не только с опорой на отдельные лексемы, эксплицитно передающие ценность региональной идентичности, но в ряде случаев региональная идентичность выражалась опосредованно. «Прямая репрезентация основана на языковом (системном) значении отдельных слов и выражений, конвенционально относящихся к средствам номинации оценочного отношения, оценки и образующей аксиологическое лексико-семантическое поле языка. Опосредованными способами репрезентации выступают высказывания, в которых в очевидной форме либо выражено собственно оценочное суждение, либо смыслообразование тематически (маркировано оценочной лексикой), интенционально и аргументативно (логически и имплицитно) выстроено как структурирование оценочного отношения» [2].

В результате проведённого исследования художественных произведений о Комсомольске-на-Амуре было выделено несколько основных блоков концептуальной информации, которые раскрывают скрытые аксиологические признаки исследуемого концепта. Мы отметили физический, эмоциональный, социальный и онтологический блоки. Выделенные основные блоки знаний связаны друг с другом и составляют организованную систему. Природное (физическое) явление воспринимается отдельным человеком и вызывает определённое эмоциональное отношение. Эмоциональные состояния – это не только переживания, касающиеся отдельного индивида и его внутреннего мира, это состояния, касающиеся всего общества и имеющие внешнюю форму выражения. Совокупность проявлений эмоциональных состояний человека отражается на общественных явлениях. Здесь формируются знания, относящиеся ко всем людям и составляющие социальный блок информации. Универсальные человеческие представления преобразуются в вечные, всеобщие смыслы, которые находят своё воплощение в виде символов, подлежащих пониманию (интерпретации). Эта информация включается в высший слой, который называется онтологическим [3, 82].

Остановимся на более подробном анализе указанных информационных блоков для того, чтобы выявить скрытые аксиологические смыслы концепта *региональная идентичность*. Подчеркнём, что анализируемые информационные блоки целесообразно рассматривать в их единстве.

Проанализированные тексты – пример того, что изучаемый концепт может быть репрезентирован в дискурсе разнообразными языковыми средствами.

Климат на месте строительства Комсомольска-на-Амуре суровый: «Солнечная сначала погода сменилась ненастьем. Холодные ливни и ураганные ветры, обычные для этих краёв» [11, 10]. Для описания климата используются различные эпитеты, но все они, как правило, имеют негативную оценочность. Так, в произведении В. Кетлинской можно встретить такие эпитеты, как *колючий, холодный* [4, 148-149].

Таким образом, физический блок знаний концепта тесно переплетается с эмоциональным.

Кроме того, эмоциональные состояния в художественных произведениях о Комсомольске-на-Амуре раскрываются через пейзажные описания, иными словами, через описание физической сущности указанных явлений. Пейзажное описание имеет тесную связь с содержательным повествовательным планом. Оно служит фоном развития сюжета, локальным или временным признаком действия и выступает объектом восприятия героя.

Эмоциональный блок концептуальной информации в художественном тексте представляется особенно важным, так как раскрытие души человека, описание многогранного мира чувств, настроений, желаний и стремлений человека является основной задачей художественного текста. О неразрывности связи эмоций с личностью человека пишет Л. Г. Бабенко: «Чувства, изображённые в тексте, – результат художественного познания душевной жизни и поведения человека. Именно в художественном произведении чувства отображены в единстве с личностью как неотторжимое свойство человека, составляющее его сущность» [1, 72].

По мнению исследователей, пейзаж в художественной литературе очень часто используется как приём наделения читателя той или иной эмоцией. Проблема взаимоотношений человека с природой является центральной для литературы любого периода и жанра. По замечанию В. А. Кухаренко, пейзаж эмоционально воздействует на читателя или слушателя, при этом воздействие может быть достаточно сильным. Описание природы вызывает у читателя сопереживание с персонажем. Кроме того, оно одновременно «поднимает тот пласт эмоций, который отложился в памяти» [6, 138].

Необходимо заметить, что авторы исследуемых произведений не прибегают к длительным описаниям природы, изображая пейзаж небольшими зарисовками, вкраплениями по всему произведению.

Картины природы создают атмосферу созерцательности, погружённости в себя, когда в памяти всплывают и высвечиваются разные моменты прожитой жизни.

Среди чувств, которые испытывают главные герои на всём протяжении романов, можно выделить страх, радость, надежду, одиночество, скорбь и чувство утраты.

Помимо указанной взаимосвязи физического и эмоциональных блоков знания, в произведениях наблюдается также тесная связь эмоционального и социального блоков.

Комсомольск-на-Амуре – это малый город. Учёные разделяют российские малые города на две группы: города с «историей» и города «без истории». Малых городов с богатой историей своего экономического и культурно-нравственного развития насчитывается около двух тысяч. Роль таких городов для России значительна. Конструирование идентичности в них идёт в рамках культурно-исторического дискурсивного пространства [9]. Ко второй группе малых городов можно отнести города, образованные в советский период. Как правило, это промышленные города, ориентированные на определённую сферу промышленности; Д. М. Семенова подчёркивает, что формирование городской идентичности в них идёт намного сложнее, так как наблюдается отсутствие длительной истории города, ограничены возможности для конструирования городской идентичности через городские символы. В этом случае идентичность формируется либо через ассоциацию с промышленным предприятием, либо через искусственное создание мифа или мифологического символа. Перспективы конструирования городской идентичности в малых городах «без истории» следует искать на пересечении нескольких дискурсивных пространств и опираться на реально существующие географические и социокультурные образы и символы [9].

Ключевым для понимания идентичности комсомольчанина предлагается считать его представление об уникальности своего края и живущих в нём людей. Это представление – единая основа мифологизации Дальнего Востока в целом. Житель данного региона – мобильный и энергичный. Дальневосточнику приходится бороться с суровой природой и климатом, он оторван от центра страны, за свою жизнь он несколько раз перемещается из одного конца России в другой. Благодаря закалке, полученной в борьбе с расстояниями и суровой природой, дальневосточник легко справляется с трудными ситуациями [7].

Малые города, лишённые многовековой истории, Н. Ю. Костюрина предлагает называть «новыми городами». Комсомольск-на-Амуре можно рассматривать как новый город, то есть как

явление, противопоставленное городу историческому, явление, лишённое исторической памяти, что отражается в различных формах городской культуры. Но именно отсутствие исторического прошлого было значимым для советских идеологов при строительстве новых городов. Новые города советского времени, с одной стороны, уникальны, но, с другой стороны, «типичность их черт и судеб делает их незаменимым источником знаний о специфике советской культуры» [5, 28]. Главными ценностями, формировавшимися в новом городе, должны были стать коллективизм, духовное и физическое совершенство человека [5, 45]. Кроме того, в новом городе пропагандировались ценности материального минимализма.

В анализируемых художественных произведениях место строительства нового советского города концептуализируется как родной дом, где тепло, уютно и светло. Дом здесь не просто строение, а первая вселенная человека, объединяющая его мысли, мечты, воспоминания. Таким образом, формируется региональная идентичность жителя нового города.

Проанализированный нами материал позволил заключить, что концептуализация региональной идентичности может осуществляться через противопоставление тайги и строящегося города. Новый город (новый дом) как родное, безопасное место противопоставлен тёмному лесу как чужому, опасному пространству. Лес представляет собой микромодель чужбины и ассоциируется с неожиданностями, испытаниями.

В проанализированных художественных произведениях край, в котором началось строительство нового города, описывается амбивалентно. С одной стороны, это удивительное место, вызывающее восхищение у всех, кто попадает сюда. Прежде всего восхищают необъятность региона [4, 62], красота природы [4, 87]. Восхищают и природные богатства края. Молодых людей удивляет рыба, которая каждую осень приплывает на нерест и идёт по реке сплошным потоком [11, 21], «ароматная тайга» [10, 82]; озёра, на которых обитали тысячные стаи уток [10, 127]. Стволы деревьев невозможно обхватить втроём [4, 320].

С другой стороны, авторы художественных произведений указывают на непростые географические условия края, а именно удалённость местности, её болотистость и т. п. [11, 9; 4, 75].

Амбивалентность описания природы края прослеживается и в отношении главной реки края – Амур. Можно встретить контексты, в которых главная река строящегося города предстаёт в суровом, и даже страшном виде [4, 67].

Строительство города началось на берегу реки Амур, которую в художественных произведениях называют «холодным и стремительным Амуром» [11, 5]. В отношении этой реки авторы используют следующие эпитеты: *самая большая река, могучая, богатая рыбой река, река-кормилица* и *друг*, хотя *своенравный* и *строгий* [11, 86-87]. Известный географ П. Кропоткин назвал Амур «Миссисипи Дальнего Востока».

Страх перед могучей рекой, восхищение ею подчёркивается многочисленными гиперболами. В результате Амур предстаёт не рекой, а морем с огромными волнами, по которому весной плывут острова льда. В художественных произведениях река Амур определяется как *своенравная*. В плохую погоду на Амуре поднимается волна «морской» силы, весной и осенью разливаются Амур на десятки километров» [11, 39]. Однажды увидев, невозможно забыть Амур. «Каждый, кто хоть однажды побывал на Амуре, никогда не сможет забыть его. Неоглядная ширина. Тёмная стремительная вода, трёхметровые волны, увенчанные белой пеной. Немереные глубины, над которыми кипят буруны. Двухметровый лёд зимой, густая шуга осенью. И весенний ледоход, выламывающий с корнями прибрежные деревья, сметающий валуны, рушащий утёсы» [11, 85]. Комсомольцев потрясли глыбы льда огромных размеров [4, 67].

Сравнение Амура с морем в целом типично для художественных произведений. Именно через такое сравнение читатель может судить о необъятности реки: «Так ваша Нева – ребёнок рядом с Амуром!» [4, 379]. Комсомольцы называли Амур Чёрным морем за его бескрайность [4, 379].

Тем не менее, Амур бывает и красивым. В произведении В. Кетлинской Амур описывается просторным, плавным и красивым [4, 79]. Описываются и другие реки, протекающие на территории Комсомольска-на-Амуре: «Какая же силища в этой Силинке!» [11, 19].

В художественных произведениях о строительстве города наблюдается формирование нового человека, идентичность которого можно определить как человека-героя. Героизация первых строителей происходит, во-первых, на фоне борьбы с суровым дальневосточным климатом, во-вторых, с суровыми природными условиями и сложным географическим положением. Анализ материала исследования показал, что скрытые смыслы концепта *региональная идентичность* носят аксиологический характер. При строительстве Комсомольска-на-Амуре такие смыслы выполняли регулирующую и стимулирующую роль в жизни человека и общества. Декларировались самопожертвование ради общей великой цели и значимость коллективных свершений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2000. – 534 с.
2. Вара, Н. Г. Динамика лингвоаксиологических характеристик английской рекламы автомобиля: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: защищена 24.03.2016 / Вара Наталья Георгиевна. – Волгоград, 2015. – 184 с.
3. Карпинец, Т. А. Концепт как способ смысловой организации художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Карпинец Татьяна Анатольевна. – Кемерово, 2003. – 200 с.
4. Кетлинская, В. К. Мужество / В. К. Кетлинская. – М.: Правда, 1989. – 653 с.
5. Костюрина, Н. Ю. Новый город как модель советской культуры: моногр. / Н. Ю. Костюрина. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 2005. – 189 с.
6. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
7. Липатова, Н. В. Временщики или атланты державности? Образы, символы и мифы дальневосточной идентичности / Н. В. Липатова // В поисках России: серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 3. Восточная Россия – Дальний Восток. – СПб.: Интерсоцис, 2011. – С. 168-205.
8. Масленникова, А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А. А. Масленникова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. университета, 1999. – 264 с.
9. Семенова, Д. М. Формирование городской идентичности в малых городах России / Д. М. Семенова // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 6(50). – С. 54-63.
10. Ходжер, Г. Г. Амур широкий. В 3 кн. Кн. 2. Белая тишина / Г. Г. Ходжер. – Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1980. – 592 с.
11. Шевченко, Ю. А. Город юности / Ю. А. Шевченко. – М.: Детская литература, 1982. – 94 с.

Гончарова С. В.
S. V. Goncharova

В. К. АРСЕНЬЕВ: РАБОТЫ, ПЕРЕВЕДЁННЫЕ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

V. K. ARSENYEV: SCIENTIFIC WORKS TRANSLATED INTO FOREIGN LANGUAGES

Гончарова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного государственного медицинского университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 35; тел.: + 7 (962) 503-01-01. E-mail: goncharova_s@mail.ru.

Ms. Svetlana V. Goncharova – PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy, Far Eastern State Medical University (Russia, Khabarovsk); 680000, Khabarovsk, 35 Muraviev-Amur str.; tel.: + 7 (962) 503-01-01. E-mail: goncharova_s@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена трудам Владимира Клавдиевича Арсеньева – всемирно известного путешественника и учёного, который внёс большой вклад в изучение огромной области Восточной Азии. В центре внимания статьи зарубежные издания и публикации на иностранных языках его научных работ.

Summary. The article is devoted to the works of Vladimir Klavdievich Arsenyev - the world famous traveler and scientist, who made a great contribution to the study of the vast region of East Asia. The focus of the article is foreign publications and foreign language publications of his scientific works.

Ключевые слова: В. К. Арсеньев, зарубежные издания, Уссурийский край, перевод с французского, российский Дальний Восток.

Key words: V. K. Arsenyev, foreign publications, Ussuri region, translation from French, Russian Far East.

УДК 001.8(08):91:93(571.6)

На протяжении многих лет в центре внимания нескольких поколений отечественных и зарубежных исследователей находится научное и творческое наследие Владимира Клавдиевича Арсеньева, всемирно известного путешественника, учёного и писателя, чьи книги знают во многих странах мира. Между тем в настоящее время к наименее изученным страницам деятельности Арсеньева относится издание его работ на иностранных языках.

Первый, кто обратился к изучению зарубежных публикаций В. К. Арсеньева, был сибирский учёный, книговед Сергей Антонович Пайчадзе. В 1984 году его доклад «Первое издание В. К. Арсеньева за рубежом» прозвучал на конференции «Арсеньевские чтения», прошедшей в городе Хабаровске. В центре внимания докладчика было издание работы В. К. Арсеньева «В дебрях Восточной Сибири» в двух томах (1924, 1925), которое вышло на немецком языке в крупном берлинском издательстве «Август Шерль». Из текста объявления, напечатанного в первом томе, стало известно, что издательство планировало продолжить публикацию работ дальневосточного учёного. Данное предложение, по мнению автора доклада, свидетельствовало о продолжительных деловых контактах В. К. Арсеньева с немецким издательством. По мнению Пайчадзе, предисловие к изданию было написано известным полярным исследователем Ф. Нансеном по просьбе самого автора. Современные данные уточняют эту информацию: значительную роль в подготовке работы к публикации сыграли издательство и предприниматель Евгений Иванович Пеппель [3, 316].

Большая работа по выявлению и систематизации научного и художественного наследия В. К. Арсеньева была проделана исследователем и биографом Анной Ивановной Тарасовой. Результатом этой кропотливой, многолетней работы стала изданная в 1985 году книга «Владимир Клавдиевич Арсеньев», где впервые были перечислены научные работы учёного, опубликованные на иностранных языках. На немецком языке помимо работы «В дебрях Восточной Сибири» вышел в 1926 году труд «Русские и китайцы в Восточной Сибири». Кроме того, Анной Ивановной были

выявлены статьи Арсеньева, опубликованные на английском языке: «Древняя Маньчжурия» (The China Journal, 1929) и «Естественная история» (The Journal of the American Museum, 1924) [4, 333].

В 2000 году на Международной научно-практической конференции «Арсеньевские чтения», проходившей во Владивостоке, японский исследователь Ядзима Сатоси обратился к малоизученной теме «В. К. Арсеньев и Япония». Согласно полученным результатам первые работы Арсеньева на японском языке были опубликованы не в Японии, а исследовательским отделом железнодорожной компании «Минами-Мансю-Тэцудо» на территории Маньчжурии. Этим отделом были выпущены бюллетени с материалами о Дальнем Востоке Советского Союза и Монголии. В 1938 году отделом был издан перевод под названием «Описание экспедиции в горах Сихотэ-Алинь», чьё содержание соответствует книге В. К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня. Очерк экспедиции Приамурского отдела РГО с 24 июня 1908 г. по 20 января 1910 г.», изданной в Москве в 1937 году.

В 1939 году в бюллетене № 48 исследовательского отдела железнодорожной компании «Минами-Мансю-Тэцудо» было опубликовано «Описание экспедиций в Уссурийском крае». Содержание этой работы связано с экспедициями 1902–1906 годов [5, 27]. Скорее всего, это перевод книги В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь», изданной во Владивостоке в 1921 году и в Москве в 1934 и 1936 годах.

В 2008 году была опубликована книга «Распятый в дебрях. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Судьба странника». Её автор, писатель и журналист Борис Владимирович Сумашедов, опираясь на личный архив Веры Николаевны Красевой, племянницы Маргариты Николаевны Арсеньевой, раскрыл неизвестные страницы истории, связанные с зарубежными изданиями работ В. К. Арсеньева. Согласно найденным документам, Владимир Клавдиевич в 1921 году заключил договор с предпринимателем Евгением Ивановичем Пеппелем о передаче прав на перевод на иностранные языки и издание ряда своих работ за рубежом. Данный договор действовал до 1936 года и был аннулирован М. Н. Арсеньевой. Именно благодаря этому договору труды В. К. Арсеньева попадают в Германию, в фирму «Август Шерль», где и были изданы в 1924 и 1926 годах. Борис Владимирович Сумашедов считал, что именно Пеппель и Шерль нашли переводчика на немецкий язык и договорились с Ф. Нансеном о подготовке предисловия к новому изданию [3, 316].

В личном архиве В. Н. Красевой сохранились материалы переписки с американским музеем естественной истории, относящиеся к изданию статьи В. К. Арсеньева «Естественная история», опубликованной в The Journal of the American Museum в 1924 году. В этом же архиве сохранились документы, связанные с переводом Сиотара Хаара на японский язык книги В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края». Материалы этой переписки относятся к 1930 году и обрываются после смерти Владимира Клавдиевича [3, 456].

По мнению Б. В. Сумашедова, идея издания работ Владимира Клавдиевича Арсеньева на иностранных языках во многом принадлежала его жене, Маргарите Николаевне. Именно она, по мнению журналиста, инициировала продвижение имени Арсеньева за рубежом в послереволюционный период. Между тем уточним, что плодотворные дружеские контакты с зарубежными исследователями сложились у Владимира Клавдиевича Арсеньева значительно раньше.

Накануне Первой мировой войны, в 1913 году, город Хабаровск посетил известный норвежский полярный исследователь Ф. Нансен. Его встреча с В. К. Арсеньевым и высокая оценка деятельности русского учёного, энциклопедических знаний о российском Дальнем Востоке способствовали формированию высокого международного авторитета Владимира Клавдиевича.

В 1914 году география международного сотрудничества В. К. Арсеньева расширилась, с ним встретились и обсудили проблемы научных этнографических исследований в Приамурье венгр Б. Баратози и поляк С. Ф. Понятовский. Опыт общения с зарубежными учёными, их искренний интерес к этнографии Дальневосточного региона и работам самого Арсеньева способствовали тому, что Владимир Клавдиевич принял решение дополнить книгу «Китайцы в Уссурийском крае» послесловием на французском языке, в котором было раскрыто основное содержание работы (перевод с французского выполнен Г. Г. Егошиной). Следовательно, это издание может считаться первой публикацией В. К. Арсеньева на иностранном языке.

Книга Владимира Клавдиевича Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» была опубликована в 1914 году в «Записках Приамурского отдела Императорского русского географического общества», с деятельностью которого был связан самый плодотворный период жизни исследователя. Это была вторая крупная работа учёного, обозначенная им как историко-этнографический очерк, раскрывающий специфику природы, истории, культуры и населения российского Дальнего Востока.

В первом разделе французского послесловия дана физико-географическая характеристика Уссурийского края. Арсеньев отмечал, что это «гористая местность, покрытая густыми лесами и орошаемая многочисленными реками, текущими во всех направлениях. Флора очень разнообразна. Натуралиста особенно поражает смешение субтропических форм и видов, происходящих с севера. Такое же смешение характеризует фауну, главными представителями которой среди млекопитающих являются тигр, леопард, рысь, медведь, волк, россомаха, куница, соболь, енот, кабан, косуля, архар, лось, олень, лань и кабарга. Во всём, что касается климата, также наблюдаются очень большие колебания в вариациях температуры, влажности и атмосферного давления. Летом наш край подвергается влиянию муссонов; зимой – влиянию полюса холода. Дороги и тропинки существуют только в южной части края. В других частях их совсем нет. Население – смесь русских, корейцев, гольдов, орочей и китайцев» [1, 205]. Особенности культуры последних в большей степени и посвящена работа «Китайцы в Уссурийском крае».

Второй раздел послесловия посвящён истории Дальневосточного региона. Исторические данные, которые приводит Владимир Клавдиевич, выходят далеко за пределы территории Дальнего Востока России. Согласно собранным сведениям, «более 1000 лет до нашей эры Уссурийский край был населён племенами тунгусов и сушэней. К середине VII столетия последние исчезли и впервые появилось королевство Бохай. В XII и XIII веках на развалинах Бохая возникла империя Цзинь, затем до XIX столетия была почти полностью заброшена и опустошена. Китайцы появлялись здесь лишь незадолго до прихода русских» [1, 205]. Из приведённого отрывка видно, что значительное влияние на развитие народов, населявших данный регион, оказали крупные феодальные государства (Бохай, Цзинь), чьи границы охватывали современные северо-восточные и северные районы Китая, часть Кореи и Монголии.

В третьей части послесловия Арсеньевым даны пояснения о достаточно сложной ситуации с топонимикой на территории Уссурийского края. «Китайцы, проникнув в Уссурийский край, либо исказили названия, которые туземцы и маньчжуры дали рекам и горам, либо окрестили их на свой манер. Русские, в свою очередь, исказили китайские названия и окончательно запутали их» [1, 206].

Специфика деятельности китайцев-земледельцев раскрыта в четвёртом разделе. Эти переселенцы, по мнению Арсеньева, «приходят из Китая одни, без своих семей... очень трудолюбивы, очень заботливы и очень привязаны к своим полям и огородам» [1, 206].

В пятом пункте описана характерная для китайцев черта в освоении новых территорий – жестокая эксплуатация туземного населения. «В южной части Уссурийского края китайцы полностью ассимилировали и поработили туземцев. Нередким является десятилетнее рабство у уссурийских китайцев» [1, 206]. Эта специфическая черта поведения отмечалась многими отечественными и зарубежными исследователями культуры китайцев, живших за пределами Китая.

В шестом разделе послесловия Арсеньевым раскрыты особенности ведения такого традиционного для таёжной территории вида деятельности, как охота. «Вся южная часть Уссурийского края покрыта ловушками на кабана, установленными китайскими охотниками. Почти все жители тайги были вооружены карабинами. Охотничьи шалаши исчисляются тысячами, а количество ловушек на соболя достигает нескольких миллионов» [1, 206]. С точки зрения учёного, основу промысла составляли хищническое отношение к природе и жесточайшая эксплуатация природных ресурсов. Продолжая эти рассуждения, Владимир Клавдиевич в седьмом разделе уточняет, что главными занятиями китайцев в Уссурийском крае и «источниками

обогащения всегда были ловля оленей и кабарги, сбор грибов и лишайников, добыча жемчуга, морской капусты, ловля крабов, голотурий (морской огурец – С. Г.) и т. д» [1, 207].

Особенностям промысла китайцев – искателей женьшеня, посвящён восьмой раздел. Женьшень был одним из богатств Уссурийского края, за сбором которого отправлялись многочисленные промысловики. Сборщики женьшеня преодолевали очень большие расстояния и терпели лишения, так как это растение встречалось редко, произрастало в удалённых и труднодоступных районах тайги. «У китайцев существует множество легенд, посвящённых этому растению. Корень женьшеня применяют в виде пилюль или настоя» [1, 207].

В девятом пункте послесловия Арсеньев проанализировал ещё одну статью дохода китайцев – изготовление ханшина (традиционный китайский алкогольный напиток). У каждого китайца-земледельца был аппарат, предназначенный для производства алкоголя как для личных нужд владельца, так и для продажи туземцам. После запрета, введённого русской администрацией, изготовление ханшина было перенесено в Маньчжурию, на левый берег Усури. Главным рынком сбыта оставался Уссурийский край.

Проблеме выращивания мака и потребления опиума посвящён десятый пункт послесловия. Арсеньев отмечал, что «опиум появился в Уссурийском крае недавно. Возделывание мака, не будучи запрещённым, возрастает с каждым годом. Использование опиума в слишком больших количествах оказывает губительное влияние на курильщиков» [1, 207]. Особенности традиционного вида развлечений китайцев – разнообразных видов азартных игр – раскрыты Владимиром Клавдиевичем в одиннадцатом разделе. В основном это такие игры, как карты, фараон и рулетка. «Китайцы – страстные игроки. Часто они проигрываются вплоть до своей свободы и даже ставят на карту свою жизнь в качестве ставки» [1, 207].

В двенадцатом разделе освещена проблема, связанная с деятельностью хунхузов (организованные банды, действовавшие в Северо-Восточном Китае). «Китайцы очень жестоки. Они совершают свои преступления без различия от пола или возраста. Мучения, причиняемые всякому живому существу, доставляют им огромное удовольствие, и сами они безразличны к смерти» [1, 207].

Организационная основа и структура преступности рассмотрена Арсеньевым в тринадцатом разделе. «Жизнь китайцев в Уссурийском крае была совершенно независима от их жизни в Китае. Каждая долина представляла собой коммуну, управляемую особыми законами. Нарушение этих законов влекло суровые наказания. Преступники предавались остракизму, наказывались палками либо их топили, замораживали или закапывали живьём в зависимости от тяжести преступления» [1, 207].

Четырнадцатый раздел посвящён китайским организациям в городах. Владимир Клавдиевич первым установил тесную связь китайских охотников с торговцами, проживавшими в селениях, «этих последних – с городскими коммерсантами, а тех – с крупными торговыми домами Чифу и Цзин-дао» [1, 207].

В заключении Арсеньев обратился к проблеме «жёлтого вопроса» – геополитической ситуации на дальневосточных территориях России. Наибольшую опасность, с точки зрения автора, представляло не только культурное противостояние между различными народами, но и экономическая борьба между странами региона. Поэтому Владимир Клавдиевич считал, что «Уссурийский край должен играть роль буфера против атак китайцев и японцев» [1, 208].

Таким образом, среди множества публикаций В. К. Арсеньева на иностранных языках, в том числе немецком, французском, английском и японском, первой можно считать послесловие на французском языке к изданию «Китайцы в Уссурийском крае», опубликованное в типографии канцелярии приамурского генерал-губернатора в 1914 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк ист.-этногр. / В. К. Арсеньев. – Хабаровск: Тип. канцелярии приамур. ген.-губернатора, 1914. – 204 с.
2. Пайчадзе, С. А. Первое издание В. К. Арсеньева за рубежом // Арсеньевские чтения: тез. докл. и сообщ. – Хабаровск: Б. и., 1984. – С. 113-115.

Гончарова С. В.

В. К. АРСЕНЬЕВ: РАБОТЫ, ПЕРЕВЕДЁННЫЕ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

3. Сумашедов, Б. В. Распятый в дебрях. Владимир Арсеньев. Судьба странника / Б. В. Сумашедов. – М.: Изд-во «Известия», 2008. – 496 с.
4. Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова. – М.: Наука, 1985. – 344 с.
5. Ядзима Сатоси В. К. Арсеньев и Япония // Арсеньевские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 110-летию ПГОМ им. В. К. Арсеньева. – Владивосток, 2000. – С. 27-29.

Михайлова Н. В.
N. V. Mihailova

СПОРТИВНОЕ БОЛЕНИЕ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

SPORT SUPPORT AND COLLECTIVE IDENTITY

Михайлова Надежда Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и истории культуры Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Россия, Владимир); 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; тел.: + 7 (960) 721-09-62. E-mail: cnadezhda@yahoo.com.

Ms. Nadezhda V. Mihailova – PhD in history, associate professor, Museology and History of Culture Department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov (Russia, Vladimir); 600000, Vladimir, 87 Gorky str.; tel.: + 7 (960) 721-09-62. E-mail: cnadezhda@yahoo.com.

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена спортивного боления, а также его связи с различными типами коллективной идентичности. Тема разрабатывается автором в междисциплинарном общественно-научном ключе. В статье даётся общая характеристика современного спорта с его противоречиями и глокальной сущностью; раскрывается содержательное ядро спортивного боления как социокультурной практики и его обусловленность культурными факторами; обозначается включённость спорта и спортивной поддержки в более широкую систему социальных отношений, в том числе политических и экономических; раскрывается связь спортивного боления с переживанием и выражением коллективных идентичностей, в том числе через спортивную атрибутику. В заключении автор представляет результаты эмпирического исследования, посвящённого анализу степени влияния феномена национальной идентичности на восприятие спортивных состязаний.

Summary. The article is devoted to the analysis of a sport support phenomenon, as well as its connection with different types of collective identity. The author reveals the theme in an interdisciplinary social science perspective. The article gives a general description of modern sport possessing contradictory and glocal essence; reveals the content of sport support as a socio-cultural practice and its conditionality by cultural factors; and indicates the involvement of sports and sport support in a wider system of social relations, including political and economic ones. The author investigates the connection of sport support with experience and expression of collective identities, including the role of sport attributes. In conclusion, the author presents the results of the empirical study – how much the national identity phenomenon influences the perception of sport competitions.

Ключевые слова: спортивное боление, коллективная идентичность, национальная идентичность, спортивная атрибутика, национальные символы.

Kew words: sport support, collective identity, national identity, sport attributes, national symbols.

УДК 796.01

Спорт является неотъемлемой составной частью как общечеловеческой культуры в целом, так и отдельных национальных и этнических культур. К нему сегодня относят современные развлечения с использованием новейших достижений технологического прогресса, в том числе средств массовой коммуникации, а также традиционные игры, связанные с национальными укладами и обычаями.

Наиболее влиятельной во всём мире является англо-саксонская модель состязательности [5], тесно связанная с интенсивным развитием массовой культуры с конца XIX века. Эта модель включает в себя виды спорта, популярные в британской аристократической среде (позднее и у американской элиты): гольф, теннис, гребля, скачки и пр., а также виды спорта, популярные в массовой среде, у рабочего класса: футбол, хоккей с мячом и др. Эти виды состязаний испытали влияние английской клубной культуры, подверглись институционализации (формирование различных спортивных ассоциаций и организаций) и жёсткой регламентации.

Со временем данный формат приобрёл глобальный характер и стал ассоциироваться со словом «спорт». Его чертами ныне являются сакрализация спорта, тесно связанная с продвижением идеалов «олимпизма», а также коммерциализация. Обе эти черты порождают культ героев, свойственный современному глобальному спорту. Повышенный интерес в современном обществе к спортивным шоу и драматизм состязаний рождает чувства, родственные катарсису и экстазу. Это во многом обусловлено жертвенностью атлетов, которая маскирует и оправдывает развлекательный и коммерческий характер современного спорта, переводя его из сферы досуга и развлечений в область высших духовных ценностей.

Будучи глобальным и интернациональным по своему характеру, спорт в то же время принимает национальную и культурную окраску. Это типичная черта эпохи глобализации, когда тот или иной глобальный феномен встраивается, адаптируется к конкретной культурой среде. Человек и группы людей, таким образом, получают возможность приобщиться к интернациональным трендам и явлениям и в то же время сохранить или даже подчеркнуть свою национальную и культурную идентичность.

Национальные традиции спортивного боления. «Боление» – достаточно устойчивый в русском языке термин, обозначающий действие от глагола «болеть», то есть (в одном из своих значений) оказывать поддержку участнику соревнований, переживать за участника соревнований. Словосочетание «оказывать поддержку», слово «переживать» говорят об особом чувстве вовлечённости, причастности, которое испытывают болельщики. Болельщики являются не только зрителями, объектами, но и важнейшими участниками, субъектами соревновательного процесса. Их задача – создание соответствующей психологической атмосферы, пронизанной чувством общественного сплочения, атмосферы, в которой действует и соревнуется уже не собственно спортсмен или команда, а некие коллективные силы, сгустки психической энергии. Создание такой атмосферы – креативный процесс, воплощающий творческое отношение к сути, задачам и традициям боления. Креативность – важная ценность в среде болельщиков, умение чутко откликаться на ход событий, импровизировать, тем самым в полной мере ощущая себя сотворцом происходящего.

Национальные традиции спортивного боления, как и любые другие традиции, складывались под воздействием ряда факторов: исторических, социальных, политических, культурных, психологических. Традиции – широкое понятие, оно включает множество представлений, обрядов, привычек, навыков, которое передаётся из поколения в поколение и выступает одним из регуляторов общественных отношений. Традиции спортивного боления – комплекс, поведенческий и ментальный, включающий элементы (их много), с помощью которых болельщики оказывают поддержку спортсменам и выражают свои переживания за них.

С одной стороны, в современной спортивной интернациональной культуре сложились универсальные представления о способах выражения поддержки. Например, об использовании определённой спортивной атрибутики, о которой будет изложено ниже. С другой стороны, вышеуказанные факторы привносят национальное разнообразие в формы оказания спортивной поддержки.

Так, если говорить о футболе, выделяют определённые стили боления. Например, для английского стиля характерен упор на речевую поддержку: важны песни, речёвки, скандирования, гимны клубов. Немаловажной является и околофутбольная составляющая – физическое выяснение отношений с оппонентами вне футбольного поля. Это связано с тем, что значительная часть английских футбольных фанатов – костяк болельщиков – была и остаётся выходцем из определённых социальных слоёв рабочих. В отличие от регби – игры аристократов, в Англии футбол формировался как игра бедняков. Для болельщиков характерны были способы утверждения своей маскулинности, в том числе через демонстрацию своей физической силы и умение потреблять большое количество алкоголя.

Для итальянского стиля боления (в связи с особенностями национального психологического склада итальянцев) характерны темпераментность, упор на визуальную составляющую: флаги, баннеры, растяжки, красочные шоу. «Война транспарантов» в Италии ценится больше, чем обыкновенная драка.

Помимо национальных, складываются и региональные стили боления. Например, африканские болельщики тяготеют ко всякого рода звуковому сопровождению – на там-тамах, барабанах, трещотках, дуделках. Музыкальная культура – важнейшая часть африканской традиции.

С одной стороны, так называемая субкультура футбольных фанатов в разных странах и даже в разных городах тоже имеет свои особенности. С другой стороны, национальные стили боления уже пересекли национальные границы и нередко заимствуются болельщиками из других стран и регионов. Например, в современном российском футболе широко распространены и английский, и итальянский стили боления. Так, во время матчей команд, являющихся принципиальными соперниками, болельщики устраивают яркие перформансы в итальянском стиле.

Традиции поддержки спортсменов вне соревнований. Поддержка спортсменов – явление, выходящее за границы стадионов и спортивных залов. Она имеет более сложный и многогранный характер, чем боление. Это отражает сложную и комплексную сущность спорта как явления культурного и общественного, экономического и политического. Традиции поддержки спортсменов ведут своё начало с древности. Так, в Древнем Риме определённые группы людей начинают складываться вокруг гонщиков на колесницах. Эти люди не только болели за спортсменов из команды, но и помогали с организацией мероприятий, подбором персонала, организовывали поиск лучших лошадей.

Во время правления императора Нерона выделились 4 спортивные команды, конкурирующие друг с другом и отличающиеся по цветам. Они использовали красный, синий, зелёный и белый цвета. У каждой команды были страстные поклонники, в том числе и среди императоров, которые поддерживали любимых гонщиков щедрыми подарками. В связи с наличием такой поддержки «партии» набирали силу.

В Византии, куда данная система переместилась после распада Римской империи, объединения лиц, поддерживающих спортсменов, приобрели ещё большее влияние. Каждое из них воплощало определённую социальную и политическую силу, то есть приверженцами той или иной команды были в большинстве своём люди определённого социального слоя (например, аристократии) с определёнными политическими предпочтениями. Ввиду присутствия на соревнованиях императора, они становились важным политическим событием. Через аналоги современных кричалок, которые «заводящие» «партий» побуждали скандировать значительную часть болельщиков, выражалась не только поддержка своим спортсменам, но и какие-либо политические мнения и оценки. Нередки были и столкновения между «партиями», в том числе кровавые, поскольку каждая из «партий» обладала собственными военными ресурсами. Таким образом, с древних времён спорт и поддержка спортсменов в европейской культуре оказались тесным образом связаны с выражением социально-политических интересов и симпатий.

После средневекового перерыва, когда спорт в прежнем смысле и формах практически прекратил своё существование, традиции боления и поддержки спортсменов путём организации «партий», «клубов» ярче всего возродилась в футболе, прежде всего на его родине, в Англии. Аналогично тому, как это было в Византии, поддержка своих спортсменов и команд оказалась тесно переплетена с клубным противостоянием, которое зачастую оказывалось не менее, а более важным, чем собственно спортивные соревнования. Так формировалась субкультура английских футбольных фанатов – «хулиганз» (хулиганы). Она повлияла на развитие футбольной субкультуры и в других странах, в том числе в России. В самой же Британии пошла на спад с конца 1990-х гг.

Современные движения и организации спортивных фанатов по-прежнему оказывают значительное влияние на жизнь команд и спортсменов. Древние традиции спонсорской поддержки в виде щедрых подарков от представителей политической элиты и состоятельных граждан приобрели новое дыхание в современном, коммерциализированном, обществе. Значительная часть успеха команды или спортсмена непосредственно зависит от наличия такой спонсорской поддержки. Спортсмены, чтобы оправдывать спонсорские надежды и вложения, вынуждены идти на всё более крайние и опасные для своего здоровья и даже жизни меры с целью достижения наивысших результатов. С одной стороны, такое положение вещей всё более становится объектом жёсткой кри-

тики и основанием для заявлений о вырождении спорта и наступлении эпохи постспорта, а с другой, как мы видим, оно имеет исторические корни.

Эти корни уходят не только в европейскую историю. Так, в Древнем и Средневековом Китае определённые виды спорта тоже были связаны с политическими и экономическими факторами. Например, большая часть императоров династии Тан (VII–X вв., эпоха расцвета страны) являлась ярким приверженцем игры в поло. Императоры сами участвовали в соревнованиях, а демонстрация отличных навыков игры со стороны их подданных могла обеспечить последним важные посты в государстве невзирая на их происхождение. Таким образом, спорт являлся одним из инструментов социальной мобильности, как и в современном мире.

Во многих государствах и цивилизациях высокого уровня развития поддержка спортсменов и спортивных команд начинала приобретать политическую и экономическую окраску и выходить за границы собственно соревнований.

С другой стороны, в истории сложилась и ныне существует другая категория спортивных состязаний – этносport. Это локальные спортивные состязания, сложившиеся у отдельных, как правило, небольших народов или этнических групп. Это то, с чего спорт начинался, это демонстрация навыков двигательной активности, тесно связанная с потребностями адаптации к природно-географической среде [5]. Такие состязания практически не связаны с факторами политической и экономической поддержки, они зачастую носят более игровой характер, по корням своим тесно связаны с традиционными обрядами (например, инициации) и религиозными ритуалами (например, праздничными). Таковы различные формы преодоления расстояний и препятствий, единоборства, логические игры и др. В таких культурах спорт, а точнее, игра, состязание – это сиюминутное переживание для зрителя, болельщика и демонстрация своих навыков и умений для непосредственного участника. В результате этого укрепляются социальные отношения и совершенствуется физическая культура членов данного сообщества, ведь большинство его представителей проходит через каждую из этих ролей.

Спортивная атрибутика и национальная идентичность. Важным инструментом взаимодействия между людьми, а особенно между группами людей, является так называемая атрибутика. Атрибутику можно понимать, с одной стороны, как совокупность отличительных признаков, общих для какого-либо ряда предметов, явлений (совокупность атрибутов-признаков), а с другой – как выражение идей, понятий или чувств с помощью определённых знаков, символов (близким здесь будет являться термин «символика»); то есть атрибутика является средством коммуникации (формирование и передача информации) и идентификации: видимые (одежда, причёска, украшения, аквагрим) или слышимые (язык, музыка) знаки служат средством демонстрации себя и распознавания «своих».

Атрибутика – явление универсальное, это типичный способ передачи информации и выражения чувств и идей в разных сферах нашей жизни. Есть атрибутика религиозная, театральная, праздничная, и пр. [4], в том числе спортивная. В первую очередь атрибутика складывается из неких вещей, предметов, которые не только выполняют утилитарную, практически полезную функцию (например, головной убор защищает голову от солнечных лучей или дождя), но и имеют символическое значение (например, цвета и изображения на головном уборе символизируют, обозначают определённую страну или спортивный клуб). Потенциально таким атрибутом может стать практически любая вещь, так как предметы в принципе способны становиться такими знаками (символами), выражать идеи и чувства. Но в спорте сложился ряд определённых, хотя и довольно условных, основных типов атрибутики [2]. Во-первых, элементы одежды для болельщиков (футболки, шарфы, головные уборы и т. д.). Как было отмечено, потребность пришедших на спортивное соревнование людей быть не просто пассивными наблюдателями, а активными болельщиками и участниками событий, а именно воодушевлять команду своей поддержкой, очень сильна. И для того чтобы стать «дополнительным игроком» в команде, ты облачаешься в её форму. Это усиливает эффект сопричастности, поэтому большое количество болельщиков считает необходимым выглядеть так, чтобы спортсмены сразу выделяли «своих» из числа прочих зрителей и более эмоционально воспринимали их поддержку. Во-вторых, это различные предметы с символикой клубов,

сборных команд или соревнований. Наиболее часто носителями символики являются флажки, трещотки, клаксоны, авторучки, блокноты, зажигалки, часы, календари и тому подобные предметы. Через эти предметы, например, блокнот или авторучку, болельщик может выражать свою спортивную идентичность и лояльность и за пределами стадиона, что укрепляет его преданность команде. В среде российских футбольных болельщиков сложилась традиция распространения, популяризации образа своей команды через стикеры, которые приклеиваются в публичных местах. Часть традиции – фотографирование болельщиков на фоне объекта со стикером и, возможно, дальнейшее распространение фотографий в социальных сетях или на специализированных сайтах. Например, на официальном сайте владимирского футбольного клуба «Торпедо» есть специальная рубрика «С «Торпедо» по всей планете», в которой болельщиков при посещении какой-либо страны или города призывают сделать фотографию в футболке клуба или с чёрно-белым шарфом (клубные цвета) для размещения на сайте.

Среди прочих типов атрибутики и символики выделяют сувениры спортивной направленности, средства звуковой поддержки (трещотки, клаксоны, дудки и пр.), значки, вымпелы и памятные медали.

С одной стороны, эти атрибуты приобрели универсальный характер в современном спорте, с другой стороны, есть культурные вариации применения этой атрибутики, когда те или иные предметы наилучшим образом выражают дух культуры, культурную идентичность. Соответственно, такой способ выражения идентичности и поддержки будет в целом наиболее близок как болельщикам, так и спортсменам, представителям определённой культуры.

Например, во время Чемпионата мира по футболу 2010 года в ЮАР стали широко известны так называемые вувузелы – длинные, до 1 м, рожки. Само слово в переводе с языка зулусов означает «делать шум», именно этим эффектом и прославился данный спортивный атрибут. При том, что вувузела – авторское изобретение и её история насчитывает всего около полувека (хотя, несомненно, в африканской традиционной культуре присутствовали определённые аналоги), оно было активно поддержано южноафриканскими болельщиками. В то время как недовольные, преимущественно из других стран мира, критиковали вувузелы за производимый ими бессистемный шум, мешающий сосредоточиться игрокам и тренерам, сами южноафриканцы заявляли, что это часть их футбольной культуры и способ выражения своей идентичности и поддержки команде. В своё время президент ФИФА Зепп Блаттер в ответ на критику вувузел и призыв к их запрету написал в своём блоге: «Я всегда говорил, что Африка – это другой ритм, другой звук. Я не вижу причин запрещать фанатам следовать их музыкальным традициям в их же собственной стране» [3].

Когда речь идёт о поддержке сборной команды или отдельных спортсменов из своей страны на международных соревнованиях, в качестве спортивных атрибутов часто выступают атрибуты политические, например, государственные флаги, исполнение болельщиками государственного гимна. Также могут формироваться своеобразные гибридные атрибуты, например, Государственный флаг России дополняется изображением медведя, символизирующего русский народ. Это происходит по причине того, что в рамках международных соревнований на первый план у многих зрителей выходит идентичность национальная, то есть ощущение и позиционирование себя представителем той или иной нации, понимаемой как граждане определённого государства [1]. В этом отношении интересна ситуация, сложившаяся в связи с запретом на присутствие национальной символики России на Олимпийских играх 2018 года. Чтобы сохранить возможность выражения своей национальной идентичности на международных соревнованиях, для того чтобы иметь возможность идентифицировать «своих» и оказывать поддержку российским спортсменам, оставаясь для них узнаваемыми, были разработаны варианты спортивной атрибутики, в частности, одежды, в которых государственные, политические национальные символы (например, изображение российского флага) замещались культурными национальными символами. Так, была обыграна эмблема OAR «Олимпийский атлет из России» и появились футболки с изображением рычащего медведя – национального (не политического, но культурного) символа России и с надписью OARRRRR, имитирующей рёв.

Столь значительная роль атрибутики, стремление многообразными способами отличить «своих» от «чужих», проекция разграничения и за пределы соревновательного пространства (например, через расклеивание стикеров) ставит вопрос о том, насколько спорт в современном мире является ценностью сам по себе, как феномен физической культуры, а не инструмент формирования и выражения национальной и иной групповой идентичности. Крупнейшие международные соревнования подчёркивают тот факт, что соревнуются не только и не столько спортсмены, сколько страны, государства, народы. Это прочитывается даже семантически: понятие «международный» означает относящийся к связям между народами, странами; осуществляемый между народами. На самых значимых в современном мире международных соревнованиях – Олимпийских играх – подсчитывается медальный рейтинг стран, медали приносятся спортсменами «в копилку страны», Игры открываются парадом атлетов под национальными флагами. Атлеты же, лишённые возможности шествовать на открытии и вообще выступать под национальным флагом, поскольку в их стране по тем или иным причинам нет международно признанного национального олимпийского комитета, «группируются» под олимпийских флагом. И несмотря на то, что подобный их статус может вызывать сочувствие со стороны болельщиков и спортивной общественности (например, «сборная беженцев», выступавшая на Играх 2016 года), в целом положение таких атлетов можно охарактеризовать как маргинальное, поскольку их групповая принадлежность в том или ином смысле находится под вопросом.

Для более глубокого изучения степени влияния аспекта национальной идентичности на восприятие спортивных состязаний нами было проведено эмпирическое исследование среди жителей г. Владимира. Было опрошено около 150 человек, представителей двух возрастных групп: 17–25 и 42–50 лет, для выявления возможных поколенческих различий; также было проведено сопоставление данных по гендерному основанию. Респондентам в личной беседе в качестве зрителей предлагалось оценить по десятибалльной шкале степень важности ощущения гордости за достижения спортсменов своей страны (B1 в табл. 1); частоту переживания положительных эмоций в связи с достижениями спортсменов из других стран (B2 в табл. 1); степень потенциальной привлекательности спорта без национально-государственной спортивной атрибутики (флагов, названий стран на экипировке, трибунах, исполнения гимна и т. п.) (B3 в табл. 1); степень потенциальной привлекательности спорта без национально-культурной символики (цветов страны, изображений с символами страны и родной культуры, исполнения национальных песен и т. п.) (B4 в табл. 1).

Анализ данных – подсчёт средних показателей по группам возрастным, гендерным, по выборке в целом, а также удельный вес максимальных (9-10 баллов) и минимальных (1-2 балла) вариантов ответа – показал следующие результаты:

1. Для представителей старшей возрастной группы несколько более значимо выражение в спорте национальной (как государственной, так и культурной) идентичности, чем для представителей младшей возрастной группы.
2. Представители младшей возрастной группы чаще испытывают положительные эмоции в связи с достижениями спортсменов из других стран, чем представители старшей возрастной группы.
3. Для женщин несколько более значимы символы культурной идентичности, в то время как для мужчин – символы государственной, политической идентичности.
4. В целом разница между двумя возрастными группами более заметна, чем между гендерными группами.

Средние показатели по ответам респондентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Респонденты	B1	B2	B3	B4
17–25	7,7	5,4	4,5	4,5
42–50	7,4	4,1	4,1	4,2
муж.	7,5	5,1	4,3	4,4

Продолжение таблицы 1

Респонденты	B1	B2	B3	B4
жен.	7,6	4,7	4,4	4,4
все	7,6	4,9	4,4	4,4

В эпоху глобализации, частичного размывания границ и почвы под ногами соревнования и поддержка национальных сборных выполняют компенсирующую функцию. Спорт без национальной, культурной, региональной или иной коллективной идентичности признаётся лишь в своих первичных, традиционных, игровых, а для многих – примитивных формах. Так как спорт – универсальный феномен мировой культуры, он становится единой площадкой игры, в рамках которой по определённым правилам безопасно проигрывается, прорабатывается как спортсменами, так и болельщиками сложность современного мира. Но безопасность и устойчивость игры сохраняются до тех пор, пока соблюдаются её правила, в противном случае происходит стремительная деградация самой сути спорта и спортивных состязаний – спорт становится источником потенциальных и реальных конфликтов, далеко выходящих за его собственные пределы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев, К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект / К. С. Гаджиев [Электронный ресурс] // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (дата обращения: 14.05.2018).
2. Галкин, В. В. Спортивный бизнес для менеджеров / В. В. Галкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vadim-galkin.ru/articles/books/sportivnyj-biznes-dlya-menedzherov/> (дата обращения: 20.05.2018).
3. Зюс, А. Что такое вувузела, или Эта статья опасна для вашего слуха! / А. Зюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/sport/other/chto_takoe_vuvuzela_ili_eta_statya_opasna_dlya_vashego_sluha (дата обращения: 03.04.2018).
4. Иванова, С. Ю. «Русская этническая» и «российская» идентичность: соотношение понятий [Электронный ресурс] / С. Ю. Иванова, М. М. Шульга // Вестник Южного научного центра РАН. – 2010. – Т.6. – № 4. – Режим доступа: <http://www.ssc-ras.ru/files/files/Ivanova.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
5. Кыласов, А. Этноспорт. Конец эпохи вырождения [Электронный ресурс] / А. Кыласов. – Режим доступа: <http://ethnosport.ru/files/nlm03h-tge-kylasov-ethnosport.pdf> (дата обращения: 18.01.2018).

Михайлова Н. В.
N. V. Mihailova

СПОРТИВНОЕ БОЛЕНИЕ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

SPORT SUPPORT AND COLLECTIVE IDENTITY

Михайлова Надежда Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и истории культуры Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Россия, Владимир); 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; тел.: + 7 (960) 721-09-62. E-mail: cnadezhda@yahoo.com.

Ms. Nadezhda V. Mihailova – PhD in history, associate professor, Museology and History of Culture Department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov (Russia, Vladimir); 600000, Vladimir, 87 Gorky str.; tel.: + 7 (960) 721-09-62. E-mail: cnadezhda@yahoo.com.

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена спортивного боления, а также его связи с различными типами коллективной идентичности. Тема разрабатывается автором в междисциплинарном общественно-научном ключе. В статье даётся общая характеристика современного спорта с его противоречиями и глокальной сущностью; раскрывается содержательное ядро спортивного боления как социокультурной практики и его обусловленность культурными факторами; обозначается включённость спорта и спортивной поддержки в более широкую систему социальных отношений, в том числе политических и экономических; раскрывается связь спортивного боления с переживанием и выражением коллективных идентичностей, в том числе через спортивную атрибутику. В заключении автор представляет результаты эмпирического исследования, посвящённого анализу степени влияния феномена национальной идентичности на восприятие спортивных состязаний.

Summary. The article is devoted to the analysis of a sport support phenomenon, as well as its connection with different types of collective identity. The author reveals the theme in an interdisciplinary social science perspective. The article gives a general description of modern sport possessing contradictory and glocal essence; reveals the content of sport support as a socio-cultural practice and its conditionality by cultural factors; and indicates the involvement of sports and sport support in a wider system of social relations, including political and economic ones. The author investigates the connection of sport support with experience and expression of collective identities, including the role of sport attributes. In conclusion, the author presents the results of the empirical study – how much the national identity phenomenon influences the perception of sport competitions.

Ключевые слова: спортивное боление, коллективная идентичность, национальная идентичность, спортивная атрибутика, национальные символы.

Kew words: sport support, collective identity, national identity, sport attributes, national symbols.

УДК 796.01

Спорт является неотъемлемой составной частью как общечеловеческой культуры в целом, так и отдельных национальных и этнических культур. К нему сегодня относят современные развлечения с использованием новейших достижений технологического прогресса, в том числе средств массовой коммуникации, а также традиционные игры, связанные с национальными укладами и обычаями.

Наиболее влиятельной во всём мире является англо-саксонская модель состязательности [5], тесно связанная с интенсивным развитием массовой культуры с конца XIX века. Эта модель включает в себя виды спорта, популярные в британской аристократической среде (позднее и у американской элиты): гольф, теннис, гребля, скачки и пр., а также виды спорта, популярные в массовой среде, у рабочего класса: футбол, хоккей с мячом и др. Эти виды состязаний испытали влияние английской клубной культуры, подверглись институционализации (формирование различных спортивных ассоциаций и организаций) и жёсткой регламентации.

Со временем данный формат приобрёл глобальный характер и стал ассоциироваться со словом «спорт». Его чертами ныне являются сакрализация спорта, тесно связанная с продвижением идеалов «олимпизма», а также коммерциализация. Обе эти черты порождают культ героев, свойственный современному глобальному спорту. Повышенный интерес в современном обществе к спортивным шоу и драматизм состязаний рождает чувства, родственные катарсису и экстазу. Это во многом обусловлено жертвенностью атлетов, которая маскирует и оправдывает развлекательный и коммерческий характер современного спорта, переводя его из сферы досуга и развлечений в область высших духовных ценностей.

Будучи глобальным и интернациональным по своему характеру, спорт в то же время принимает национальную и культурную окраску. Это типичная черта эпохи глобализации, когда тот или иной глобальный феномен встраивается, адаптируется к конкретной культурой среде. Человек и группы людей, таким образом, получают возможность приобщиться к интернациональным трендам и явлениям и в то же время сохранить или даже подчеркнуть свою национальную и культурную идентичность.

Национальные традиции спортивного боления. «Боление» – достаточно устойчивый в русском языке термин, обозначающий действие от глагола «болеть», то есть (в одном из своих значений) оказывать поддержку участнику соревнований, переживать за участника соревнований. Словосочетание «оказывать поддержку», слово «переживать» говорят об особом чувстве вовлечённости, причастности, которое испытывают болельщики. Болельщики являются не только зрителями, объектами, но и важнейшими участниками, субъектами соревновательного процесса. Их задача – создание соответствующей психологической атмосферы, пронизанной чувством общественного сплочения, атмосферы, в которой действует и соревнуется уже не собственно спортсмен или команда, а некие коллективные силы, сгустки психической энергии. Создание такой атмосферы – креативный процесс, воплощающий творческое отношение к сути, задачам и традициям боления. Креативность – важная ценность в среде болельщиков, умение чутко откликаться на ход событий, импровизировать, тем самым в полной мере ощущая себя сотворцом происходящего.

Национальные традиции спортивного боления, как и любые другие традиции, складывались под воздействием ряда факторов: исторических, социальных, политических, культурных, психологических. Традиции – широкое понятие, оно включает множество представлений, обрядов, привычек, навыков, которое передаётся из поколения в поколение и выступает одним из регуляторов общественных отношений. Традиции спортивного боления – комплекс, поведенческий и ментальный, включающий элементы (их много), с помощью которых болельщики оказывают поддержку спортсменам и выражают свои переживания за них.

С одной стороны, в современной спортивной интернациональной культуре сложились универсальные представления о способах выражения поддержки. Например, об использовании определённой спортивной атрибутики, о которой будет изложено ниже. С другой стороны, вышеуказанные факторы привносят национальное разнообразие в формы оказания спортивной поддержки.

Так, если говорить о футболе, выделяют определённые стили боления. Например, для английского стиля характерен упор на речевую поддержку: важны песни, речёвки, скандирования, гимны клубов. Немаловажной является и околофутбольная составляющая – физическое выяснение отношений с оппонентами вне футбольного поля. Это связано с тем, что значительная часть английских футбольных фанатов – костяк болельщиков – была и остаётся выходцем из определённых социальных слоёв рабочих. В отличие от регби – игры аристократов, в Англии футбол формировался как игра бедняков. Для болельщиков характерны были способы утверждения своей маскулинности, в том числе через демонстрацию своей физической силы и умение потреблять большое количество алкоголя.

Для итальянского стиля боления (в связи с особенностями национального психологического склада итальянцев) характерны темпераментность, упор на визуальную составляющую: флаги, баннеры, растяжки, красочные шоу. «Война транспарантов» в Италии ценится больше, чем обыкновенная драка.

Помимо национальных, складываются и региональные стили боления. Например, африканские болельщики тяготеют ко всякого рода звуковому сопровождению – на там-тамах, барабанах, трещотках, дуделках. Музыкальная культура – важнейшая часть африканской традиции.

С одной стороны, так называемая субкультура футбольных фанатов в разных странах и даже в разных городах тоже имеет свои особенности. С другой стороны, национальные стили боления уже пересекли национальные границы и нередко заимствуются болельщиками из других стран и регионов. Например, в современном российском футболе широко распространены и английский, и итальянский стили боления. Так, во время матчей команд, являющихся принципиальными соперниками, болельщики устраивают яркие перформансы в итальянском стиле.

Традиции поддержки спортсменов вне соревнований. Поддержка спортсменов – явление, выходящее за границы стадионов и спортивных залов. Она имеет более сложный и многогранный характер, чем боление. Это отражает сложную и комплексную сущность спорта как явления культурного и общественного, экономического и политического. Традиции поддержки спортсменов ведут своё начало с древности. Так, в Древнем Риме определённые группы людей начинают складываться вокруг гонщиков на колесницах. Эти люди не только болели за спортсменов из команды, но и помогали с организацией мероприятий, подбором персонала, организовывали поиск лучших лошадей.

Во время правления императора Нерона выделились 4 спортивные команды, конкурирующие друг с другом и отличающиеся по цветам. Они использовали красный, синий, зелёный и белый цвета. У каждой команды были страстные поклонники, в том числе и среди императоров, которые поддерживали любимых гонщиков щедрыми подарками. В связи с наличием такой поддержки «партии» набирали силу.

В Византии, куда данная система переместилась после распада Римской империи, объединения лиц, поддерживающих спортсменов, приобрели ещё большее влияние. Каждое из них воплощало определённую социальную и политическую силу, то есть приверженцами той или иной команды были в большинстве своём люди определённого социального слоя (например, аристократии) с определёнными политическими предпочтениями. Ввиду присутствия на соревнованиях императора, они становились важным политическим событием. Через аналоги современных кричалок, которые «заводящие» «партий» побуждали скандировать значительную часть болельщиков, выражалась не только поддержка своим спортсменам, но и какие-либо политические мнения и оценки. Нередки были и столкновения между «партиями», в том числе кровавые, поскольку каждая из «партий» обладала собственными военными ресурсами. Таким образом, с древних времён спорт и поддержка спортсменов в европейской культуре оказались тесным образом связаны с выражением социально-политических интересов и симпатий.

После средневекового перерыва, когда спорт в прежнем смысле и формах практически прекратил своё существование, традиции боления и поддержки спортсменов путём организации «партий», «клубов» ярче всего возродилась в футболе, прежде всего на его родине, в Англии. Аналогично тому, как это было в Византии, поддержка своих спортсменов и команд оказалась тесно переплетена с клубным противостоянием, которое зачастую оказывалось не менее, а более важным, чем собственно спортивные соревнования. Так формировалась субкультура английских футбольных фанатов – «хулиганз» (хулиганы). Она повлияла на развитие футбольной субкультуры и в других странах, в том числе в России. В самой же Британии пошла на спад с конца 1990-х гг.

Современные движения и организации спортивных фанатов по-прежнему оказывают значительное влияние на жизнь команд и спортсменов. Древние традиции спонсорской поддержки в виде щедрых подарков от представителей политической элиты и состоятельных граждан приобрели новое дыхание в современном, коммерциализированном, обществе. Значительная часть успеха команды или спортсмена непосредственно зависит от наличия такой спонсорской поддержки. Спортсмены, чтобы оправдывать спонсорские надежды и вложения, вынуждены идти на всё более крайние и опасные для своего здоровья и даже жизни меры с целью достижения наивысших результатов. С одной стороны, такое положение вещей всё более становится объектом жёсткой кри-

тики и основанием для заявлений о вырождении спорта и наступлении эпохи постспорта, а с другой, как мы видим, оно имеет исторические корни.

Эти корни уходят не только в европейскую историю. Так, в Древнем и Средневековом Китае определённые виды спорта тоже были связаны с политическими и экономическими факторами. Например, большая часть императоров династии Тан (VII–X вв., эпоха расцвета страны) являлась ярким приверженцем игры в поло. Императоры сами участвовали в соревнованиях, а демонстрация отличных навыков игры со стороны их подданных могла обеспечить последним важные посты в государстве невзирая на их происхождение. Таким образом, спорт являлся одним из инструментов социальной мобильности, как и в современном мире.

Во многих государствах и цивилизациях высокого уровня развития поддержка спортсменов и спортивных команд начинала приобретать политическую и экономическую окраску и выходить за границы собственно соревнований.

С другой стороны, в истории сложилась и ныне существует другая категория спортивных состязаний – этносport. Это локальные спортивные состязания, сложившиеся у отдельных, как правило, небольших народов или этнических групп. Это то, с чего спорт начинался, это демонстрация навыков двигательной активности, тесно связанная с потребностями адаптации к природно-географической среде [5]. Такие состязания практически не связаны с факторами политической и экономической поддержки, они зачастую носят более игровой характер, по корням своим тесно связаны с традиционными обрядами (например, инициации) и религиозными ритуалами (например, праздничными). Таковы различные формы преодоления расстояний и препятствий, единоборства, логические игры и др. В таких культурах спорт, а точнее, игра, состязание – это сиюминутное переживание для зрителя, болельщика и демонстрация своих навыков и умений для непосредственного участника. В результате этого укрепляются социальные отношения и совершенствуется физическая культура членов данного сообщества, ведь большинство его представителей проходит через каждую из этих ролей.

Спортивная атрибутика и национальная идентичность. Важным инструментом взаимодействия между людьми, а особенно между группами людей, является так называемая атрибутика. Атрибутику можно понимать, с одной стороны, как совокупность отличительных признаков, общих для какого-либо ряда предметов, явлений (совокупность атрибутов-признаков), а с другой – как выражение идей, понятий или чувств с помощью определённых знаков, символов (близким здесь будет являться термин «символика»); то есть атрибутика является средством коммуникации (формирование и передача информации) и идентификации: видимые (одежда, причёска, украшения, аквагрим) или слышимые (язык, музыка) знаки служат средством демонстрации себя и распознавания «своих».

Атрибутика – явление универсальное, это типичный способ передачи информации и выражения чувств и идей в разных сферах нашей жизни. Есть атрибутика религиозная, театральная, праздничная, и пр. [4], в том числе спортивная. В первую очередь атрибутика складывается из неких вещей, предметов, которые не только выполняют утилитарную, практически полезную функцию (например, головной убор защищает голову от солнечных лучей или дождя), но и имеют символическое значение (например, цвета и изображения на головном уборе символизируют, обозначают определённую страну или спортивный клуб). Потенциально таким атрибутом может стать практически любая вещь, так как предметы в принципе способны становиться такими знаками (символами), выражать идеи и чувства. Но в спорте сложился ряд определённых, хотя и довольно условных, основных типов атрибутики [2]. Во-первых, элементы одежды для болельщиков (футболки, шарфы, головные уборы и т. д.). Как было отмечено, потребность пришедших на спортивное соревнование людей быть не просто пассивными наблюдателями, а активными болельщиками и участниками событий, а именно воодушевлять команду своей поддержкой, очень сильна. И для того чтобы стать «дополнительным игроком» в команде, ты облачаешься в её форму. Это усиливает эффект сопричастности, поэтому большое количество болельщиков считает необходимым выглядеть так, чтобы спортсмены сразу выделяли «своих» из числа прочих зрителей и более эмоционально воспринимали их поддержку. Во-вторых, это различные предметы с символикой клубов,

сборных команд или соревнований. Наиболее часто носителями символики являются флажки, трещотки, клаксоны, авторучки, блокноты, зажигалки, часы, календари и тому подобные предметы. Через эти предметы, например, блокнот или авторучку, болельщик может выражать свою спортивную идентичность и лояльность и за пределами стадиона, что укрепляет его преданность команде. В среде российских футбольных болельщиков сложилась традиция распространения, популяризации образа своей команды через стикеры, которые приклеиваются в публичных местах. Часть традиции – фотографирование болельщиков на фоне объекта со стикером и, возможно, дальнейшее распространение фотографий в социальных сетях или на специализированных сайтах. Например, на официальном сайте владимирского футбольного клуба «Торпедо» есть специальная рубрика «С «Торпедо» по всей планете», в которой болельщиков при посещении какой-либо страны или города призывают сделать фотографию в футболке клуба или с чёрно-белым шарфом (клубные цвета) для размещения на сайте.

Среди прочих типов атрибутики и символики выделяют сувениры спортивной направленности, средства звуковой поддержки (трещотки, клаксоны, дудки и пр.), значки, вымпелы и памятные медали.

С одной стороны, эти атрибуты приобрели универсальный характер в современном спорте, с другой стороны, есть культурные вариации применения этой атрибутики, когда те или иные предметы наилучшим образом выражают дух культуры, культурную идентичность. Соответственно, такой способ выражения идентичности и поддержки будет в целом наиболее близок как болельщикам, так и спортсменам, представителям определённой культуры.

Например, во время Чемпионата мира по футболу 2010 года в ЮАР стали широко известны так называемые вувузелы – длинные, до 1 м, рожки. Само слово в переводе с языка зулусов означает «делать шум», именно этим эффектом и прославился данный спортивный атрибут. При том, что вувузела – авторское изобретение и её история насчитывает всего около полувека (хотя, несомненно, в африканской традиционной культуре присутствовали определённые аналоги), оно было активно поддержано южноафриканскими болельщиками. В то время как недовольные, преимущественно из других стран мира, критиковали вувузелы за производимый ими бессистемный шум, мешающий сосредоточиться игрокам и тренерам, сами южноафриканцы заявляли, что это часть их футбольной культуры и способ выражения своей идентичности и поддержки команде. В своё время президент ФИФА Зепп Блаттер в ответ на критику вувузел и призыв к их запрету написал в своём блоге: «Я всегда говорил, что Африка – это другой ритм, другой звук. Я не вижу причин запрещать фанатам следовать их музыкальным традициям в их же собственной стране» [3].

Когда речь идёт о поддержке сборной команды или отдельных спортсменов из своей страны на международных соревнованиях, в качестве спортивных атрибутов часто выступают атрибуты политические, например, государственные флаги, исполнение болельщиками государственного гимна. Также могут формироваться своеобразные гибридные атрибуты, например, Государственный флаг России дополняется изображением медведя, символизирующего русский народ. Это происходит по причине того, что в рамках международных соревнований на первый план у многих зрителей выходит идентичность национальная, то есть ощущение и позиционирование себя представителем той или иной нации, понимаемой как граждане определённого государства [1]. В этом отношении интересна ситуация, сложившаяся в связи с запретом на присутствие национальной символики России на Олимпийских играх 2018 года. Чтобы сохранить возможность выражения своей национальной идентичности на международных соревнованиях, для того чтобы иметь возможность идентифицировать «своих» и оказывать поддержку российским спортсменам, оставаясь для них узнаваемыми, были разработаны варианты спортивной атрибутики, в частности, одежды, в которых государственные, политические национальные символы (например, изображение российского флага) замещались культурными национальными символами. Так, была обыграна эмблема ОАР «Олимпийский атлет из России» и появились футболки с изображением рычащего медведя – национального (не политического, но культурного) символа России и с надписью OARRRRR, имитирующей рёв.

Столь значительная роль атрибутики, стремление многообразными способами отличить «своих» от «чужих», проекция разграничения и за пределы соревновательного пространства (например, через расклеивание стикеров) ставит вопрос о том, насколько спорт в современном мире является ценностью сам по себе, как феномен физической культуры, а не инструмент формирования и выражения национальной и иной групповой идентичности. Крупнейшие международные соревнования подчёркивают тот факт, что соревнуются не только и не столько спортсмены, сколько страны, государства, народы. Это прочитывается даже семантически: понятие «международный» означает относящийся к связям между народами, странами; осуществляемый между народами. На самых значимых в современном мире международных соревнованиях – Олимпийских играх – подсчитывается медальный рейтинг стран, медали приносятся спортсменами «в копилку страны», Игры открываются парадом атлетов под национальными флагами. Атлеты же, лишённые возможности шествовать на открытии и вообще выступать под национальным флагом, поскольку в их стране по тем или иным причинам нет международно признанного национального олимпийского комитета, «группируются» под олимпийских флагом. И несмотря на то, что подобный их статус может вызывать сочувствие со стороны болельщиков и спортивной общественности (например, «сборная беженцев», выступавшая на Играх 2016 года), в целом положение таких атлетов можно охарактеризовать как маргинальное, поскольку их групповая принадлежность в том или ином смысле находится под вопросом.

Для более глубокого изучения степени влияния аспекта национальной идентичности на восприятие спортивных состязаний нами было проведено эмпирическое исследование среди жителей г. Владимира. Было опрошено около 150 человек, представителей двух возрастных групп: 17–25 и 42–50 лет, для выявления возможных поколенческих различий; также было проведено сопоставление данных по гендерному основанию. Респондентам в личной беседе в качестве зрителей предлагалось оценить по десятибалльной шкале степень важности ощущения гордости за достижения спортсменов своей страны (B1 в табл. 1); частоту переживания положительных эмоций в связи с достижениями спортсменов из других стран (B2 в табл. 1); степень потенциальной привлекательности спорта без национально-государственной спортивной атрибутики (флагов, названий стран на экипировке, трибунах, исполнения гимна и т. п.) (B3 в табл. 1); степень потенциальной привлекательности спорта без национально-культурной символики (цветов страны, изображений с символами страны и родной культуры, исполнения национальных песен и т. п.) (B4 в табл. 1).

Анализ данных – подсчёт средних показателей по группам возрастным, гендерным, по выборке в целом, а также удельный вес максимальных (9-10 баллов) и минимальных (1-2 балла) вариантов ответа – показал следующие результаты:

1. Для представителей старшей возрастной группы несколько более значимо выражение в спорте национальной (как государственной, так и культурной) идентичности, чем для представителей младшей возрастной группы.
2. Представители младшей возрастной группы чаще испытывают положительные эмоции в связи с достижениями спортсменов из других стран, чем представители старшей возрастной группы.
3. Для женщин несколько более значимы символы культурной идентичности, в то время как для мужчин – символы государственной, политической идентичности.
4. В целом разница между двумя возрастными группами более заметна, чем между гендерными группами.

Средние показатели по ответам респондентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Респонденты	B1	B2	B3	B4
17–25	7,7	5,4	4,5	4,5
42–50	7,4	4,1	4,1	4,2
муж.	7,5	5,1	4,3	4,4

Продолжение таблицы 1

Респонденты	B1	B2	B3	B4
жен.	7,6	4,7	4,4	4,4
все	7,6	4,9	4,4	4,4

В эпоху глобализации, частичного размывания границ и почвы под ногами соревнования и поддержка национальных сборных выполняют компенсирующую функцию. Спорт без национальной, культурной, региональной или иной коллективной идентичности признаётся лишь в своих первичных, традиционных, игровых, а для многих – примитивных формах. Так как спорт – универсальный феномен мировой культуры, он становится единой площадкой игры, в рамках которой по определённым правилам безопасно проигрывается, прорабатывается как спортсменами, так и болельщиками сложность современного мира. Но безопасность и устойчивость игры сохраняются до тех пор, пока соблюдаются её правила, в противном случае происходит стремительная деградация самой сути спорта и спортивных состязаний – спорт становится источником потенциальных и реальных конфликтов, далеко выходящих за его собственные пределы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев, К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект / К. С. Гаджиев [Электронный ресурс] // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (дата обращения: 14.05.2018).
2. Галкин, В. В. Спортивный бизнес для менеджеров / В. В. Галкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vadim-galkin.ru/articles/books/sportivnyj-biznes-dlya-menedzherov/> (дата обращения: 20.05.2018).
3. Зюс, А. Что такое вувузела, или Эта статья опасна для вашего слуха! / А. Зюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/sport/other/chto_takoe_vuvuzela_ili_eta_statya_opasna_dlya_vashego_sluha (дата обращения: 03.04.2018).
4. Иванова, С. Ю. «Русская этническая» и «российская» идентичность: соотношение понятий [Электронный ресурс] / С. Ю. Иванова, М. М. Шульга // Вестник Южного научного центра РАН. – 2010. – Т.6. – № 4. – Режим доступа: <http://www.ssc-ras.ru/files/files/Ivanova.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
5. Кыласов, А. Этноспорт. Конец эпохи вырождения [Электронный ресурс] / А. Кыласов. – Режим доступа: <http://ethnosport.ru/files/nlm03h-tge-kylasov-ethnosport.pdf> (дата обращения: 18.01.2018).

Шикалева И. А.

ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТОНАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Шикалева И. А.

I. A. Shikaleva

ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТОНАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSLATION OF TRADITIONAL VALUES IN THE FORMATION OF INTONATION CULTURE

Шикалева Ирина Анатольевна – консультант по общим вопросам ГАУК КО «Кемеровская государственная областная филармония имени Б. Т. Штоколова»; исследователь, преподаватель-исследователь ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», (Россия, Кемерово); 650071, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Благодатная, 59; тел.: + 7 (903) 993-77-77. E-mail: Schik.irina@gmail.com.

Ms. Irina A. Shikaleva – Kemerovo State Institute of Culture Consultant on general issues, Kemerovo State Regional Philharmonic named after B. T. Shtokolov; researcher, teacher-researcher of the Kemerovo State Institute of culture (Russia, Kemerovo); 650071, Kemerovo region, Kemerovo, 59 Blagodatnaya str.; tel.: +7 (903) 993-77-77. E-mail: Schik.irina@gmail.com.

Аннотация. Нарушение содержательных особенностей трансляции традиционных ценностей в условиях современности приводит к значительной трансформации духовной сферы, требующей сохранения устойчивых смыслов и значений. Одним из способов реализации возможности преодоления существующих проблем может быть актуализация значимости интонационной культуры, обеспечивающей сохранение жизненных интенций в процессах коммуникации. Автор, обращая внимание на то, что интонация является формой первичной психической активности личности, детерминирующей смысловое значение высказываний, утверждает необходимость рассмотрения интонации в аспекте развития знаково-интонирующей функции сознания, служащей импульсом становления всей интонационной системы, в основе которой лежит механизм трансляции традиционных ценностей. В статье анализируется интонирующее сознание как общая знаково-символическая функция психики, которая действует как «индивидуальный фильтр», способствующий включению интонации в контекст «прогрессивного развития культуры» (Л. Уайт). Автором рассматривается генезис форм интонирования и основные пласты музыкально-символической реальности, характеризующих феномен интонационной культуры, и делается вывод о том, что интонационная культура является своеобразным резервуаром эталонных знаков и символов, пополняемым с помощью творческой активности людей, который, аккумулируя содержание коммуникативных структур социокультурного пространства, служит универсальной системой трансляции традиционных ценностей и выступает средством регулирования ценностного комплекса культуры, влияющего должным образом на уровень развития коммуникативных способностей личности.

Summary. Violation of the content features of the translation of traditional values into the conditions of modernity leads to a significant transformation of the spiritual sphere, requiring the preservation of stable meanings. One of the ways to realize the possibility of overcoming existing problems can be the actualization of the significance of the intonation culture, ensuring the preservation of life intentions in communication processes. The author, drawing attention to the fact that intonation is a form of the primary mental activity of a person, that determines the semantic value of statements, considers the intonation in terms of the sign-intoning function of consciousness, which serves as the impetus for the formation of the entire intonation system, based on the mechanism of traditional values translation. The article analyzes the intoning consciousness as a common sign-symbolic function of the psyche, which acts as an «individual filter» that helps to incorporate intonation into the context of the progressive development of culture (L. White). The author examines the genesis of intonation forms and the main layers of musical-symbolic reality, which characterize the phenomenon of intonation culture. The author also concludes that intonation culture is a kind of reservoir of reference signs and symbols, replenished with the help of creative activity of people, accumulating the content of communicative structures of social and cultural space. The intonation culture serves as a universal system of traditional values translation and acts as a means of regulating the value complex, influencing properly the level of development of communication skills of the individual.

Ключевые слова: трансляция традиционных ценностей, музыкальная культура, интонирующее сознание, интонация/интонирование, интонационная культура.

Key words: traditional values translation, musical culture, intoning consciousness, intonation/intoning, intonation culture.

УДК 008

Динамичные изменения современной культуры, связанные с появлением новых коммуникационных технологий, возрастанием объёма информации, значительно воздействуют на взаимоотношения людей. Наблюдается зависимость человека от масс-медиа, новейших технических разработок, способных облегчить получение необходимой информации, что нивелирует «живое общение», характеризующееся обращением к многообразию форм вербальной и невербальной коммуникации.

Обращаясь к этой проблеме, О. А. Гришина справедливо отмечает: «Живая речь обычно выражает неизмеримо больше, чем она обозначает. Подлинный, конкретный смысл раскрывается не только через значения и смысл слов, но, в большей мере, через эмоциональные и выразительные средства (интонация, модуляция голоса, ритмико-мелодический компонент, пауза и т. д.)» [2, 32]. В результате ограничения возможностей невербальной коммуникации, нивелирования эмоционального участия в процессе общения трансформируется характер взаимопонимания людей, который начинает определяться решением сугубо практических задач. Подобное изменение жизненных ориентиров приводит к непоправимым потерям, связанным с нарушением доверительных отношений, утрате ответственной позиции, требующей обращения к устойчивым ценностным ориентирам.

Рассматривая проблемы трансляции традиционных ценностей в различных коммуникационных формах, представляющих собой «совокупность вербальных или вербально-невербальных структур, циркулирующих в бытовой практике», специалисты возлагают большие надежды на функционирование социальных институтов коллективного творчества, обеспечивающих сохранение и развитие традиционной культуры [5]. Большинство фольклористов и этнографов (К. В. Чистов, П. Г. Богатырёв, Н. Н. Мамонтова, А. С. Каргин, А. В. Костина и др.), подчёркивая необходимость актуализации связи культуры и традиции, указывают на возможность сохранения ценностного опыта в формах непосредственной коммуникации, выступающей в качестве «функционального предшественника системы образования» [13, 337]. По мнению А. В. Захарова, «живое общение» поддерживается обращением к традиционным ценностям, определяющим базовый социальный механизм, с помощью которого воспроизводится культура [4]. Их рассмотрение в аспекте социальной коммуникации способствует открытию регулятивных принципов социализации и инкультурации личности, способной принимать социокультурный опыт народа и осуществлять отбор «наиболее существенных форм социально значимой деятельности людей» [13]. Таким образом, актуализируются традиционные ценности, для которых характерны, по мнению А. В. Захарова, «селективность в отношении культурного материала, устойчивость и повторяемость, действенность (нацеленность на реальные поступки и практические потребности культурной жизни), многозначность, авторитарность» [4, 106].

Эти установки реализуются в обращении к вербальной коммуникации, во многом обусловленной спецификой её интонационных форм. Доминирующее значение интонации в отношении к артикулируемой речи определяется её ранним происхождением, что отмечается многими антропологами (Э. Кондильяк, Э. Тайлор, Л. Г. Морган, А. Уоллес, В. Вундт и др.) [14]. Например, в работе А. В. Тороповой утверждается, что интонация как элемент и «способ символизации переживания» смысла имеет чётко выраженное отношение к «сущностным сторонам формирования естественной речи, её коммуникативной направленности, процессам восприятия, мышления, понимания и общения» [11, 72]. Рассуждая о том, что интонация/интонирование точнее, чем речь отражает происходящие «интрапсихические» проявления личности, действуя как своеобразная «эхо-локация» происходящих психических процессов, А. В. Торопова приходит к убеждению, что интонация, сопровождая становление эмоциональной, когнитивной сферы, «является формой пер-

вичной психической активности личности, способствующей развитию знаково-интонирующей функции сознания» [11, 75].

Исследуя генезис форм интонирования в структуре музыкально-языкового сознания, А. В. Торопова выделяет три основных пласта на срезе музыкально-символической реальности, которые отражают следующие уровни смыслообразования: общий (архетипический), особенный (культурно-языковой), знаковый. Первый уровень закрепляется в универсалиях музыкальных языков так же, как в пластическом и речевом интонированиях; второй уровень представляет культурно-конвенциональные языковые стереотипы интонирования переживаний (этнокультурный интонационный словарь речевого, жестового и музыкального интонирования); третий уровень – устоявшиеся интонационно-семиотические формулы, закрепившиеся знаки этно-, социо- и религиозной культур, проявляющиеся в языковых ветвях сознания и маркирующие его многосоставную идентичность – речевые, пластические, музыкальные «шаблоны интонирования» [11, 79-80].

Эти пласты музыкально-символической реальности, по нашему убеждению, характеризуют феномен интонационной культуры, в котором интонация как показатель или состояние тонового (интонационного) напряжения, обуславливающая и «речь словесную», и «речь музыкальную», служит импульсом для становления и развития всей интонационной системы [1, 355]. В связи с этим Б. В. Асафьев рассуждает: «Возможно, например, что интонация как явление осмысления тембра (то качество, по которому люди отличают голос матери, родного ребёнка, любимой женщины или родную речь независимо от содержания произносимых звуков и независимо от ощущения и эмоции) имела наибольшее влияние на образование и закрепление в сознании неких «констант» – постоянных звуко-связей, которые рождали мелос – осмысленно-напевную речь; и уже из неё «дистиллировались» прочные звуко-связи, то есть интервалы. В этом своём качестве (осмысление тембра) интонация действует и за речью, и за музыкой, предшествуя им» [1, 240].

Характеризуемая обращением к символическим смыслам, интонационная культура формировала своё содержание, находясь в тесном взаимодействии с речью и музыкой, что особенно ярко демонстрируют и устно-поэтический, и музыкальный фольклоры (эволюция слова проходила в неизменной близости от развития музыкального искусства). Б. В. Асафьев подчёркивает, что в музыке устной традиции (народной по преимуществу), создаваемой и передаваемой только интонационно, отсутствует разрыв между изобретением, воспроизведением и восприятием, однако в дальнейшем это единство было нарушено: «Разрастание музыкальной жизни, обеспечившее прогресс европейской музыки, создало и указанное противоречие, и отрыв друг от друга «трёх двигателей» единого процесса» [1, 300]. Таким образом, исследователь приходит к выводу о том, что развитие интонационной культуры было обусловлено интенсивным ростом музыкального искусства и пониманием его содержательной значимости, что спровоцировало наличие «длительной и сложной борьбы за место, сопряжение и смысл звучания каждого интервала в ладовой системе, в которой смена звукорядов – следствие социального отбора, осуществляемого «ухом» общественного человека» [1, 241-364]. Многозначность содержания, свойственная «словам-образам-понятиям» языков в первичной стадии их развития, первоначально воспринимаемая людьми через интонационное высказывание в форме музыки, жеста, слова, образа, то есть «знака реальности», со временем «дифференцировалась для слуха людей первобытных культур тончайшими нюансами интонации», что в дальнейшем привело к образованию различных видов интонационных искусств [1].

До момента дифференциации прошло не одно столетие длительной и сложной борьбы за утверждение самостоятельного статуса каждого интервала, каждого интонационного комплекса, каждого искусства. Формирование интонационной культуры шло в неразрывном единстве с общей эволюцией культуры, прогрессивное содержание которой в отношении к развитию артикулируемой речи Л. Уайт объяснял следующим образом: «...артикулируемая речь означает обмен мыслями; обмен мыслями означает сохранение – традицию, а сохранение означает накопление и прогресс» [12, 50].

Рассматривая интонацию в отношении к *прогрессивному развитию культуры* (Л. Уайт), Б. В. Асафьев выделяет следующие способы её образования:

- первое звено – индивидуализация человеческой мысли и чувства. Здесь музыкальная интонация находит основное формирующее её русло в пении-дыхании и в «человечнейшем» из всех элементов музыки средстве выражения – в мелодии, появление которой свидетельствует о вековых усилиях человеческой мысли, приведших её к свободе и самостоятельному развитию: «Ни в области поэзии, ни в области музыки мы не достигли бы таких высот в культурной истории человечества, если бы в первобытном человечестве наряду с разработанной «осязательной» речью руки не существовала чуткая и тонкая «интонационная речь», вернее язык интонаций» [1, 240].

- второе звено – выход мелодического начала за пределы вокальности, когда мелодией овладевает инструментальная культура той эпохи и появляется концертирующий, а затем и квартетный стиль как высшее выражение музыки-мысли [1, 322]. На данном этапе развития музыкальная интонация «особым образом расширила и обогатила отношения человека с миром, наделив их ценностным и выразительным характером, наиболее ярко характеризую интонационную сторону культуры» [8; 9].

- третье звено – развитие театра (от пантомимы до балета). Этому процессу, как утверждает Б. В. Асафьев, способствовала музыкально-интонационная реформация Италии XVI–XVII вв., приведшая к самостоятельному выявлению, становлению и развитию оперы. Быстрое распространение оперного искусства можно объяснить «становлением всей интонационной культуры человечества как общения людей», выражающимся «полнотой выразительности музыкальной интонации, эволюцией ритма, слова, музыкального звука, достигнутой в образах мелодии» [1, 322-324].

Именно музыка, являясь высшей формой проявления интонационной культуры и обладая уникальными интегративными возможностями – «лечебной силой воздействия» [7, 341], «философским содержанием, диалектическим характером развития, обобщённостью образов, динамичностью интонационной природы, символичностью, непосредственностью эмоционального воздействия, способностью моделировать человеческие эмоции» [10, 12], стала тонко воспроизводить явления, связанные с культивированием ключевых ценностных ориентиров, которые не отменяются «кризисом интонаций» [1, 322-324], а осмысляются, укореняются и переходят в высшее художественное качество, способствующее росту духовно-эстетической, организационно-творческой, содержательной форм интонационной культуры.

В результате активной художественно-творческой деятельности музыкальная мысль явилась составляющей интеллектуальной культуры, идейная целеустремлённость композитора-мыслителя привела к необходимости воспроизводства смыслов на высочайшем профессиональном уровне в искусстве. Отмечая особенности данного процесса, Т. С. Князева пишет: «Если в речевом сообщении интонация часто является сопутствующим явлением, не несущим информационной нагрузки, то в искусстве интонация становится основным носителем художественной информации, художественного смысла... Она представляет собой “энциклопедию мироощущения,” диапазон которой простирается от “простейших эмоций до целостных мироощущений и мирозерцаний и образует интонационное поле культуры”» [6].

При взаимодействии с музыкой осуществляемая человеком символизация переживаний производит запуск «интонирующего сознания» (А. В. Торопова), которое служит своеобразным мостом между «биологической информацией, выраженной в переживаниях человека и его общественно-социальной сущностью – межличностным пространством людей, общения, культуры, социума, традиций, моделей жизни» [9]. Участвуя в процессе формирования интонационной культуры, феномен «интонирующего сознания» действует как некий «индивидуальный фильтр», через который человек воспринимает и просеивает реальность, шлифует личностные смыслы существования и тянется в своём развитии к новым смыслам [11, 76-81].

Выделяя интонирующее сознание в качестве общей знаково-символической функции психики, А. В. Торопова утверждает, что «и в феномене музыкального сознания, и в природе музыкального символа присутствует синкретическое единство с другими интонемами сознания – движением, визуальными знаками, вербальной речью, которые образуют единую знаковую реальность, распадаясь в культуре на отдельные формы интонирования: пластические, статические, звуковые, и закрепляются в соответствующей языковой системе» [11, с.73]. То есть, чтобы смыслы, симво-

лы, образы и т. д. музыкальных и пластических традиций были восприняты и не утеряны, должна происходить постоянная активация интонирующего сознания: «В традиционных культурах этому способствовали календарный и литургический циклы, включающие людей в постоянно подтверждаемую идентичность через интонированную обрядовость, воспроизводящую определённую знаково-символическую реальность» [11, 73]. В наши дни функцию активации интонирующего сознания, по нашему убеждению, выполняют способы актуализации традиционных ценностей. Примером эффективного осуществления этого процесса является обращение к образцам обрядового фольклора, так как в нём содержится большой потенциал выражения интонационной культуры.

Формирующаяся при обращении к различным формам искусства интонационная культура становится одним из способов воспроизводства традиционных ценностей художественной культуры, которые способствуют осознанию человеком себя как части общей культуры, но одновременно в условиях современности происходит актуализация индивидуальных смыслов и значений, связанных с самовыражением. «Искусство, изменяя культуру, функционируя как ценность, изменяется вместе с культурой, так как изменяется контекстное поле смысла, изменяется сам человек, его мышление, мировосприятие» [3, 245]. Индивидуализация интонационной культуры становится её неотъемлемой чертой в связи с выражением эмоционального опыта личности. По утверждению Г. М. Пресс, «для полноценного, качественного интонирования необходимо участие эмоционально-психической деятельности исполнителя, а также способность мозга к проявлению и звуковому выражению своего духовного, жизненного, нравственного, интеллектуального, профессионального опыта, делающего интонирование убедительным, осмысленным, эмоционально насыщенным, соответствующим требованиям традиции, стиля, замыслу автора, иными словами, воплощает в звучании культурные смыслы» [8].

Таким образом, интонационная культура действует как особая система культурного обмена, способствующая, с одной стороны, кумуляции ценностного опыта, а с другой стороны, расширению чувственного пространства ценностных переживаний. В результате этого колебания границы между ценностями прошлого и настоящего нивелируются, что способствует многомерной самоидентификации личности: «“Внутреннее делание” личности в процессе интонирования происходит через рефлексию и присвоение родовых переживаний (даже *отсутствующих* в жизни конкретного человека и переданных ему в образе и символе)» [11, 73-76]. В процессе своего формирования интонационная культура становится своеобразным резервуаром эталонов, знаков и символов, который пополняется с помощью творческой активности людей: «Интонирование обеспечивает активность одного из каналов информационного поля человека как вида, поддерживает уровень узнавания в интонационных символах и музыкальных образах этнокультурных или профессиональных ценностей, тем самым поддерживая их воздействие на сознание» [11, 73].

При осознании того, что «область интонаций как смыслового звуковыявления безгранична», её присутствие на всех стадиях культурного развития неоспоримо, мы приходим к выводу о том, что интонация является способом осуществления традиционных ценностей, поэтому интонационная культура представляется как средство регулирования ценностного комплекса культуры, влияющего должным образом на уровень развития коммуникативных способностей личности [1, 240]. Она характеризуется спецификой символического общения человека с миром в аспекте его региональных, этнических, стилевых, персональных особенностей, аккумулирующих образно-смысловую деятельность человеческого интеллекта через коммуникативную связь в различных видах (внутренний (мысленный), речевой, музыкальный, пластический, цветовой и т. д.) и формах (речь, жесты, мимика, танец, музыка, живопись) творческой активности, демонстрирующей «духовную собственность» личности (культуры): опыт жизненно значимых переживаний человека, программу аффективно-когнитивного воспроизведения [11]. В свою очередь сам феномен интонирования как общее свойство интонационной культуры проявляется в способности образовывать, аккумулировать, транслировать культурные смыслы, что перекликается с характером функционирования традиционных ценностей. Аккумулируя содержание коммуникативных структур социокультурного пространства, интонационная культура служит универсальной системой трансляции традиционных ценностей культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс / Б. В. Асафьев. – Л.: Музыка, 1971. – 378 с.
2. Гришина, О. А. Русская интонология [Электронный ресурс] / О. А. Гришина. – Режим доступа: <http://elib.kspu.ru/upload/documents/2013/12/11/d2976c14/verstka-pdf.pdf>. – Загл. с экрана.
3. Денисенко, Г. В. Семиотические аспекты исследований музыкальной культуры / Г. В. Денисенко // Вестник МГУКИ. – 2012. – № 1(45). – С. 242-246.
4. Захаров, А. В. Традиционная культура в современном обществе / А. В. Захаров // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 105-115.
5. Костина, А. В. Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности: автореф. дис. ... д-ра культурологии / Костина Анна Владимировна. – М., 2009. – 40 с.
6. Князева, Т. С. Интонационная основа художественной выразительности личности [Электронный ресурс] / Т. С. Князева // Развитие личности. – Электрон. журн. – 2006. – № 1. – С. 84-94. – Режим доступа: http://rl-online.ru/articles/rl01_06/516.html. – Загл. с экрана.
7. Назарова, Д. В. Творческая личность «за кадром»: трансформация и самореализация / Д. В. Назарова // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 1. – С. 341-344.
8. Пресс, Г. М. Интонирование как универсальный механизм смыслообразования и смыслопроявления в культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Пресс Галина Михайловна. – Бийск, 2008. – 16 с.
9. Солопанова, О. Ю. Феномен педагогического интонирования в организации образовательного процесса автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Солопанова Ольга Юрьевна. – Краснодар, 2011. – 56 с.
10. Смотровая, Е. В. Интегративный подход к формированию у младших школьников целостного представления об искусстве (на материале уроков музыки в школе): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Смотровая Елена Владимировна. – М., 2014. – 28 с.
11. Торопова, А. В. Феномен интонирования как антропологический ориентир сохранения и воспроизведения облика человека определённой культуры / А. В. Торопова // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. – 2014. – Вып. 3(34). – С. 72-84.
12. Уайт, Л. Э. Наука о культуре / Л. Э. Уайт. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.
13. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей / А. Я. Флиер. – М.: Согласие, 2010. – 672 с.
14. Шер, Я. А. Происхождение знакового поведения / Я. А. Шер, Л. Б. Вишняцкий, Н. С. Бледнова. – М.: Научный мир, 2004. – 249 с.

Прокофьева В. Ю., Яковлева А. А.
V. Yu. Prokofeva, A. A. Yakovleva

СЕРИАЛ НА ОСНОВЕ ФИЛЬМА: СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

FILM-BASED SERIAL: CREATION SPECIFICS AND TENDENCIES

Прокофьева Виктория Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург); 191119, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, 13; тел.: +7 (911) 986-45-46. E-mail: vicproc@rambler.ru.

Ms. Viktoria Yu. Prokofeva – Grand Ph. D. in Philological Science, Full Professor, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television (Russia, Saint-Petersburg); 191119, Saint-Petersburg, 13 Truth str.; tel.: +7 (911) 986-45-46. E-mail: vicproc@rambler.ru.

Яковлева Анастасия Андреевна – студентка 3-го курса направления «Телевидение» Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург); 191119, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, 13; тел.: +7 (911) 786-61-24. E-mail: moriartyx@mail.ru.

Ms. Anastasia A. Yakovleva – student, major in «Television», St. Petersburg State Institute of Cinema and Television (Russia, Saint-Petersburg); 191119, Saint-Petersburg, 13 Truth str.; tel.: +7 (911) 786-61-24. E-mail: moriartyx@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена специфике создания телесериала на основе кинофильма. Автор анализирует современное состояние формата сериала в медиапространстве, рассматривает понятия «адаптация» и «создание продолжения» на основе франшизы кинофильма, приводит статистические данные о доле сериальной продукции в сетке вещания телеканалов. На основе анализа новозеландского сериала «Паранормальный Веллингтон», выросшего из кинофильма «Реальные упыри», раскрывается специфика создания подобного медиаконтента. На современном рынке производства телепродуктов, в частности, адаптированных сериалов или сериалов-продолжений, снятых на основе кинокартин, наблюдается тенденция к адаптации не формата, а условной художественной реальности и идейного комплекса базового продукта.

Summary. The article is devoted to the specifics of creating a television series based on the movie. The author analyzes the current state of the serial format in the media space, examines the concepts of «adaptation» and «creating continuation» based on the film's franchise, gives statistical data on the share of serial products in the broadcasting network of TV channels. Based on an analysis of the New Zealand series Wellington Paranormal, which grew out of the movie What We Do in the Shadows, reveals the specifics of creating such media content. In the modern market for the production of television products, in particular, adapted series or series-sequels, based on motion pictures, there is a tendency to adapt not the format, but the conditional artistic reality and the ideological complex of the basic product.

Ключевые слова: сериал, фильм, формат, адаптация, сиквел, медиаконтент.

Key words: series, film, format, adaptation, sequel, media content.

УДК 7.097

В современной телеиндустрии сериал занимает значительный сегмент эфирного времени. Статистика «О времени демонстрации киноконтента на разных каналах» за 2016 год [7] говорит о том, что сериалы занимают от 1116 до 253 часов в сетке вещания телеканалов российского телевидения (выбрана статистика по 10 наиболее популярным телеканалам), при условии, что общее время вещания каждого телеканала, выбранное для анализа, – 2184 часа. Таким образом, наиболее высокий показатель сериалов в сетке вещания – 51 %, наиболее низкий – 11,6 % (по 10 наиболее популярным телеканалам на российском телевидении). Среднее значение времени показа телесериалов на телевизионном рынке – 30,6 % (по 10 наиболее популярным телеканалам на российском телевидении) [2]. Данные исследования говорят о том, что телесериал является востребованным

видом телевизионного контента и занимает значительную часть современного телевизионного вещания.

Помимо популярности телесериалов в сетке телевизионного вещания, нельзя не обратить внимание на их внеэфирную популярность. Современные тенденции потребления медиаконтента указывают на «стремительное изменение структуры медиапотребления» [4], то есть возрастающую популярность предоставления телевизионного контента на платформах в сети интернет. Согласно американскому исследованию агентства Nielsen, «на цифровых устройствах пользователи потребляют разнообразный контент в течение 3 часов 48 минут в день» [10]. Многие телеканалы стали размещать свою продукцию в сети, где она имеет высокий рейтинг и большое число просмотров. Согласно общему рейтингу сериалов на портале My shows [11], 250 наиболее популярных (на данной платформе) телесериалов различных стран производства и дат выхода имеют от 209 743 до 10 414 просмотров, что составляет от 37,16 % до 1,8 5 % аудитории платформы. Как говорят исследователи, «главное, чего сумело добиться телевидение благодаря новым сериалам, – это завоевание интернета» [5, 18].

История становления сериала как вида телевизионного контента берёт своё начало ещё в 1930-х гг., в период стремительно развивающейся популярности мыльных опер на американском радио, а затем и на телевидении. Сериал может иметь различные жанровые особенности, тематику, проблематику, он может быть рассчитан на различную аудиторию, иметь автономные или связанные друг с другом эпизоды. При этом формат телесериала, как правило, имеет строгую структуру, состоящую из последовательных эпизодов. Даже в процедурных драмах, где каждая серия является автономной (например, «Чёрное зеркало», 2011 год), каждый эпизод имеет сквозную тему и идею, что делает сериал целостным художественным произведением.

Специфика формата сериала позволяет успешно использовать его при создании адаптаций и продолжений известных кинофраншиз. Такое приспособление (адаптация – от лат. *adapto* – приспособляю) в медиасфере затрагивает процесс переработки базового продукта для дальнейшего распространения в новой аудитории в соответствии с установившимися в ней языковыми, нравственными, идейными и национальными канонами. Адаптация телевизионного продукта широко распространена в современной медиаиндустрии. Часто можно наблюдать адаптацию зарубежного формата, в этом процессе авторами учитываются национальные и языковые особенности различных видов телепродукта. Экранизация также является одним из видов киноадаптации, то есть переносом литературного произведения на экран. В этом виде адаптации важно учитывать аппарат художественно-выразительных средств, которым владеют различные виды медиа и искусства (слово как единица воздействия на читателя (потребителя) в литературном формате, кадр и звук – как воздействие на зрителя (потребителя) в формате кино и телевидения). Ремейк (новый вариант старой версии) также можно назвать одним из видов адаптации, в котором большую важность имеют историко-культурная составляющая и набор технических средств, позволяющий оперировать более привычными для современного зрителя приёмами съёмки.

В последние годы стало достаточно распространённым производство сиквелов – продолжений кино- и телепроизведений. Нередко продолжение кинофраншизы выходит на телевидении. Такое создание телепроизведений на основе уже известной и популярной кинофраншизы очень выгодно для телеканала, чья аудитория, учитывая интернет-версии каналов, существенно многочисленней.

Адаптация фильмов к формату телесериала берёт своё начало ещё в 1949 году, когда канал CBS создал сериал «Я помню маму» на основе одноимённого фильма 1948 года режиссёра Роджера Стивенса. По фильму «Касабланка», 1942 (США) в 1955-1956 гг. вышел одноимённый сериал на телеканале ABC [9]. Увеличение популярности сериалов на современном телерынке привело к поиску более разнообразных идей для производства телесериалов, которые теперь могут быть созданы как на основе кинофильма, так и телекартины (телевизионного фильма или сериала). Существует высокая вариативность связи адаптированного продукта с базовым. Например, телесериал может продолжать повествование фильма. Так, сиквел «Чёртова служба в госпитале М.Э.Ш.» (1872–1983) снят на основе фильма «Военно-полевой госпиталь М.Э.Ш.» 1969 года. Се-

риал обрёл огромную популярность и по рейтингу выхода последней серии даже обошёл свой оригинал. Также продолжениями знаменитых кинокартин являются следующие телесериалы: «Горец» (1992–1998), снятый по одноимённому фильму 1986 года, «Блэйд» (2006), «Терминатор. Битва за будущее» (2008–2009) и многие другие. Некоторые сериалы создаются как полный пересказ кинокартины (например, сериал «Баффи: истребительница вампиров», 1997, или «От заката до рассвета», 2014). Многие телесериалы имеют лишь косвенную связь с базовым продуктом, например, одну вселенную (сериал «Фарго», 2014, или «Карты, деньги...», 2000). Нередко в адаптации сериала от базового продукта берутся также некоторые второстепенные персонажи, которые в адаптационном формате играют ключевую роль. Примерами таких сериалов могут послужить: сериал «Агенты Щ.И.Т.» (2009), снятый на основе полнометражных фильмов студии Marvel; сериал «Торчвуд» (2006), снятый на основе сериала «Доктор Кто», а также сериал «Паранормальный Веллингтон» (2018), выпущенный на основе фильма «Реальные упыри» (2014).

Остановимся подробнее на последнем и проанализируем специфику создания нового аудиовизуального произведения на основе частичной адаптации базового формата фильма к дочернему формату телесериала.

Над фильмом «Реальные упыри» (оригинальное название *What We Do in the Shadows*) работали режиссёры Джейми Клемент (он же сыграл роль усатого альфа-вампира Владислава) и Тайка Вайтити (он же сыграл роль робкого упыря-романтика Вьяго). На съёмках «Паранормального Веллингтона» (оригинальное название *Wellington Paranormal*) режиссёрский состав несколько изменился и Джейми Клемент начал работу уже с Джеки ван Бик (она же – персонаж Джеки в «Реальных упырях»). «Реальные упыри» – это не первая совместная картина Клемента и Вайтити: в 2005 году, за 9 лет до выхода фильма, в прокат вышла их короткометражка «Интервью с некоторыми вампирами» (оригинальное название *What We Do in the Shadows: interviews with Some Vampires*), то есть у режиссёров уже есть опыт освоения «вампирской вселенной», точнее, созданный ими фильм «потянул» на целый мир: «стало понятно, что “Реальные упыри” превратятся в целую вселенную – даже если Вайтити окончательно затянет в голливудские сети» [6].

Выпущенные им продукты имеют достаточно высокий рейтинг: по данным IMDb, «Реальные упыри» имеют оценку 7,6 из 10, «Паранормальный Веллингтон» – 7,7 из 10 [3]. Фильмы имеют одну страну производства – Новую Зеландию, что отражается в выражении национального колорита картин. Жанровая специфика и особенности съёмки также характерны и для фильма, и для сериала. Оба продукта сняты в стиле псевдодокументального (мокьюментари) пародийного фильма и включают в себя элементы ужаса, комедии, пародии и фэнтези. Сериал расширяет жанровые границы, включая в себя ещё и элементы детектива и криминального фильма. Увеличилась и пародийная база: в сериале присутствуют отсылки к популярным многосерийным телепродуктам недавнего прошлого, особенно ярко – к сериалу «Секретные материалы».

По сюжету сериала в городе Веллингтон производится съёмка документального фильма о двух полицейских (ранее они появлялись в эпизоде фильма «Реальные упыри»), которые начинают работу в паранормальном отделе. В ходе работы они сталкиваются с необъяснимыми явлениями, которым пытаются противостоять для сохранения спокойствия и порядка в городе Веллингтон. Сериал состоит из шести эпизодов, каждый из которых посвящён отдельной паранормальной теме (демоны, пришельцы, призраки, оборотни, вампиры, зомби), при этом наблюдаются прямые и косвенные пересечения с фильмом «Реальные упыри»:

- общая реальность: фильм и сериал имеют одну условную реальность, в которой разворачиваются события;
- общая стилистика в характеристике персонажей: ряд героев фильма (оборотни, зомби, персонаж Ник) появляются и в сериале;
- особенность игры актёров и их экранные имена: как и в фильме, большая часть съёмок проходит при импровизации актёров, а имена многих персонажей совпадают с именами актёров, которые их играют. Так, полицейскую О’Лири играет актриса Карен О’Лири, офицера Миноуга – Майк Миноуг, а сержанта Мааку – актёр Маака Похату.

Центральных персонажей фильма – вампиров Вьяго, Владислава и Дикона – нет в сериале, однако появление Ника, одного из героев «Реальных упырей», указывает зрителю на то, что сюжет

сериала разворачивается уже после событий фильма. Тем не менее «Паранормальный Веллингтон» нельзя назвать сиквелом «Реальных упырей»: этот фильм другого жанра (полицейский сериал, детектив) и иной смысловой направленности. Журналисты назвали сериал спин-оффом фильма [1], что, на наш взгляд, является более точным определением, чем «сиквел». Если в фильме ярко показываются внутренние конфликты героев, происходит психологическое раскрытие персонажей, демонстрируется их поведение в «быту», в привычной обстановке, формируется представление «вампиры тоже люди», поднимается социальная проблематика, то в сериале большая часть повествования отдаётся событийной и юмористической составляющим, границы «паранормального» в художественной вселенной «Веллингтона» расширяются, но не углубляются в сторону психологизма. Критические статьи, множившиеся с первых серий «Веллингтона», сравнивают его с фильмом: «В целом *“Паранормальный Веллингтон”* выглядит недожатым: там, где *“Реальные упыри”* напивались кровью жанра досыта, сериал делает пару неуверенных глотков, как будто не решаясь действовать дальше. Все шутки, какими бы они ни были обаятельными, к концу недлинного сезона начинают казаться однообразными, главные герои постоянно делают глупости, а образы классических фантастических монстров остаются почти такими же, как и были. Комедий про глуповатых полицейских существует достаточно, поэтому комичные копы на первом плане кажутся мотивом безнадёжным и сильно устаревшим» [8]. И всё же большинство отзывов отмечает, что «Веллингтон» сохранил дух и стиль оригинального фильма и перевёл его в разряд короткого сериала.

Как видим, сериал «Паранормальный Веллингтон» нельзя назвать полной адаптацией фильма к телевизионному формату, так как сюжетная и смысловая составляющие базового и адаптированного продукта очень разнятся. Тем не менее вышедший телесериал является успешным продолжением вампирской франшизы, о чём говорят зрителю рейтинг и отзывы о произведении.

Подведём некоторые итоги. На данном этапе формирования медиаконтента потребитель имеет постоянный доступ почти ко всем вышедшим продуктам кино- и телеиндустрии. Адаптация кинематографического формата, которая полностью повторяла бы структуру и сюжет кинокартины, становится нецелесообразна, так как зритель скорее обратится к базовому продукту, чем к адаптированному.

Таким образом, мы можем заключить, что адаптация киноформата на телевидении происходит успешнее, если сюжетная составляющая базового и адаптированного продуктов будут различаться. Данную тенденцию в производстве телесериалов также можно заметить при адаптации текстового формата к телевизионному. Например, сериал «Американские боги» (2017), выпущенный по одноимённой книге Нила Геймана, имеет несколько новых сюжетных веток, которых нет в базовом литературном произведении.

Как видим, на рынке производства телепродуктов, в частности, адаптированных сериалов или сериалов-продолжений, снятых на основе кино, наблюдается тенденция к адаптации не формата, а условной художественной реальности и идейного комплекса базового продукта. Это позволяет успешным франшизам не столько «дублировать» мысль в разных формах теле- и кинопродукта, сколько развиваться в создании единого идейно-художественного комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетова, А. Wellington Paranormal: спин-офф «Реальных упырей» о полиции и нечисти // Wonderzine [Электронный ресурс] / А. Айрапетова. – Режим доступа: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/entertainment/tv-shows/236715-wellington-paranormal> (дата обращения: 18.07.2018).
2. Венжер, Н. Кино на ТВ в зеркале статистики [Электронный ресурс] / Н. Венжер. – Режим доступа: <http://www.kinoart.ru/archive/2016/05/kino-na-tv-v-zerkale-statistiki>.
3. Интернет-база кинофильмов. Кинопортал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imdb.com/>.
4. Комарова, А. Социальные технологии и процессы [Электронный ресурс] / А. Комарова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnye-tendentsii-mediapotrebleniya-v-rossii-v-usloviyah-dinamicheskimenyayusheysya-realnosti/>.

5. Кушнарeва, И. Как нас приучили к сериалам / И. Кушнарeва // Логос. – 2013. – № 3. – С. 9-20.
6. Москвитин, Е. «Паранормальный Веллингтон» – страшно смешное шоу от создателя «Реальных упырей». И ещё семь телекомедий о зомби, вампирах и пришельцах [Электронный ресурс] / Е. Москвитин // Медуза. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2018/07/22/paranormalnyu-vellington-strashno-smeshnoy-serial-ot-sozdatelya-realnyh-upurey-i-esche-7-telekomediya-o-zombi-vampirah-i-prisheltsah> (дата обращения: 22.07.2018).
7. Рейтинг сериалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myshows.me/ratings/top/>.
8. Шабает, М. Паранормальный Веллингтон: кровь и кетчуп [Электронный ресурс] / М. Шабает // RussoRosso. – Режим доступа: <https://russorosso.ru/reviews/series/wellington-paranormal/> (дата обращения: 20.08.2018).
9. Anderson, Ch. Hollywood TV: the Studio System in the Fifties / Ch. Anderson. – New York, 1994. – 355 p.
10. How Much TV/Video Do You Watch a Day? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.soundandvision.com/content/how-much-tvvideo-do-you-watch-day>.
11. Ratings Top [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myshows.me/ratings/top/?mode=1>.

Иконников Е. А., Иконникова А. Е., Кизиль Е. В.
E. A. Ikonnikov, A. E. Ikonnikova, E. V. Kizil'

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТСОРСИНГА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО
ТРАНСПОРТА**

USE OF OUTSOURCING AT RAILWAY ENTERPRISES

Иконников Егор Алексеевич – студент магистратуры факультета экономики и менеджмента (кафедра экономики, финансов и бухгалтерского учёта) (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ikonnikov.kms@gmail.com.

Mr. Egor A. Ikonnikov – Master' s Degree student, Faculty of Economics and Management, Economics, Finance and Accounting Department (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: ikonnikov.kms@gmail.com.

Иконникова Анастасия Евгеньевна – студентка магистратуры факультета экономики и менеджмента (кафедра экономики, финансов и бухгалтерского учёта) (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: lisa_dilan@mail.ru.

Ms. Anastasia E. Ikonnikova – Master' s Degree student, Faculty of Economics and Management, Economics, Finance and Accounting Department (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: lisa_dilan@mail.ru.

Кизиль Елена Витальевна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (914) 179-42-20. E-mail: kizil_ev@mail.ru.

Ms. Elena V. Kizil' – Doctor of Economics, Professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (914) 179-42-20. E-mail: kizil_ev@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления деятельности ОАО «Российские железные дороги», переданные в настоящее время на аутсорсинг. Исследованы теоретические вопросы становления аутсорсинга, цели и задачи внедрения в практику инфраструктурной компании, преимущества, сложности и недостатки перехода на аутсорсинг. Представлена методика оценки эффективности использования аутсорсинга, условия её применения на предприятиях железнодорожного транспорта.

Summary. The article discusses the main areas of activity of JSC «Russian Railways», which are currently outsourced. The theoretical issues of the development of outsourcing, the goals and objectives of implementing the infrastructure company in the practice, the advantages, difficulties and disadvantages of the transition to outsourcing are investigated. A methodology for assessing the effectiveness of using outsourcing, the conditions for its use at railway transport enterprises is presented.

Ключевые слова: аутсорсинг, бизнес-процессы, эффективность, российские железные дороги.

Key words: outsourcing, business processes, efficiency, Russian railways.

УДК 338:47

Для эффективной работы предприятия любого уровня очень важным моментом в организации производственного процесса является правильное распределение ресурсов. Это требует поддержания на высоком уровне большого количества вспомогательных служб и подразделений (техничко-экономические отделы, бухгалтерия, кадры, обслуживающие подразделения, IT-структуры и т. д.). Большую роль в данном направлении играет использование аутсорсинга как способа высвобождения от определённых функций – организационных, финансовых и т. д. В ре-

в результате компания получает возможность экономить на трудовых ресурсах, требующих большого внимания и финансовых вложений.

Аутсорсинг существовал ещё со времён разделения труда, но широкое применение данное направление менеджмента получило лишь в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. В настоящее время многие компании, изучив опыт зарубежных коллег, начали успешно применять аутсорсинг, отказываясь от самостоятельного ведения каких-либо видов деятельности, мешающих осуществлению основных функций.

Несмотря на довольно широкое использование аутсорсинга, принятие решения о его применении является по-прежнему сложной задачей, поскольку затрагивает стратегические интересы компании.

Аутсорсинг (от англ. outsourcing: out-source-using) – буквально трактуется как «использование внешних ресурсов» и «внешних источников». Существует несколько определений аутсорсинга.

Например, в современных экономических словарях под аутсорсингом понимается передача стороннему исполнителю некоторых непрофильных функций предприятия с целью повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции и услуги в основном за счёт использования более дешёвой рабочей силы, привлекаемой со стороны [1].

Концепция аутсорсинга активно развивалась во времена Генри Форда. В своей книге «Моя жизнь. Мои достижения» он описывает, как дотошно рассчитывал, дешевле покупать ту или иную деталь или производить её самим [2].

Вопросам применения аутсорсинга посвящено значительное количество работ зарубежных и отечественных авторов: Е. Аксенова, Б. А. Аникина, П. Готтшальк, М. Доннеллан, Л. С. Казанцева, Т. В. Никонова, У. Росс, Як Финценц. Большое внимание данному явлению уделено в работах учёных и специалистов, относящихся к сфере управления, экономики и финансов железнодорожного транспорта (А. В. Андреев, А. Н. Бессонова, Н. П. Веретенников, И. А. Епишкин, Р. Г. Леонтьев, В. П. Шабалин и др.) [3].

Согласно мировой классификации существует аутсорсинг непромышленной сферы (управление персоналом, бухгалтерский налоговый учёт и аудит, управленческие услуги, сервисные услуги и т. д.), производственного сектора экономики (вспомогательно-заготовительные, вспомогательно-производственные, сборочные, пуско-наладочные процессы; контроль качества продукции; отгрузка и сбыт продукции и т. д.), а также аутсорсинг информационных технологий (разработка программного обеспечения, хостинг СУБД-коммуникационных систем, хостинг веб-сервисов, предоставление интернет-услуг, программного обеспечения и др.) [4].

Впервые в России об аутсорсинге на железнодорожном транспорте заговорили на семинаре в г. Ростове-на-Дону в 2004 году. В 2005 году аналогичный семинар был проведён в г. Екатеринбург, а в 2005 году в г. Щербина прошла выставка «Аутсорсинг и снабжение железнодорожного транспорта», где был организован круглый стол, на котором обсуждались вопросы необходимости создания перспективной программы внедрения аутсорсинга на железнодорожном транспорте [5].

Основными документами, регулирующими взаимоотношения аутсорсинговых компаний и ОАО «Российские железные дороги», являются «Положение об использовании аутсорсинга филиалами ОАО «РЖД»», «Положение о порядке использования сетевого аутсорсинга в ОАО «РЖД»», «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года». Как отмечается в этих документах, главной задачей в решении проблемы повышения эффективности функционирования железнодорожного транспорта является снижение совокупных транспортных издержек.

При использовании аутсорсинга на железнодорожном транспорте планируется достижение следующих целей [5]:

- повышение экономической эффективности деятельности предприятия и снижение затрат на ведение организационной и хозяйственной деятельности;
- снижение затрат на непрофильные направления компании;
- создание условий для удовлетворения сезонной потребности в дополнительном персонале;
- повышение качества выполненных работ, услуг, переданных на аутсорсинг.

Применение аутсорсинга в рамках пассажирского комплекса помогает решить задачи сезонных пиков перевозок. Кроме того, осуществляется передача непрофильных функций внешним специализированным фирмам. Например, мойкой вагонов, уборкой производственных и служебных помещений занимаются специализированные клиринговые фирмы, у которых себестоимость уборки одного метра площади намного ниже.

Актуальным на железнодорожном транспорте является использование аутсорсинга в пассажирском комплексе не только в сфере обслуживания вагонов в пути следования (проводники, постельное бельё, уборка, питание), но и в организации отдельных видов пассажирских перевозок.

На сегодняшний день на железной дороге существуют 90 аутсорсинговых фирм: Московская, Горьковская, Северо-Кавказская, Свердловская, Красноярская, Западно-Сибирская, Восточно-Сибирская и Дальневосточная (70 % проводников выведены в аутсорсинг). Количество выведенных из штата и переданных на аутсорсинг работников – 30,8 тыс. чел. (2017 год), в том числе 18,6 тыс. чел. – проводников [7].

В ОАО «Российские железные дороги» аутсорсинг осуществляется по 80 позициям по 9 департаментам в сфере *пассажирских перевозок* (проводники, экипировка, уборка и мойка, биотуалеты), в сфере *грузовых перевозок* (обслуживание автопогрузчиков «Кальмар» и «Тойота», тарноштучные грузы, обслуживание вагонных весов, автоматизированной системы коммерческого осмотра вагонов (АСКО 118)).

Применение аутсорсинга на предприятиях железнодорожного транспорта позволяет повысить производительность труда и экономических показателей деятельности за счёт снижения численности штата лишь формально. Однако следует отметить, что передача технологических процессов и функций на аутсорсинг, который требует присутствия высококвалифицированных сотрудников без ущерба для подразделений железнодорожного транспорта, невозможна. Исключение составляет привлечение работников в организации пассажирского скоростного и высокоскоростного сообщения. Укомплектование поездных бригад проводниками пассажирских вагонов в летнее время происходит за счёт привлечения студентов учебных заведений ОАО «Российские железные дороги». Это способствует выполнению поставленных задач предприятия в нужные сроки и в соответствии с требуемыми объёмами работ.

Несмотря на широкое применение аутсорсинга на железных дорогах его использование не всегда можно считать оптимальным, поскольку в ряде случаев на аутсорсинг выводятся виды деятельности и работы, передача которых приводит к увеличению издержек ОАО «Российские железные дороги».

В ОАО «Российские железные дороги» разрешены к использованию два вида аутсорсеров:

- организация-аутсорсер, которая оказывает незначительное количество работ (услуг);
- сетевой аутсорсер – специализированная организация, обладающая большим опытом в области выполнения отдельных видов работ (услуг), необходимым производственным потенциалом и имеющая структурные подразделения, обеспечивающие не менее 75 % охвата территории сети железных дорог [8].

В настоящее время ОАО «Российские железные дороги» стремится к снижению количества компаний-аутсорсеров, взаимодействующих по контрактам. Взаимодействие планируется строить по принципу «один аутсорсер на каждое отделение дороги или в региональной дирекции». Вторым признаком, влияющим на выбор компании-аутсорсера, служит низкая стоимость и высокое качество работ (услуг), а также наличие опыта работы на предприятиях железнодорожного транспорта [8].

Очень важно, чтобы на рынке аутсорсеров существовала конкуренция. В случае ненадлежащего выполнения аутсорсером своих обязанностей в соответствии с условиями контракта договор может быть расторгнут и заключён с новым аутсорсером.

Насыщение рынка аутсорсеров очень важно для ОАО «Российские железные дороги», так как в силу специфики его деятельности сложно найти компанию, отвечающую всем требованиям по выполнению соответствующих работ. Большее количество аутсорсинговых фирм необходимо на случай банкротства конкурирующей компании [9].

В филиалах ОАО «Российские железные дороги» передача персонала компании (аутстаф-финг) аутсорсинговым компаниям осуществляется с согласия работника на перевод в другую компанию с сохранением средней заработной платы, исчисленной по прежнему месту работы. Приём новых работников осуществляется на условиях аутсорсера по расчётной стоимости чел/час.

При передаче функций или бизнес-процессов в иную компанию чаще всего происходит реорганизация деятельности сотрудников, поэтому основная цель любой компании – это облегчение процесса адаптации сотрудников к новым условиям [3].

Следует отметить, что внедрение аутсорсинга, несмотря на множество положительных качеств, имеет ряд отрицательных моментов:

- невозможность чёткого и правильного управления данными взаимоотношениями;
- низкий уровень обоснованности принятия решений вследствие недостаточности, с одной стороны, специализированных инструментов планирования, а с другой – оценки социальных, экономических и финансовых последствий их реализации;
- отсутствие чётко разработанных методов оценки существующих аутсорсинговых взаимоотношений;
- низкий уровень квалификации сотрудников компании-аутсорсера [10].

Значительно уменьшить количество указанных недостатков позволяет методика экспертной оценки бизнес-процессов ОАО «Российские железные дороги», разработанная самой компанией [11].

Экономическим обоснованием перехода на аутсорсинг, согласно данной методике, является оценка бизнес-процессов (БП) по критериям передачи на аутсорсинг и определение индекса важности БП для ОАО «Российские железные дороги» ($I_{\text{в}} \Sigma i$) и индекса эффективности ($I_{\text{э}} \Sigma i$) для i -го эксперта.

Алгоритм определения данных индексов начинается с заполнения таблицы экспертной оценки бизнес-процессов, которая составляется подразделением-инициатором (см. табл. 1).

Таблица 1

Экспертная оценка бизнес-процессов

Группы критериев	Наименование критерия передачи на аутсорсинг	Балльная экспертная оценка				
		0	1	2	3	4
1. Определение уровня важности БП для ОАО «РЖД» ($I_{\text{в}}$)	1,1					
	1,2					
	1,3					
	-					
2. Сравнение эффективности БП с рынком ($I_{\text{э}}$)	1,1					
	1,2					
	1,3					
	-					

В результате по каждому критерию формируется экспертное мнение относительно возможности передачи рассматриваемого БП на аутсорсинг.

Индекс важности БП для ОАО «Российские железные дороги» и индекс эффективности БП для i -го эксперта определяется как среднее арифметическое всех балльных оценок соответствующих групп критериев:

$$I_{\text{в}} \Sigma i = \frac{1}{13} \cdot \Sigma_1^{13} I_{\text{в}},$$

$$I_{\text{э}} \Sigma i = \frac{1}{12} \cdot \Sigma_1^{12} I_{\text{э}},$$

где I_B – балльная оценка критерия передачи на аутсорсинг, относящегося к группе «Определение уровня важности БП для ОАО «Российские железные дороги»», произведённая i -м экспертом; i – порядковый номер эксперта; I_3 – балльная оценка критерия передачи на аутсорсинг, относящегося к группе «Сравнение эффективности БП с рынком», произведённая i -м экспертом.

В качестве методики экспертной оценки бизнес-процессов ОАО «Российские железные дороги» рекомендуется выбирать количество критериев, относящихся к группе «Определение уровня важности БП для ОАО «РЖД»», равным 13; а относящихся к группе «Сравнение эффективности БП с рынком» – равным 12.

Результат оценки индексов важности и индексов эффективности БП позволит выделить только те процессы, которые будут наиболее выгодны при их ликвидации в филиалах и структурных подразделениях ОАО «Российские железные дороги» и покупке готовых результатов на рынке (у лидеров отрасли). В частности, для Дальневосточной железной дороги – филиала ОАО «РЖД» – такими процессами являются:

- производство работ по замене стрелочных переводов, переустройству мостовых пролётов, установке вагонных замедлителей, погрузке (выгрузке) тяжеловесных грузов, демонтажу зданий и сооружений и так далее, выполняемых восстановительным поездом (дирекция аварийно-восстановительных работ);

- организация и проведение лабораторных испытаний качества веществ, материалов и иной продукции при поступлении и хранении на Дальневосточной железной дороге;

- организация и проведение химических, физических, физико-химических, электротехнических, металлографических лабораторных испытаний различных веществ и материалов, применяемых при ремонте и эксплуатации подвижного состава и других технических средств железнодорожного транспорта в границах Дальневосточной железной дороги (дорожная химико-техническая лаборатория).

Таким образом, аутсорсинг на предприятиях железнодорожного транспорта имеет как положительные, так и отрицательные стороны его применения. В данном случае очень многое зависит от компании, которая заключает договор с организацией-аутсорсером. При заключении такого договора предприятие должно чётко ставить перед собой цели и понимать, сможет ли оно при переходе на аутсорсинг достичь заветного результата. Экономическому обоснованию перехода на аутсорсинг способствует применение методики экспертной оценки бизнес-процессов ОАО «Российские железные дороги», которая позволяет сформировать предварительную оценку по возможности выведения БП из деятельности подразделения и его замещения рыночной услугой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбанов, А. Х. Аутсорсинг: история, методология, практика: моногр. / А. Х. Курбанов, В. А. Плотников – М.: ИНФРА-М, 2012. – 112 с.
2. Форд, Г. Моя жизнь. Мои достижения / Г. Форд. – СПб.: Астрель, 2013. – 352 с.
3. Аутсорсинг. Аренда персонала: правовые основы, бухгалтерский учёт и налогообложение: практ. руководство; под общ. ред. Ю. Л. Фадеева. – М.: Эксмо, 2007. – 80 с.
4. Андрякова, Т. В. Методические основы классификации аутсорсинга / Т. В. Андрякова, П. В. Бринь // Вестник НТУ «ХПИ». Актуальные проблемы управления. – 2011. – № 38. – С. 3-8.
5. Гончар, С. Н. Повышение эффективности использования имущества, непрофильной сферы железнодорожного транспорта: дис. на соиск. учён. степ. канд. экон. наук: 08.00.05 / Гончар Светлана Николаевна. – Хабаровск, 2006. – 133 с.
6. Аникин, Б. А. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента: учеб. пособие / Б. А. Аникин, И. Л. Рудая. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 288 с.
7. Годовой отчёт ОАО «РЖД» за 2017 год [Электронный ресурс] / Департамент корпоративных финансов ОАО «РЖД». – М.: Пресс-служба ОАО «РЖД», 2018 год. – Режим доступа: <https://ar2017.rzd.ru/> (дата обращения: 28.05.2019).
8. Казанцева, Л. С. Актуальные проблемы применения аутсорсинга на железнодорожном транспорте [Электронный ресурс] / Л. С. Казанцева // Теория управления. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <http://www.uecs.ru/uecs-28-282011/item/421-2011-05-23-07-16-42> (дата обращения: 05.03.2019).

9. Йордон, Э. Аутсорсинг: конкуренция в глобальной гонке за производительностью / Э. Йордон. – М.: Лори, 2006. – 367 с.
10. Готтшальк, П. ИТ-аутсорсинг: построение взаимовыгодного сотрудничества / П. Готтшальк, Х. Соли-Сетер. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 390 с.
11. Об утверждении методики экспертной оценки бизнес-процессов ОАО «РЖД» по критериям передачи на аутсорсинг [Электронный ресурс]: распоряжение ОАО «РЖД» от 31 января 2018 г. № 173-р. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения: 15.04.2019).

Ларченко Ю. Г., Бирюков Е. С.
Yu. G. Larchenko, E. S. Biryukov

**АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ КЛИЕНТОВ
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНА СПОРТИВНОГО ПИТАНИЯ**

**ANALYSIS OF WAYS TO ATTRACT AND RETAIN CUSTOMERS TO THE SPORTS
NUTRITION ON-LINE STORE**

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и торгового дела Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Ms. Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Service and Trade, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Бирюков Евгений Сергеевич – магистр направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: Freakmass@yandex.ru.

Mr. Evgeny S. Biryukov – Master's Degree student major in Business Administration, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: Freakmass@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются основные инструменты по привлечению и удержанию целевых клиентов оптового интернет-магазина спортивного питания. Особое внимание уделяется изучению вопросов, связанных с определением целевого сегмента рынка, анализом взаимосвязи частоты покупок от разных методов стимулирования сбыта. Рассчитан экономический эффект от использования рекламы в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере «Телеграм».

Summary. The article discusses the main tools to attract and retain target customers of the wholesale online store of sports nutrition. Particular attention is paid to the study of issues related to the definition of the target market segment, the analysis of the relationship of the frequency of purchases from different methods of sales promotion. Calculated the economic effect of the use of advertising in the social network «Vkontakte» and the messenger «Telegram».

Ключевые слова: социальные сети, «Инстаграм», «ВКонтакте», «Телеграм», «Яндекс директ», «Гугл директ», форумы, интернет-торговля, продвижение товаров в социальных сетях и сфере интернета.

Key words: social networks, «Instagram», «Vkontakte», «Telegram», «Yandex direct», «Google direct», forums, internet-trade, promotion of goods in social networks and the Internet.

УДК 339.13

Электронная торговля является современным и перспективным способом совершения коммерческих сделок во многих отраслях экономики, в том числе в розничной торговле спортивными продуктами и товарами.

В последние годы в России возрастает интерес к здоровому образу жизни и, как следствие, к занятиям спортом. Согласно «Федеральной целевой программе развития спорта», к 2020 году в занятия спортом в России планируется вовлечь до 40 млн человек. В этой связи возникает потребность в спортивном питании.

Рынок спортивного питания активно начал развиваться в нашей стране с 2005 года, однако пик его популярности можно отнести к 2011 году. На сегодняшний день рынок спортивного питания представлен множеством товарных категорий: протеиновые смеси, креатин, аминокислотные

и витаминные комплексы, жиросжигатели, гейнеры, энергетики, спортивные напитки и батончики, изотоники и прочее. Однако эксперты сходятся во мнении, что наибольшей популярностью у российских спортсменов пользуются протеиновые смеси, энергетики, креатин и аминокислотные комплексы. Главными тенденциями развития рынка спортивного питания в России можно считать разработку новых продуктов, оказывающих более эффективное специфическое воздействие, а также активное завоевание новых потребителей [1].

Таким образом, изучение и анализ инструментов привлечения и удержания клиентов оптово-розничного интернет-магазина спортивного питания является актуальной и своевременной темой исследования.

Выбранный объект исследования – интернет-магазин – специализируется на продаже различных добавок спортивного питания, направленных на похудение и набор мышечной массы, восстановление после спортивных травм и т. д.

Рассмотрим методы привлечения и удержания клиентов исследуемого интернет-магазина FreakMass и его основных конкурентов, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Методы привлечения и удержания клиентов интернет-магазина

Интернет-магазин	Методы привлечения клиентов	Методы удержания клиентов
http://Pepshop.ru	реклама в социальных сетях поисковый трафик реклама через спортсменов	акции скидки конкурсы консультации
http://peptits.ru	реклама в социальных сетях поисковый трафик	акции скидки
http://Freakmass.ru	реклама в социальных сетях поисковый трафик реклама на форуме	акции скидки конкурсы консультации

По данным табл. 1 видно, что интернет-магазин FreakMass поддерживает современную тенденцию по привлечению и удержанию клиентов. Для детального анализа инструментов привлечения и удержания клиентов интернет-магазина FreakMass составим портрет целевой аудитории посредством установления тесноты связи между признаками.

Определение возраста и пола целевого покупателя проводится с помощью диссерийного коэффициента:

$$\varpi_i = \frac{Y_i - Y}{\sigma_y * \sqrt{\frac{\sum f}{\sum f_i - 1}}}, \quad (1)$$

где Y_i – среднее значение признака в i -й группе; Y – среднее значение признака; σ_y – среднее квадратическое отклонение; f – частота признака [3].

Диссерийный коэффициент рассчитывается для подтверждения тесноты связи между количественными и качественными признаками. В данном исследовании количественный признак – это возраст, а качественный признак – пол респондента. Для подтверждения связи достаточно, чтобы диссерийный коэффициент был больше 0,3 по модулю.

В табл. 2 приведены данные о тесноте связи между признаками «Возраст» и «Пол».

Таблица 2

Теснота связи между признаками «Возраст» и «Пол»

Пол	Возраст, лет							Среднее значение в группе	σ_y	Диссерийный коэффициент
	18	22	27	34,0	37	42	47			
М	21	53	39	36	16	14	3	27,77	7,21	0,311
Ж	25	33	18	8	3	0	0	22,98		-0,311
Итого	46	86	57	44	19	14	3	26,22		0,000

Из полученных данных мы видим, что диссерийный коэффициент более 0,3 у мужчин в возрасте от 22 до 34 лет. Данная категория является нашей целевой аудиторией.

Далее определим роль скидки в совершении покупки у целевых покупателей. Из произведённых расчётов (см. табл. 3) следует, что теснота связи между количественными и качественными признаками присутствует. С возрастанием скидки на продукт «Энергетики» количество лояльных покупателей увеличивается. Отрицательные значения свидетельствуют об обратной связи – скидка не играет роли в приобретении пептидов и жиросжигателей.

Таблица 3

Теснота связи между признаками «Частота покупки» и «Скидка»

Спортивное питание	Скидка, %							Среднее значение в группе	σ_y	Диссерийный коэффициент
	0	10	20	30	40	50	60			
Жиросжигатели	61	0	25	8	7	9	0	13,43	19	0,017
Энергетики	14	0	5	3	3	6	9	29,38		0,369
Для набора	19	0	3	0	0	4	4	16,48		0,064
Витамины	27	7	0	0	0	0	0	1,98		-0,224
Восстановление	34	10	5	0	0	0	0	4,01		-0,225
Итого	154	16,29	37,83	11,10	10,13	19,0	13,6	13,06		0,000

С целью дальнейшего развития системы скидок как основного метода удержания клиентов интернет-магазина FreakMass предлагается разместить рекламу в мобильном приложении «Телеграм».

В 2017 году «Телеграм» признан самым скачиваемым бесплатным мобильным приложением по версии платформы AppStore. Основным преимуществом мессенджера является использование секретного протокола для обмена данными, который обеспечивает высокую скорость обработки, передачи и защиты информации. При этом данными могут быть: текстовое сообщение, видео, фото, музыка, архивы, таблицы и рисунки.

Есть три способа установки и использования «Телеграм»:

- на любой из существующих платформ в смартфоне (Android, iOS, Windows Phone);
- на персональных компьютерах и ноутбуках с помощью десктопной версии;
- в браузере в виде онлайн-версии.

В мессенджере можно создавать группы, включающие до 200 контактов для одновременной отправки информации, а также отдельный чат с количеством собеседников до 20 000 человек. Рекламные возможности представляют собой групповые чаты и каналы.

Экономические преимущества мессенджера «Телеграм»:

- 1) широкий охват аудитории интернет-пользователей среди владельцев;
- 2) обеспечение и поддержка круглосуточной связи с клиентом;
- 3) простой и неограниченный функционал мессенджера, позволяющий самостоятельно и без особой сложности создавать чаты, каналы; кроме этого, мессенджер позволяет бесплатно создавать уникальные стикеры, что является неотъемлемой чертой брендов [2].

Для экономической оценки эффективности «Телеграм» была закуплена реклама сроком на 1 месяц. При этом 15 дней товар рекламировался в социальной сети «ВКонтакте» и 15 дней – в мобильном приложении «Телеграм». Выпуск рекламы чередовался. Для отслеживания статистики использовался метод сокращения ссылок через сервис «Гугл». Данный процесс позволил определить количество переходов по заданной ссылке из социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера «Телеграм».

Суммарное количество переходов составило 376. Из них 75 % пришлось на мессенджер «Телеграм» (282 перехода) и 25 % – на социальную сеть «ВКонтакте» (94 перехода). Средняя стоимость одного перехода из социальной сети «ВКонтакте» составила 23,9 рубля, а из «Телеграм» – 13,2 рубля.

Рассмотрим экономический эффект от использования рекламы в социальной сети «ВКонтакте» и в мессенджере «Телеграм». Месячный рекламный бюджет составил 6000 рублей (3750 рублей в «Телеграм» и 2250 рублей во «ВКонтакте») (см. табл. 4).

Таблица 4

Экономический эффект от использования интернет-рекламы

Показатель	Вариант 1	Вариант 2
Выручка от реализации, тыс. р.	392,2	470,6
Закупочная стоимость товаров, тыс. р.	220,4	264,5
Затраты на рекламу в социальной сети, тыс. р.	2,3	0,0
Затраты на рекламу в мессенджере, тыс. р.	0,0	3,8
Прочие затраты, тыс. р.	38,5	43,3
Прибыль от реализации, тыс. р.	131,0	159,1

Из произведённых расчётов видно, что перераспределение рекламного бюджета обеспечивает тенденцию роста прибыли от реализации. За счёт рекламы в «Телеграм» прибыль предприятия во второй половине месяца увеличилась более чем на 21 %.

Дальнейшее использование мессенджера «Телеграм» и размещение информации о скидках, существующих товарах и новинках обеспечит дополнительный приток новых клиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипполитова, Т. Д. Развитие и перспективы рынка спортивного питания в России [Электронный ресурс] / Т. Д. Ипполитова, А. А. Букова // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сборник статей по материалам XXXVI Международной студенческой научно-практической конференции. – № 9(36). – Режим доступа: <https://sibac.info>, свободный.
2. Владислав, М. Рекламные возможности Telegram. Акива: профессиональный цифровой маркетинг [Электронный ресурс] / М. Владислав. – Режим доступа: <https://akiwa.ru>, свободный.
3. Чепухалина, Е. В. Товарный маркетинг: практикум: учеб. пособие / Е. В. Чепухалина. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2015. – 68 с.

Габов М. Ю., Яковлева Т. А.
M. Yu. Gabov, T. A. Yakovleva

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

EFFICIENCY OF THE REGIONAL TRANSPORT SYSTEM DEVELOPMENT

Габов Михаил Юрьевич – магистрант направления 38.04.01 – «Экономика» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: mishagaboff@gmail.com.

Mr. Mikhail Yu. Gabov – Master's Degree student major in 38.04.01 – «Economics», Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: mishagaboff@gmail.com.

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: efbu@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Professor, Department of Economics, Finances and Accounting, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: efbu@knastu.ru.

Аннотация. Статья посвящена вопросу эффективности развития транспортной системы региона на примере Хабаровского края. Рассмотрен вариант формирования эффективности транспортной системы края, включая экономический, социальный и экологический аспекты. Авторами проанализированы программные документы, согласно которым осуществляется развитие транспортного комплекса Хабаровского края.

Summary. The article is devoted to the issue of the efficiency of the regional transport system development on the example of the Khabarovsk Territory. The way of the formation of the efficient regional transport system, including the economic, social and environmental aspects is under concern. The authors analyze the program documents that determine the development of the transport complex of the Khabarovsk Territory.

Ключевые слова: транспортная система, эффективность транспортной системы, проблемы и перспективы развития транспортной системы.

Key words: transport system, efficiency of the transport system, problems and prospects of the transport system development.

УДК 625.7

В современной экономике транспортная система является важнейшей обеспечивающей подсистемой любого хозяйственного комплекса, в частности региона, и представляет собой совокупность транспортной инфраструктуры, транспортных предприятий и транспортных средств в их взаимодействии. Обеспечивающий статус транспортной системы, с одной стороны, требует такого состояния всех её элементов, которое гарантирует нормальное функционирование хозяйственного комплекса региона. С другой стороны, транспортная система должна гибко реагировать на происходящие изменения и вызовы, чтобы не тормозить, а способствовать экономическому и социальному развитию региона.

Для Хабаровского края социально-экономическая значимость транспортной системы повышается вследствие действия нескольких факторов:

1. Площадь края составляет 787,6 тыс. км², или 4,5 % от всей территории России. Для сравнения: такие крупные европейские страны, как Франция или Испания, занимают площадь 675,0 и 505,0 тыс. км² соответственно [1].

2. Географическое положение края делает его транспортным транзитным центром Дальнего Востока и всей Российской Федерации, а также стран Европы и динамично развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

3. Структура экономики края многопрофильна, базируется на развитом и диверсифицированном промышленном производстве и требует высокоэффективного транспортного обслуживания достаточно интенсивных грузопотоков.

4. Низкая плотность расположения населённых пунктов. Например, расстояние между Советской Гаванью и Новым Ургалом составляет 1054 км. Это объективно повышает транспортную мобильность населения и предполагает повышение уровня автомобилизации, которая в 2018 году составила 252 личных автомобиля на каждую тысячу жителей края, что ниже аналогичного показателя в среднем по России (293).

Количественно транспортная система Хабаровского края включает 10 330 км автомобильных дорог общего пользования, из них 8942 км – дорог с твёрдым покрытием, 826,4 км – железных дорог, 102 км – внутренних водных путей, 1115 км – воздушных трасс [2] и призвана выполнять три основные функции:

- 1) удовлетворять потребности различных субъектов экономики, в том числе население, в транспортных услугах;
- 2) формировать транспортную сеть региона путём взаимодействия между разными видами транспорта;
- 3) повышать конкурентоспособность и уровень социального и экономического развития региона.

Насколько эффективно транспортная система Хабаровского края выполняет свои функции, способствуя экономическому и социальному развитию региона, можно судить по «вкладу» транспорта в стоимостный объём валового регионального продукта (ВРП).

Структура ВРП Хабаровского края по состоянию на 2018 год показывает, что транспорт и связь среди ведущих секторов хозяйственного комплекса края занимают в ней 2-е место (19,9 %), уступив 1-е место промышленности (24,3 %) и обогнав торговлю (15,1 %) [3]. Однако абсолютные показатели деятельности какого-либо хозяйствующего субъекта не отражают, насколько эта деятельность эффективна. При оценке эффективности транспортной системы необходимо учитывать и экономическую, и социальную составляющие, что отражено в схеме (см. рис. 1), предложенной А. Э. Горевым [4, 183].

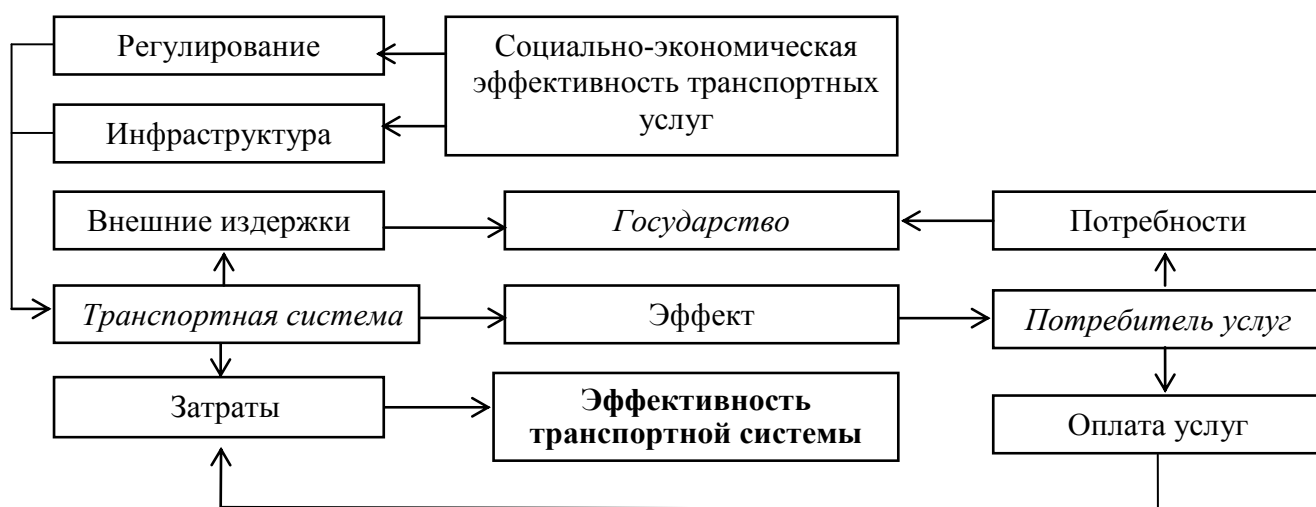

Рис. 1. Схема формирования эффективности транспортной системы

Как видно на рис. 1, эффективность транспортной системы формируется с участием трёх субъектов: *транспортной системы*, *потребителя её услуг* и *государства* в лице государственных органов управления. В соответствии с таким подходом в основу обеспечения эффективности за-

кладывается максимально возможное сглаживание противоречий между интересами субъектов непосредственно самой транспортной системы (транспортными компаниями и т. д.) и двумя внешними по отношению к ней субъектами.

При разработке программ экономического и социального развития региона, выборе текущих и перспективных направлений развития отдельных видов транспорта и транспортной системы в целом возникает потребность обоснования эффективности капитальных вложений и других затрат в транспортную систему. Оценка эффективности развития транспортной системы региона целесообразно осуществлять, опираясь на получившие признание общие подходы анализа эффективности, учитывая особенности транспортной системы и многообразие форм проявления результата (эффекта) её совершенствования.

В широком смысле транспорт имеет многоаспектное назначение: помимо выполнения экономических функций, он оказывает влияние и на социальную сферу, и на состояние экологии. Поэтому эффективность функционирования транспортной системы следует оценивать не только с помощью экономических показателей.

Среди основных критериев социальной эффективности транспорта можно назвать:

- степень удовлетворения потребности населения в транспортных услугах;
- степень влияния транспортных услуг на решение социальных задач;
- влияние на сокращение затрат труда в домашнем хозяйстве и на структуру использования рабочего времени;
- воздействие рабочей силы на совершенствование качественной структуры и эффективность материального производства.

Экологический результат заключается в уменьшении отрицательного воздействия транспорта на окружающую среду и связан со снижением загрязнения её атмосферы вредными выбросами, шумом и экономией городской территории. Экологические результаты рассчитываются по разности показателей отрицательного воздействия на окружающую среду и по разности показателей состояния окружающей среды до и после реализации проекта.

Транспорт является наиболее динамичной сферой экономики Хабаровской края. Например, за период с 2008 по 2015 год среднегодовой темп роста грузооборота транспорта составил 112,9 %, что является самым высоким показателем по сравнению с показателями других видов экономической деятельности. Одна из причин такого роста заключается в том, что основной объём инвестиций в экономику края приходится именно на транспорт и связь (30,1 %), в то время как на такие виды экономической деятельности, как обрабатывающие производства – 26,3 %, производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 11,6 %, добыча полезных ископаемых – 8,8 %, строительство – 6,8 % [5]. Несмотря на это со стороны государства развитию транспортной системы региона всегда уделялось и в настоящее время уделяется значительное внимание.

В разное время на территории края в рамках проведения государственной политики в области транспорта реализовывались мероприятия следующих программ: федеральной целевой программы «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 годы)», федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010–2015 годы)», федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года».

Реализация перечисленных программ несомненно имеет положительный эффект для транспортной системы Хабаровского края, однако степень выполнения запланированных мероприятий различна, поэтому на сегодняшний день по-прежнему актуальными остаются следующие проблемы:

- низкая транспортная доступность для большинства жителей края;
- изношенный парк по большинству средств транспорта;
- перегруженность железнодорожной сети, не позволяющая интенсифицировать реализацию множества перспективных инвестиционных проектов;
- неразвитая наземная инфраструктура для эффективного использования авиационного транспорта;

- неразвитая береговая инфраструктура для эффективного использования водных видов транспорта;

- неразвитая система пригородных и межмуниципальных пассажирских перевозок;
- высокие тарифы на транспортные услуги, обусловленные высокой стоимостью энергоресурсов, что ведёт к конечному удорожанию товаров и услуг за счёт транспортной составляющей.

Устранение или снижение остроты проблем развития транспортного комплекса края должно базироваться на определённых принципах, а именно:

- взаимоувязанном развитии всех видов транспорта: железнодорожного, воздушного, автомобильного, водного и усилении за счёт этого интеграции экономики края в общероссийское и международное экономическое пространство;

- наращивании объёмов грузоперевозок за счёт увеличения пропускной способности железнодорожных магистралей;

- развитии смешанных перевозок в железнодорожно-водном сообщении, железнодорожно-автомобильных перевозок по принципу «от двери до двери», согласованной работе транспорта в развивающихся транспортных узлах;

- улучшении качества и повышении доступности транспортных услуг для населения и бизнеса за счёт развития пассажирских перевозок на основе расширения маршрутной сети воздушного и автомобильного транспорта, эффективном управлении железнодорожными и водными пригородными пассажирскими перевозками;

- обеспечении безопасности транспортного комплекса края, объектов транспортной инфраструктуры и оказании услуг по перевозке грузов и пассажиров.

Устранению «проблемных мест» будут способствовать совершенствование транспортной системы и обеспечение тем самым устойчивого социального и экономического развития Хабаровского края, с целью чего была разработана и утверждена в 2013 году государственная программа Хабаровского края «Развитие транспортной системы Хабаровского края» [6].

Развитие транспортной системы Хабаровского края не только в региональном, но и общероссийском и международном масштабах предусматривается «Стратегией социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года» [7] и «Стратегией социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года» [5, 99-101].

Мероприятия программы «Развитие транспортной системы Хабаровского края» рассчитаны на 10 лет и предполагают общий объём финансирования в размере 145 731,19 млн рублей за счёт средств федерального бюджета, краевого бюджета, бюджетов муниципальных образований и внебюджетных источников средств [6].

В первоначальном варианте программы в качестве конечного результата её реализации предполагалось:

- создание современной транспортной сети, взаимоувязанной всеми видами транспортной отрасли;

- обеспечение возрастающих потребностей в грузовых и пассажирских перевозках (к 2022 году объём перевезённых грузов составит более 73,0 млн тонн в год, количество перевезённых пассажиров – 133 млн человек);

- повышение уровня транспортной доступности населения и предприятий края;

- повышение качества и безопасности услуг транспорта [6, 5].

По мере выполнения программы «Развитие транспортной системы Хабаровского края» на основе анализа и ежегодных отчётов о ходе реализации государственной программы корректируются значения индикаторов (показателей). Например, были скорректированы показатели объёма перевезённых грузов и количества перевезённых пассажиров. Планируется, что к 2020 году увеличение составит более чем в 2 раза по обоим показателям: 152 млн тонн в год и 239 млн человек соответственно. В общей сложности выполнение программных мероприятий оценивается с помощью 41 показателя (индикатора).

Совокупность показателей эффективности состояния и развития транспортной системы региона можно сгруппировать по определённым критериям:

- 1) вклад в экономику региона (удельный вес в стоимостном объеме ВРП, удельный вес инвестиций в основной капитал региона и т. п.);
- 2) материальная база транспорта (протяжённость транспортных путей и их структура и т. п.);
- 3) производственно-эксплуатационная деятельность (среднее расстояние перевозок, грузооборот по всем видам транспорта и т. п.);
- 4) финансы (валовая прибыль, себестоимость работ, услуг и т. п.);
- 5) социальный эффект (численность работающих, среднемесячная заработная плата и т. п.);
- 6) бюджетный эффект (налог на прибыль и т. п.).

Постоянный мониторинг основных показателей эффективности и корректировка на этой основе принимаемых решений позволит реализовать наиболее экономичный вариант достижения прогнозных значений индикаторов развития транспортной системы Хабаровского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабаровский край [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хабаровский_край (дата обращения: 26.04.2019).
2. Строев, А. И. Анализ состояния транспортной инфраструктуры Хабаровского края / А. И. Строев, Г. Н. Строева // Учёные заметки ТОГУ. – 2016. – Т. 7. – № 4. – С. 659-666.
3. Промышленность и транспорт. Официальный сайт правительства Хабаровского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khabkrai.ru/khabarovsk-krai/> (дата обращения: 26.03.2019).
4. Горев, А. Э. Основы теории транспортных систем: учеб. пособие / А. Э. Горев. – СПбГАСУ. – СПб., 2010. – 214 с.
5. Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года // Постановление правительства Хабаровского края от 13 июня 2018 г. № 215-пр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/> (дата обращения: 24.03.2019).
6. Государственная программа Хабаровского края «Развитие транспортной системы Хабаровского края» // Постановление правительства Хабаровского края от 05 мая 2012 г. № 146-пр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennyecelevyue-programmy/166> (дата обращения: 24.03.2019).
7. О стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года [Электронный ресурс]: постановление правительства Хабаровского края от 13 января 2009 г. № 11-пр. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кузнецова О. Р., Солецкий В. В.
O. R. Kuznetsova, V. V. Soletskiy

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ДВУХСРЕДНЫХ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

ECONOMICAL EXPEDIENCY OF CREATING TWO-ENVIRONMENT UNMANNED AERIAL VEHICLE

Кузнецова Ольга Рудольфовна – доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта, кандидат экономических наук Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (914) 427-55-47. E-mail: orkuznetsova@mail.ru.

Ms. Olga R. Kuznetsova – PhD in Economics, Associate Professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (914) 427-55-47. E-mail: orkuznetsova@mail.ru.

Солецкий Вячеслав Вадимович – студент Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: soleckiy.vyacheslav@gmail.com.

Mr. Vyacheslav V. Soletskiy – student, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: soleckiy.vyacheslav@gmail.com.

Аннотация. В статье представлены результаты обоснования экономической целесообразности организации предприятия по производству двухсредного беспилотного летательного аппарата (БПЛА). Произведён расчёт денежных потоков, показателей экономической эффективности проекта, объёмов производства и реализации продукции, необходимых для обеспечения безубыточного функционирования предприятия.

Summary. The article presents the results of the substantiation of the economic feasibility of organizing an enterprise for the production of a two-medium unmanned aerial vehicle (UAV). The authors provide the calculation of cash flows, indicators of economic efficiency of the project, as well as the volume of production and sales of products necessary to ensure the break-even operation of the enterprise.

Ключевые слова: инвестиционный проект, экономическая эффективность, БПЛА, денежный поток, точка безубыточности.

Key words: investment project, economical expediency, UAV, cash flows, break-even point.

УДК 338.629.73

В настоящее время отрасль беспилотных летательных аппаратов является самой перспективной и активно развивающейся. Многие страны мира заинтересованы, чтобы поставить на вооружение самые передовые БПЛА. Над их разработкой трудятся десятки стран и тысячи частных компаний, в проекты вкладываются огромные финансовые средства.

Область применения БПЛА в гражданских целях не менее широка. Это признают фактически все представители стратегических отраслей экономики России. Возможности БПЛА сегодня представлены в решении задач от проведения природоохранных мероприятий до функций мониторинга состояния различных объектов топливно-энергетического комплекса, на транспорте, в сельском хозяйстве, а также используются в целях предотвращения последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного происхождения [2].

Настоящее исследование посвящено разработке проекта предприятия по производству двухсредного беспилотного летательного аппарата. Основной задачей производства летательного аппарата является мониторинг окружающей среды, подводно-технический контроль, осуществление поисково-спасательных операций, использование в развлекательных целях и другое. Аппарат

способен осуществлять фото- и видеосъёмку как с воздуха, так и под водой. Анализ рынка показал, что модели, способные передвигаться и вести фото- и видеосъёмку сразу в двух средах, воздухе и воде, находятся только в стадии разработки и ещё не появились на российском рынке.

Конструкция, технические параметры, технологические характеристики машины были разработаны в ходе подготовки выпускной квалификационной работы. В настоящее время проводятся работы по созданию опытного образца. Кроме того, на этом этапе осуществляются печать корпуса на 3D-принтере, разработка системы управления БПЛА, совершенствование обводов контура корпуса.

Основные технико-экономические характеристики БПЛА представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные технико-экономические характеристики беспилотного летательного аппарата

Характеристика	Значение
Максимальная взлётная масса, кг	8
Масса ЛА, кг	7
Разрешённая полезная нагрузка, кг	1
Время полёта, мин	30
Время плавания, мин	30
Максимальная глубина погружения, м	5
Радиус действия радиопередатчика, м	3000
Радиус действия канала связи (видеопередатчика), м	3000
Максимальная скорость полёта, км/ч	30
Максимальная скорость движения в воде, км/ч	5

В статье представлены некоторые положения финансового плана реализации проекта производства двухсредного БПЛА. В качестве источника привлечения денежных средств для финансирования проекта рассматривается получение гранта по результатам участия в программе «Старт» Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия инновациям). Чтобы сократить риски, финансирование проекта разбивается на два этапа: создание продукта и создание предприятия с дальнейшим производством этого продукта.

Первый этап будет длиться один год, а размер возможной величины гранта будет составлять 2 млн рублей. В течение этого периода необходимо доработать тактико-технические характеристики проекта. По завершении первого этапа будут привлечены денежные средства в размере 3 млн рублей, которые будут направлены на создание полноценного производства с достаточным количеством персонала и производственного оборудования.

Результаты расчёта прогнозных значений денежных потоков приведены в табл. 2.

Таблица 2

Прогнозирование денежных потоков

Годы	0	1	2	3
Показатели				
Приток, р.	0	18 000 000	30 000 000	30 000 000
Отток, р.	5 000 000	14 748 000	22 740 000	22 740 000
Чистый денежный поток, р.	-5 000 000	3 252 000	7 260 000	7 260 000
Кумулятивный денежный поток (КДП), р.	-5 000 000	-1 748 000	5 512 000	12 772 000

Продолжение таблицы 2

Годы	0	1	2	3
Показатели				
Дисконтированный денежный поток (ДДП), р.	-5 000 000	2 710 000	5 041 667	4 201 389
Чистая приведённая стоимость (NPV), р.	-5 000 000	-2 290 000	2 751 667	6 953 056

Величина притока денежных средств определяется выручкой от реализации исходя из цены одного изделия в размере 250 тыс. рублей. Количество произведённых и реализованных изделий корректируется по мере развития производства. Корректировке будет подвержен и уровень цены, которая будет меняться в соответствии с разработанной ценовой стратегией и тактикой ценообразования.

Величина оттока денежных средств складывается из капитальных затрат за первый и второй этапы реализации проекта и из текущих затрат, связанных с производством изделий непосредственно (стоимость материалов, фонд оплаты труда, страховые взносы и т. п.).

Коэффициент дисконтирования выбирался с учётом альтернативности вложения средств, то есть с учётом процентных ставок по депозитам банков, а также процентов на риск. При расчёте денежных потоков величина коэффициента дисконтирования принята равной 20 %.

Анализ денежных потоков и расчётные величины индекса рентабельности (PI) и срока окупаемости говорят о том, что проект создания и производства двухсредного БПЛА является экономически целесообразным ($NPV > 0$, $PI > 1$), первоначальные инвестиции окупаются уже на втором году реализации проекта.

Далее был определён порог рентабельности проекта (точка безубыточности). Порог рентабельности – это такая выручка от реализации, при которой предприятие уже не имеет убытков, но ещё не имеет и прибыли [1].

Определим значение точки безубыточности в количестве продаж:

$$\frac{\text{Порог рентабельности}}{\text{Цена единицы товара}} = \frac{\text{Постоянные расходы}}{\text{Переменные расходы на единицу товара}}, \quad (1)$$

$$\frac{\text{Порог рентабельности}}{250\,000} = \frac{7\,200\,000}{250\,000 - \frac{72\,342\,000}{250\,000}} = 89 \text{ шт.}$$

Вычислим запас финансовой прочности – показатель, который определяется как разница между прогнозируемым объёмом продаж и точкой безубыточности:

$$\frac{\text{Запас финансовой прочности}}{\text{Количество продаж}} = \frac{\text{Количество продаж} - \text{Точка безубыточности}}{\text{Количество продаж}} \cdot 100\%, \quad (2)$$

$$\frac{\text{Запас финансовой прочности}}{\text{Количество продаж}} = \frac{428 - 89}{428} \cdot 100\% = 79\%.$$

Расчёты показали, что предприятие способно выдержать 79-процентное снижение объёмов продаж без серьёзной угрозы для своего финансового положения.

Графическое изображение порога рентабельности представлено на рис. 1.

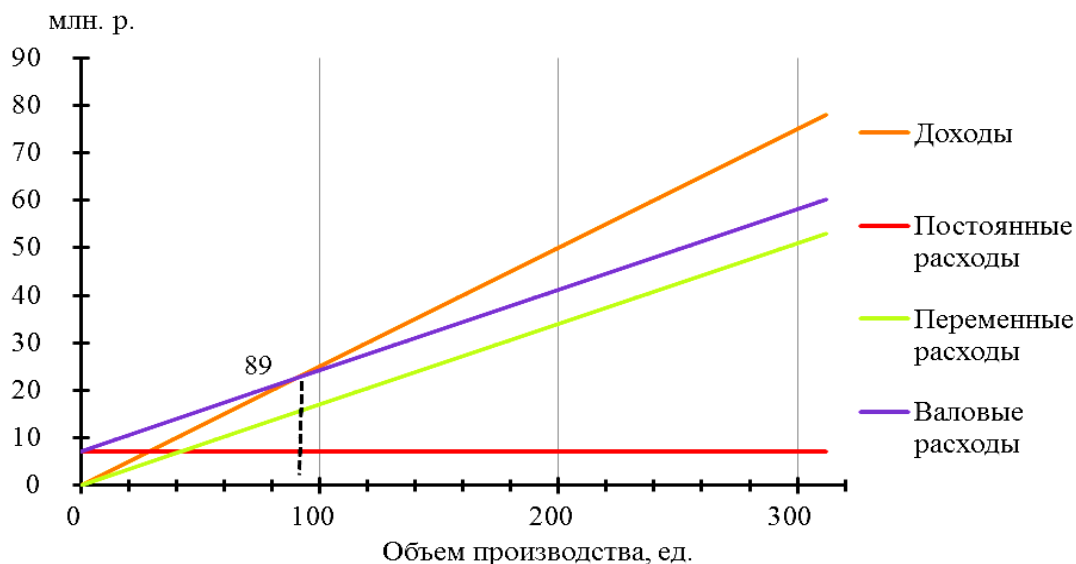

Рис. 1. Определение порога рентабельности

Показатели эффективности инвестиционного проекта по производству двухсредного БПЛА представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели эффективности инвестиционного проекта

Показатель	Значение
КДП, р.	22 458 000
NPV, р.	12 857 975
Индекс доходности (PI)	3,57
Срок окупаемости дисконтированный, годы	1,40
Срок окупаемости простой, годы	1,25
Точка безубыточности, ед.	89
Запас финансовой прочности, %	79

Так как при расчёте эффективности проекта приняты некоторые допущения, то в ходе его реализации показатели могут несколько ухудшиться. Однако достаточно большой запас финансовой прочности позволяет обеспечить безубыточную работу предприятия. Таким образом, проект экономически целесообразен и в настоящий момент начата его реализация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Финансовый менеджмент: теория и практика: учебник / под ред. Е. С. Стояновой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Перспектива, 2004. – 656 с.
2. Особенности гражданского применения беспилотных летательных аппаратов на примере возможностей их использования при ликвидации чрезвычайных ситуаций. Официальный сайт ФГУ «Авиалесохрана» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ucom.ru/doc/na.2016.01.03.023.pdf> (дата обращения: 20.02.2019).